

СЕРИЯ
ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
КАФЕДРА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 4, № 1

СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Москва 2018

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH
CENTER FOR SOCIAL DEMOGRAPHY

MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS
MOSCOW STATE INSTITUTE OF INTERNATIONAL RELATIONS
(UNIVERSITY)
DEPARTMENT OF DEMOGRAPHIC AND MIGRATION POLICY

DEMOGRAPHY. SOCIOLOGY. ECONOMY

SERIES FOUNDED IN 2015

VOLUME 4, No. 1

THE FAMILY IN MODERN SOCIETY

MOSCOW 2018

УДК 316.47:316.356.2
ББК 60.54:60.56(Я73)
С30

С30 Семья в современном обществе. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 4, № 1 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., д. соц. н. Ростовской Т.К. – М.: Изд-во «Экон-информ», 2018. – 261 с.
ISBN 978-5-907057-13-5

Выпуск посвящен актуальным вопросам трансформации и институционализации семьи в современном обществе, а также подходам к совершенствованию государственной социальной политики в сфере поддержки семей. Сборник включает материалы научных исследований, представленных в виде докладов на круглом столе «Институциональные особенности функционирования семьи в современном обществе: российский и зарубежный опыт», который состоялся в ИСПИ РАН 18 мая 2018 года в рамках XV Международного конгресса «Российская семья».

Family in Modern Society. Series “Demography. Sociology. Economics”. Vol. 4, No. 1 / Edited by Corresponding-Member of the RAS Sergey V. Ryazantsev, PhD (Econ.), Tamara K. Rostovskaya. Moscow: Econ-Inform, 2018. – 261 p.

The issue is devoted to topical issues of family transformation and institutionalization in modern society, as well as approaches to improving state social policy in the sphere of family support. The collection includes the materials of scientific research presented in the form of reports at the round table "Institutional features of family functioning in modern society: Russian and foreign experience", which was held at ISPI RAS on May 18, 2018 as part of the XV International Congress "Russian Family".

ISBN 978-5-907057-13-5

© ИСПИ РАН – Институт социально-политических исследований Российской академии наук, 2018
МГИМО (Университет) МИД России, 2018
© Оформление. Изд-во «Экон-Информ», 2018

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 4, № 1

DEMOGRAPHY. SOCIOLOGY. ECONOMICS

SERIES FOUNDED IN 2015

VOLUME 4, NO. 1

Главный редактор (Chief Editor):

РЯЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК,
ВРИО ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН,
ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО
(УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ, МОСКВА, РОССИЯ

Sergey V. RYAZANTSEV,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Dr. (Economics), Professor, Director of the Institute of Socio-Political Research
of the Russian Academy of Sciences (RAS),
Chair of Department of the Moscow State Institute of International Relations
MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russia)

Научный координатор (Research Coordinator):

РЫБАКОВСКИЙ ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Leonid L. RYBAKOVSKY, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

Редактор (Editor):

РОСТОВСКАЯ ТАМАРА КЕРИМОВНА, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (МОСКВА, РОССИЯ)

Tamara K. ROSTOVSKAYA, Dr. Sci. (Sociology) Professor, Deputy Director of the Institute Socio-Political Researches of the RAS, Head of the Branch of Socio-Pedagogic and Organization of Work with Young People of the Russian State Social University (Moscow, Russia)

Помощники редактора (Associate Editors):

БЕЗВЕРБНЫЙ ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Vadim A. BEZVERBNUY, PhD (Economics), Deputy of Director of the Institute of Socio-Political Research of the of the RAS, Senior Lecturier of Department of the Moscow State Institute of International Relations MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Riussia (Moscow, Russia)

ЛУКЬЯНЕЦ АРТЕМ СЕРГЕЕВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Artem S. LUKYANETS, PhD (Economics), Leading Researcher of the Centre of Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, Senior Lecturier of Department of the Moscow State Institute of International Relations MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Riussia (Moscow, Russia)

МАНЬШИН РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Roman V. MANSHIN, PhD (Economics), Leading Researcher of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturier of Department of the Moscow State Institute of International Relations MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Riussia (Moscow, Russia)

СИВОПЛЯСОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Svetlana Yu. SIVOPLIYASOVA, PhD (Economics), Leading Researcher of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

ХРАМОВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА, КАНДИДАТ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Marina N. KHRAMOVA, PhD (Physics and Mathematics), Deputy of Director of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, Senior Lecturer of Department of the Moscow State Institute of International Relations MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

Международная редакционная коллегия (International Editorial Board):

БАЙКОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, КАНДИДАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ПРОРЕКТОР МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Andrey A. BAIKOV, PhD (Political Science), Vice-Rector of the Moscow State Institute of International Relations MGIMO (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

ВАН СЯОЦЗЮЙ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК, ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ПЕКИН, КИТАЙ)

Xiaoju WANG, Dr. (History), Professor, Senior Fellow of the Institute of World History of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China)

ВИЛЛЕН ПАТРИЦИЯ АЛЬВЕС, ПРОФЕССОР ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА УБЕРЛАНДИЯ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УНИВЕРСИТЕТ КАМПИНАС (КАМПИНАС, БРАЗИЛИЯ)

Patricia A. VILLEN, Professor in the Social Science Institute of Federal University of Uberlândia (Ufu – Brazil) researcher of University of Campinas (Campinas, Brazil)

ВИЛСОН РЭЙЧИЛ, ДОКТОР НАУК, АДВОКАТ, АДВОКАТСКОЕ БЮРО (ТУСОН, США)

Rachel WILSON, PhD (Language), Managing Attorney, Law Offices (Tucson, USA)

ВИРККУНЕН ЙОНИ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ (ЙОЭНСУУ, ФИНЛЯНДИЯ)

Joni VIRKKUNEN, PhD (Sociology), Professor of the University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

ВОЛОХ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ, ДОКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА УПРАВЛЕНИЯ (МОСКВА, РОССИЯ)

Vladimir A. VOLOKH, Dr. (Political Science), Professor of the State University of Management (Moscow, Russia)

ВОРОБЬЕВА ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Olga D. VOROBIEVA, Dr. (Economics), Professor, Head of SIC, Moscow Psychological and Social University (Moscow, Russia)

ДАНГ НГУЕН АНЬ, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ВЬЕТНАМСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ХАНОЙ, ВЬЕТНАМ)

Dang Nguyen Anh, Dr. (Sociology), Association Professor, Vice-President of the Vietnamese, Director of the Institute Sociology of the Vietnamese Academy of Social Sciences (Hanoi, Vietnam)

ДАНТАС АЛЕКСИС ТОРИБИО, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ШТАТА РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО (РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО, БРАЗИЛИЯ)

Alexis T. DANTAS, Dr. (Economics), Professor of the University of the State of Rio-de-Janeiro (Rio-de-Janeiro, Brazil)

ДАВЕ БАВНА, ДОКТОР НАУК, ДИРЕКТОР ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, УНИВЕРСИТЕТ ЛОНДОНА (ЛОНДОН, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Bhavna DAVE, Dr. (Political Science), Professor, Director of the Center of the Caucasian and Central Asian Studies of the University of London (London, United Kingdom)

ИВАНОВА АЛЛА ЕФИМОВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Alla E. IVANOVA, Dr. (Economics), Professor, Leading Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

ИНГЛИС КРИСТИНЕ БРЕНДА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ СИДНЕЯ (СИДНЕЙ, АВСТРАЛИЯ)

Christine B. INGLIS, PhD (Sociology), Association Professor of the University of Sydney (Sydney, Australia)

ИОНЦЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА (МОСКВА, РОССИЯ)

Vladimir A. IONTSEV, Dr. (Economics), Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

КАРАЧАЙ АЙСЕМ БИРИЗ, ДОКТОР НАУК, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, МИГРАЦИОННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР, УНИВЕРСИТЕТ КОЧ (СТАМБУЛ, ТУРЦИЯ)

Ayşem Biriz KARACAY, PhD (Economics), Researcher, Migration Research Center, Koç University (Istanbul, Turkey)

КИМ СЕЙОНДЖИН, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ЖЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДУКСУН (СЕУЛ, РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ)

Seongjin KIM, Dr. (Political Science), Professor of the Duksung Women's University (Seoul, Republic of Korea)

ЛЕДЕНЕВА ВИКТОРИЯ ЮРЬЕВНА, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР. РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ (МОСКВА, РОССИЯ)

Viktoria Yu. LEDENEVA, Dr. (Sociology), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian)

МАРТИН ФИЛИП, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ КАЛИФОРНИЯ – ДЭВИС (ДЭВИС, США)

Philip MARTIN, PhD (Economics), Professor of the University of California – Davis (Davis, USA)

МАРУШИАКОВА-ПОПОВА ЕЛЕНА, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРА БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (СОФИЯ, БОЛГАРИЯ)

Elena A. MARUSHIAKOVA-POPOVA, PhD (Antropology), Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Ethnology and Folklore of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

МЕНДОЗА ЭДУАРДО АНТОНИО, ДОКТОР НАУК, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, УНИВЕРСИТЕТ ЛИССАБОНА (ЛИССАБОН, ПОРТУГАЛИЯ)

António Eduardo MENDOSA, PhD (Georraphy), Researcher, University of Lisbon (Lisbon, Portugal)

МОЛОДИКОВА ИРИНА, ДОКТОР НАУК, РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА «МИГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ», ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (БУДАПЕШТ, ВЕНГРИЯ)

Irina MOLODIKOVA, PhD (Geography), Head of the Project “Migration and Security in the Post-Soviet Space”, Central European University (Budapest, Hungary)

НГУЕН АН ХА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЬЕТНАМСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ХАНОЙ, ВЬЕТНАМ)

An Ha NGUYEN, Dr. (Economics), Professor, Director of the Institute for European Studies of the Vietnamese Academy of Social Sciences (Hanoi, Vietnam)

ПИЗАРРО СИНТИЯ АЛЕКСАНДРА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ БУЭНОС-АЙРЕСА (БУЭНОС-АЙРЕС, АРГЕНТИНА)

Cynthia A. PIZARRO, PhD (Anpropology), Professor of the University of Buenos Aires (Buenos Aires, Argentina)

ПИСЬМЕННАЯ ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Elena E. PIS'MENNAYA, Dr. (Sociology), Professor of the Department of Theoretical Sociology of the Financial University under Government of the Russian Federation Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

ПУГА ГОНЗАЛЕС МАРИЯ ДОЛОРЕС, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ, ДЕМОГРАФИИ И ГЕОГРАФИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА (МАДРИД, ИСПАНИЯ)

Dolores M. PUGA GONZALES, PhD (Geography), Professor of the Institute of Economics, Demography, Geography of the National Researches Council (Madrid, Spain)

ПУНПУИНГ СУРИПОРН, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УНИВЕРСИТЕТ МАХИДОЛ (БАНГКОК, ТАИЛАНД)

Sureeporn PUNPUING, PhD (Statistics), Associate Professor, Director of the Institute for Population and Social Research, Mahidol University (Bangkok, Thailand)

СЕРБАН МОНИКА, ДОКТОР НАУК, НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК, ИНСТИТУТ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РУМЫНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (БУХАРЕСТ, РУМЫНИЯ)

Monica SERBAN, PhD (Sociology), Senior Researcher of the Institute Quality of Life of the Romanian Academy of Sciences (Bucharest, Romania)

ТИХОНОВА ЛЮДМИЛА ЕФИМОВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (МИНСК, БЕЛАРУСЬ)

Lyudmila E. TIKHONOVA, Dr. (Economics), Professor, Belorussian State University (Minsk, Belarus)

ФРАЙЕР ПОЛ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ (ЙОЭНСУУ, ФИНЛЯНДИЯ)

Paul J.W. FRYER, PhD (Geography), Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

ХОРИЕ НОРИО, ДОКТОР НАУК, ДИРЕКТОР ЦЕНТРА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УНИВЕРСИТЕТ ТОЯМА (ТОЯМА, ЯПОНИЯ)

Norio HORIE, PhD (Economics), Director of the Center for Far Eastern Studies, University of Toyama (Toyama, Japan)

ШАРПЛЕЙ НЕЛЛИ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР. УНИВЕРСИТЕТ ВАЛЬТЕРА СИСУЛУ (МЗАА, ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

Nelly SHARPLEY, PhD (Sociology), Professor, Walter Sisulu University (Mthatha, Republic of South Africa)

Ответственный за выпуск (Coordinator):

БЕЗВЕРБНАЯ НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, МЛАДШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Natalya A. BEZVERBNAYA, Junior Researcher of the Centre of Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск серии «Демография. Социология. Экономика», который публикует Центр социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук, посвященный актуальным вопросам формирования и развития семьи в современном обществе.

Перемены, происходящие в российском обществе, способствовали изменению его социально-демографической структуры, социальных связей, формированию и развитию новых общественных отношений. Данные процессы протекают практически во всех социальных институтах и оказывают непосредственное воздействие на молодое поколение. В настоящее время основным институтом социализации молодежи по-прежнему остается семья. Вместе с тем, процесс становления семьи в обществе как самостоятельного социального субъекта и выполнение ею функций социального института протекает противоречиво, при неоднозначном отношении общества к семье. Молодежь и молодые семьи нуждаются в социальной поддержке со стороны общества.

Сборник включает научные доклады, представленные на круглом столе «Институциональные особенности функционирования семьи в современном обществе: российский и зарубежный опыт», который состоялся в ИСПИ РАН 18 мая 2018 года в рамках XV Международного конгресса «Российская семья».

В сборник вошли материалы российских и зарубежных ученых, проводивших исследования в области демографии, социологии, политологии, культурологии, философии, лингвистике по различным аспектам жизнедеятельности семьи. Выпуск состоит из трех разделов. Первый раздел включает материал, раскрывающий задачи государственной социальной политики в интересах семьи. Во втором разделе рассматриваются социокультурные и социально-экономические факторы формирования и развития института семьи. Третий раздел посвящен социально-демографической динамике института семьи.

Надеемся, что материалы данного сборника внесут свой вклад в сохранение семейной культуры и укрепление семейных ценностей в современном обществе, а также в развитие дискуссии о совершенствовании государственной семейной и демографической политики на федеральном и региональном уровнях.

*Главный редактор серии «Демография. Социология. Экономика»
РЯЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор,
врио директора Института социально-политических исследований РАН,
заведующий кафедрой демографической и миграционной политики
МГИМО (Университет) МИД России*

Раздел I

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ИНТЕРЕСАХ СЕМЬИ

Section I

STATE SOCIAL POLICY FOR FAMILY

О СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СВЯЗИ С ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМ КРИЗИСОМ СЕМЕЙНЫХ ФУНКЦИЙ И ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ¹

Антонов А.И., доктор философских наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет, Москва, Россия

Ключевые слова: семейно-демографическая политика, цивилизационные кризисы, институциональный кризис семьи, стратегия – усиление потребности семьи в детях, тактика – улучшение условий реализации имеющейся потребности в двух детях.

Аннотация: Институциональный кризис семьи связан с невыполнением репродуктивной и социализационной функций семьи, в связи с историческим крахом совместной деятельности родителей и детей в семейном домохозяйстве. Негативные последствия кризиса нейтрализуются посредством решения тактических задач семейно-демографической политики, тогда как устранение самого кризиса связано с повышением ценности семейно-детного образа жизни и усилением потребности семьи в нескольких детях. Решение стратегических задач СДП возможно при поддержке определенных социально-политических сил, занимающих среднее положение между блоками левых и правых партий. При современном политическом положении в Российской Федерации наиболее перспективной оказывается национальная стратегия роста численности населения за счет его естественного воспроизводства, а не за счет иммиграции.

ON THE STRATEGY AND TACTICS OF FAMILY-DEMOGRAPHIC POLICY REGARDING INSTITUTIONAL CRISIS OF FAMILY FUNCTIONS AND HUMAN RESOURCES

Antonov A.I., doctor of Philosophy, Honored Professor of Lomonosov Moscow State University Sociological Faculty, Moscow, Russia,

Key words: family-demographic policy, civilizational crises, institutional family crisis, strategy – strengthening the family's need for children, tactics – improving the conditions for the realization of the existing need for two children.

Abstract: The institutional crisis of the family is presented by the failure of the family's reproductive and socialization functions, in connection with the historical collapse of parents and children joint activities in the family household. Negative consequences of the crisis are neutralized by solving tactical tasks of family-demographic policy, while the elimination of the crisis itself can be achieved only by increasing the value of a family-child oriented lifestyle and the strengthening of the family's need for several children. The solution of the strategic tasks of the family-demographic policy can be made possible with support of certain socio-political forces that pose themselves in the middle position between left and right parties. Considering current political situation in Russian Federation, the most promising national strategy for population growth should rely on its natural population growth, but not on immigration.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)» (грант № 18-011-01037)

В научной школе пронатализма и кризиса полной семьи с несколькими детьми (Б.Ц. Урланис, В.А. Борисов, А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, Н.В. Зверева, В.М. Медков, А.И. Кузьмин, В.М. Карпова, Ш. Кадыров, О.Л. Лебедь, Е.Н. Новоселова, А.В. Носкова, А.Б. Синельников, М.А. Титова и др.) считается, что рыночно-индустриальная экономика внесемейного производства и наёмного труда за индивидуальную зарплату мужей и жён, сменившая семейную (аграрную) экономику, основанную на **СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ В СЕЛЬСКОМ (СЕМЕЙНОМ) ДОМОХОЗЯЙСТВЕ И НА ДОМИНИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ НОРМ МНОГОДЕТНОСТИ**, не способна создать стимулы к рождению даже того числа детей, которое обеспечивает простое воспроизводство населения². Демографическим следствием рыночной экономики и государства велфера (всеобщего благоденствия) оказывается институциональный кризис семьи с детьми, невыполнение экзистенциальных функций по рождению и воспитанию нескольких детей. Все меры стимулирования рождаемости и противодействия депопуляции в рамках системы велфера (что видно на примере Швеции, Англии, Франции, Нидерландов, бывших соцстран и бывшего СССР) не дали никаких существенных результатов и не могли дать. Меры социальной политики, осуществляемые в нашей стране сейчас, также демографически неэффективны и лишь временно уменьшают масштабы убыли населения, но не устраняют депопуляцию как таковую – не в краткосрочной и не в долгосрочной перспективе.

Кризис семейно-демографический является составной частью глобального кризиса современной цивилизации, когда усиливается дефицит ресурсов – не только людских, но и энергетических (нефть, газ, уголь). При этом рост промышленного производства, электроснабжения, атомно-энергетического обеспечения связан с нагнетанием теплоты, с климатическими изменениями, которые на фоне экологического кризиса (загрязнения воды, воздуха, земли) и распространения негативных последствий всех кризисов ведут к экзистенциальной угрозе существования человечества. К сожалению в XX веке живучесть мальтузианской методологии привела к объявлению «перенаселенности мира» причиной кризисных событий и к появлению программ «планирования семьи», направленных на ограничение рождаемости и снижение семейности.

Крах современной системы управления тенденциями, порождаемыми стихией жизнедеятельности человечества был виден на примере ложной направленности действий Римского клуба. Пресловутая угроза «перенаселенности» в условиях роста малодетности до 40 % в семейной структуре всего мира оказалась удобной ширмой для прикрытия пороков капиталистического хозяйства и социального государства. Представители естествознания, биофизики и ядерной физики в настоящее время сосредотачивают усилия не

² Отечественная школа фамилизма является составной частью мирового сообщества учёных, принявших парадигму альтернативной социологии семьецентризма, противоположной внесемейному строю общества (Ле Пле, П. Сорокин, К. Циммерман, Т. Парсонс, Р. Нисбет, Ф. Арьес, Бриджит Бергер, Патриция Морган, Ал. Карлсон, Д. Попеное, Дж. Дэвис и др.).

только на решении тактических задач по предотвращению последствий кризисов промышленного производства и энергетических ресурсов, но и на стратегическом устранении самих этих кризисов в рамках научно-технического прогресса и создания природосберегающих технологий, ориентированных на баланс природного и животного мира с деятельностью человека (ноосферы). Демография не должна остаться в стороне от этой магистральной направленности, тем более что кризис людских ресурсов, детности обостряет решение всех остальных кризисов современности.

К сожалению, все конкурирующие партии (левых и правых) в современной России являются социал-демократическими, базируются на идеях социального государства (велфера), государственного патернализма, подменяющего собой институт семьи, и весьма далеки от представлений о такой свободе гражданского общества, где устранена эксплуатация одних социальных институтов другими, прежде всего – затяжная эксплуатация государством института семьи. В современной международной ситуации антироссийских санкций, направленных на ухудшение уровня и стиля жизни большинства населения и прежде всего семейного, эти санкции ударят прежде всего по семье с детьми в связи с неравенством положения семьи среди других институтов.

В условиях новой негативной «демографической волны» 90-х годов и сокращения репродуктивного контингента наполовину, а также с учетом снижающихся репродуктивных ориентаций и установок, а также блокировкой их под влиянием санкций, динамика населения в стране скорее всего будет близка не к среднему, а к низкому варианту прогноза Росстата.³ Для предотвращения прогнозируемой депопуляции и сохранения нынешней численности 147 млн. необходимо усиление мер по улучшению условий реализации имеющейся лишь потребности населения всего в двух детях, дополняемое привлечением иммигрантов в пределах 500000 чел. Эта тактическая задача должна сопровождаться действиями в рамках проектов и программ стратегического плана по формированию потребности семьи в том числе детей, которое обеспечивает простое воспроизводство населения (среднедетность).

Успешная борьба с низкой рождаемостью и малодетностью семьи, разумеется, возможна, но при условии научного обоснования целей, направлений и средств семейно-демографической политики. На базе прикладной социологии и демографии, разрабатывающей региональные и локальные нормативные прогнозы и социальные планы, предстоит создать государственную систему **демографической технологии**, в рамках которой должны разрабатываться проекты – программы изменений семейно-демографических процессов на федеральном и региональном уровнях. Подобные нормативные прогнозы и конкретные проекты – планы демографической развития в цен-

³ Демографический ежегодник России. Федеральная служба государственной статистики. М. 2015. По среднему варианту суммарный коэффициент рождаемости снижается до 1.75 в 2027, а затем повышается до 1.96 в 2050 г., что ведет к снижению численности РФ до 146.4 млн.; по низкому варианту СКР = 1.55 в 2025 г. и повышается до 1.6 в 2050 г. при снижении численности населения до 129.1 млн.

трализованном и в административно-территориальном разрезе способны радикально изменить взаимодействие науки и государственных ведомств, и тем самым осуществить действенный контроль за реализацией проектных планов и заданий.

Для массового распространения потребности в семейном образе жизни с 3 и более детьми нужна, конечно, материальная база, но этого не достаточно для конверсии всей системы жизненных ценностей и потребностей. В истории нет опыта массового преобразования потребностей, усиления социокультурной потребности в нескольких детях. Именно поэтому потребуются прорыв в области социолого-демографических исследований, в разработке демографических нормативных прогнозов и проектов, в совершенствовании управления по реализации демографических проектов. Однако в стране нет демографических кадров, нет ни одного демографического университета, нет даже демографического факультета.

Ставя задачу эффективной демографической политики и радикального увеличения доли семей с 3 и более детьми необходимо осуществить демографическую квалификацию всех чиновников, работающих с населением, всего управленческого аппарата в стране включая и высший федеральный уровень. Также настоятельна необходимость в демографическом просвещении работников всех СМИ и, прежде всего, телевидения. Повышение престижа многодетной семьи нельзя добиться одномоментными и разрозненными мерами – требуется система долгосрочных мер, действующая при смене политических элит и правительственных кабинетов. Стимулирование рождаемости в целях массового распространения семей с 3 и более детьми предполагает радикальное изменение ценностных приоритетов в обществе.

Но для того, чтобы реализовать СТРАТЕГИЧЕСКИЕ цели демографического развития, чтобы стали действовать социальные стимулы повышения престижа семьи с несколькими детьми, следует сначала решить ряд **тактических задач**.

Во-первых, предварительно устранить все фактически существующие до сих пор наказания за рождение детей (увеличение платы за коммунальные услуги, платы за проезд в транспорте, за услуги в бытовой сфере, в сферах дошкольного и школьного воспитания, в сфере детского здравоохранения и т.п.). При этом обязательно сохранить **ВСЕ СУЩЕСТВУЮЩИЕ ЛЬГОТЫ И ВЫПЛАТЫ НА СЕМЬЮ И ДЕТЕЙ**.

Во-вторых, необходимо также постепенно перейти к 100% компенсации уменьшения душевого дохода и ухудшения жилищных условий при рождении детей.

Лишь при удовлетворении этих двух условий сможет действовать система ДНК – доходов-налогов-кредитов, направленная на повышение роста уровня жизни прежде всего в семьях с несколькими детьми (семейная зарплата одному из родителей за профессиональный родительский труд по содержанию, воспитанию и обучению детей на дому; в семьях однодоходных с одним работающим вне семьи родителем и в семьях двухзарплатных взимать подоходный налог с семьи один раз со снижением налоговых ставок п зави-

симости от числа детейпроцентов кредита). В основу всех финансовых расчетов должна быть помещена модель полной семьи с 3-4 детьми; налог должен взиматься единожды с общего семейного дохода; минимальный прожиточный минимум должен исчисляться для семьи в целом, а не для индивида. Обеспечение семьи с несколькими детьми домами и квартирами является самой лучшей инвестиционной политикой государства.

Подобная цель достигается не за счет исключительно *количественного* наращивания размеров пособий или квадратных метров жилья, – эффект её достижения зависит от *качественного* преобразования *всего строя жизни в стране*. Чтобы повысить потребность личности в нескольких детях необходимо: сфокусировать систему ценностных приоритетов в стране на семью с несколькими детьми, на детях из многодетных семей; повысить социокультурные нормы детности с учетом действия «лагового эффекта» норм; устранить внесемейный характер общественного мнения.

Обозначенные в Концепции демографической политики РФ меры следует рассматривать лишь как первый шаг в организации системной деятельности по исправлению демографической ситуации в стране. Тактика первого этапа семейно-демографической политики – улучшение условий реализации уже имеющейся потребности семьи в детях, т.е. в двух детях. Соответствующие пособия и льготы хотя и не допускают резкого снижения душевого дохода в семьях после рождения ребенка, тем не менее, они лишь облегчают элементарное содержание маленьких детей в семье и вовсе не направлены даже на улучшение воспитания и образования. Семидесятилетняя практика обильных по размеру детских пособий за рубежом, в таких странах, как, например, Швеция, не привела к укреплению полной семьи с детьми и не повысила рождаемость. Более того, она создала растущую группу людей, стремящихся жить за счет пособий, не желающих вступать в регистрируемый брак, интенсивно работать и платить налоги. Ориентация на пособия способствует росту разводов и сожительства, а пропаганда современной контрацепции взамен ожидавшихся «желанных» детей породила плюрализм сексуальных связей и партнерств.

Главным в активизации демографической политики является СТРАТЕГИЯ второго этапа, когда ставится абсолютно новая и исторически беспрецедентная цель повышения интенсивности рождаемости, и, тем самым, вводятся в действие меры усиления потребности личности и семьи в 3-4 детях, способствующие широкому распространению среднететной семьи. Для этого надо сфокусировать всю работу по повышению ценности и престижа семейного образа жизни на подрастающих поколениях. Общение с детьми из многодетных семей должно вызывать позитивные эмоции у окружающих, прежде всего у подростков и юношества, способствуя ориентации на будущие роли отца-матери. В СМИ положение института семьи в обществе должно найти адекватное освещение, причем приоритетной темой является совместная деятельность родителей и детей на дому с применением современных технических средств и возможностей интернет-сетей, что будет способствовать укреплению семейного образа жизни и укоренению местного населения. Укреплению

автономии и суверенности института семьи могут способствовать меры, уменьшающие вмешательство социального государства в реализацию семейных функций. Наряду с нынешними двухзарплатными семьями, дополняемыми системами социального обеспечения и страхования, а также новой для молодых семей политикой ДНК (доходов- налогов- кредитов) следует медленно и постепенно конструировать и вводить в практику новые модели семьи, нового семейного образа жизни. Предстоит продумать жизнеобеспечение семьи в рамках профессионального родительства на дому – воспитание дошкольников и обучение детей школьного возраста предоставляется самим родителям (одному из них в соответствии со средней зарплатой воспитателей в детсадах и учителей в школах). В связи с чередованием циклов обучения и работы с помощью компьютеров в рамках совместной деятельности родителей и детей на дому, следует отменить законы о запрете детского труда *внутри семьи*, поскольку родители лучше, чем бюрократы могут оценить, что лучше всего способствует благополучию детей и семьи.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МЕР ПОМОЩИ СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О РОЖДЕНИИ РЕБЕНКА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ЖИЗНИ¹

Архангельский В.Н., кандидат экономических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия

Елизаров В.В., кандидат экономических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова Москва, Россия

Джанаева Н.Г., кандидат экономических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова Москва, Россия

Ключевые слова: помощь семьям с детьми, рождаемость, душевой доход, уровень жизни.

Аннотация. На основе данных «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения – 2012» и социологического опроса 2013 г. в Пермском крае, Калужской и Новгородской областях анализируются различия в оценке респондентами влияния мер помощи семьям с детьми на принятие решения о рождении ребенка в зависимости от душевого дохода и оценки уровня жизни.

COMPARATIVE EVALUATION OF THE INFLUENCE OF MEASURES TO HELP FAMILIES WITH CHILDREN ON THE ADOPTION OF THE DECISION ON THE BIRTH OF A CHILD AS DEPENDENT ON THE LEVEL OF LIFE²

Archangelskiy V.N., Cand. Sci. (Economics), Lomonosov State University, Institute of Socio-Political Research of the RAS, Moscow, Russia

Elizarov V.V., Cand. Sci. (Economics), Lomonosov State University, Moscow, Russia

Dzhanaeva N.G., Cand. Sci. (Economics), Lomonosov State University Moscow, Russia

Key words: help families with children, fertility, per capita income, level of life

Abstract: On the basis of data of "Selective observation of reproductive plans of the population – 2012" and sociological survey of 2013 in Perm Krai, Kaluga and Novgorod regions differences in the assessment by respondents of influence of measures of the help to families with children on making decision on the birth of the child depending on shower income and an assessment of standard of living are analyzed

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Комплексное исследование факторов бедности семей с детьми и оценка вклада экономических мер семейно-демографической политики в ее снижение» (грант № №18-010-01196)

² The reported study was funded by RFBR according to the research project «A comprehensive study of the factors of poverty of families with children and the assessment of the contribution of economic measures family and demographic policy in its reduction» (grant № 18-010-01196)

В России реализуется значительное количество мер помощи семьям с детьми. Большинство специалистов считают, что они оказали определенное влияние на существенное повышение рождаемости в 2007–2015 гг.³

Это повышение было связано не столько с изменением установок на рождение детей (число рождений и календарь рождений), сколько с улучшением условий для реализации уже сложившихся установок.

В различных исследованиях рассматривались особенности влияния этих мер на репродуктивное поведение семей в различных регионах, у городского и сельского населения, в зависимости от репродуктивных ориентаций.

Одним из важных детерминант этого влияния, вероятно, является уровень жизни семей. Можно предположить, что меры материального характера более значимы при низком уровне жизни, так как вносят относительно больший вклад в семейный бюджет.

Оценивая влияние отдельных мер помощи семьям с детьми на принятие решения о рождении ребенка приходится, главным образом, ориентироваться на самооценку респондентами. Другим подходом к оценке этого влияния могло бы быть использование так называемой контрольной группы, которая полностью совпадала бы с основной исследуемой группой по всем основным характеристикам, могущим влиять на репродуктивное поведение, но не испытывала бы влияния этих мер. Но использование этого подхода в данном случае практически невозможно, так как эти меры ориентированы на все семьи, имеющие те или иные характеристики (определенное число детей, рождение ребенка той или иной очередности, величина дохода и пр.). Т.е. контрольной группы с теми же характеристиками, что у основной, исследуемой, по сути дела, нет.

Следует, конечно, иметь в виду, что самооценка влияния мер помощи семьям с детьми на принятие решения о рождении ребенка не отражает корректно их реальное влияние. Люди, как правило, склонны считать, что решения в своей жизни они принимают независимо от каких-либо внешних обстоятельств, стимулирующих факторов. Кроме того, если мы имеем дело с так называемым ретроспективным мнением, т.е. мнением о событиях, произошедших в прошлом, то фактически выясняется не то, как повлияли, с точки зрения респондента, меры на принятие решения о рождении ребенка в тот период времени, когда это решение принималось, а то, как человек оценивает это влияние спустя несколько месяцев или даже лет после рождения ребенка. Эта оценка может не совпадать с той, которая имела место в период принятия решения о рождении ребенка, в т.ч. потому, что на нее влияет все, что произошло после рождения ребенка: уже возникший опыт пользования этими мерами, эмоциональное восприятие появления ребенка и пр.

Однако степень несоответствия самооценки влияния мер помощи семьям с детьми на принятие решения о рождении ребенка реальному влиянию вряд ли существенно различается в зависимости от дохода, от оценки уровня жизни семьи. Это делает возможным сравнительную оценку влияния

³ В 2016–2017 гг. показатели рождаемости снизились.

мер в зависимости от этих характеристик жизнедеятельности семьи на основе самооценки.

Такая оценка возможна только на базе результатов специальных исследований и, следовательно, не может быть получена ежегодно. В данной работе она будет осуществлена на основе результатов двух исследований. Первое – «Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения», проведенное Росстатом в 2012 г. в 30 регионах России.⁴ Аналогичное исследование было проведено в 2017 г., но пока недоступна база микроданных, чтобы разработать аналитические таблицы в соответствии с задачами данного исследования. Второе – социологический опрос, проведенный по заказу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в июне-сентябре 2013 г. в Пермском крае, в Калужской и Новгородской областях (руководитель – проф. Л.Л. Рыбаковский).⁵

Среди предложенных для оценки в анкете мер, реализовывавшихся к моменту опроса 2012 г. в течение нескольких лет, выше всего, в среднем, было оценено влияние (фактическое или потенциальное) на решение иметь большее число детей предоставления материнского (семейного) капитала. Различий в оценке этого влияния в зависимости от уровня жизни практически нет. Лишь чуть ниже она у имеющих среднемесячный среднедушевой доход свыше 15000 рублей и у оценивающих уровень жизни семьи на 70–100 баллов (см. табл.1).

Такая же ситуация имеет место и по большинству других мер. При этом различия в оценке их влияния в зависимости от субъективной оценки уровня жизни несколько больше, чем от дохода.

Больше, чем по другим мерам, различия в зависимости от дохода оценки влияния на решение иметь большее число детей ежемесячного пособия на ребенка. Но здесь можно было ожидать значительно больших различий, так как эта мера предназначена для семей с низкими доходами, на что указано в анкете.

Только по одной мере средний балл оценки ее влияния оказался наибольшим в группе респондентов с самым большим доходом – предоставление неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком от 1,5 до 3 лет.

Несколько больше различия в зависимости от дохода и оценки уровня жизни в оценке возможной потенциальной помощи в принятии решения о рождении еще одного ребенка по мерам, реализация которых в 2012 г. только начиналась (например, региональный материнский (семейный) капитал или которые вообще, в принципе, могли бы осуществляться (см. табл.2).

Заметно ниже при более высоком доходе оценка предоставления пособия на третьего и последующего ребенка до 3 лет в размере прожиточного минимума ребенка. Это неудивительно, так как в самой формулировке меры в анкете отмечалось «семьям, чей доход ниже среднего».

⁴ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html

⁵ Подробнее об этом исследовании см. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л. Результативность демографической политики России. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016.

Таблица 1

**Оценка влияния мер помощи семьям с детьми на решение
иметь большее число детей⁶ в зависимости от дохода⁷
и оценки уровня жизни семьи⁸**

(средний балл по пятибалльной шкале; в скобках указано число ответивших;
Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения – 2012)

Меры ⁹	Среднемесячный среднедушевой доход (рублей)				Оценка уровня жизни семьи в баллах (по шкале от 0 до 100)		
	6000 и менее (2168)	6001– 10000 (3148)	10001– 15000 (1993)	свыше 15000 (2745)	0–30 (1528)	40–60 (5176)	70–100 (3350)
1	2	3	4	5	6	7	8
Предоставление материнского (семейного) капитала	3,69	3,67	3,68	3,64	3,69	3,70	3,60
Предоставление молодой семье жилищных кредитов и субсидий на льготных условиях	3,46	3,52	3,53	3,48	3,53	3,55	3,40
Компенсация затрат родителей на оплату посещения детских дошкольных учреждений	3,42	3,43	3,40	3,37	3,45	3,45	3,31
Единовременное пособие при рождении ребенка	3,31	3,28	3,27	3,26	3,32	3,32	3,19
Сокращение подоходного налога родителям на каждого ребенка (так называемые, «стандартные налоговые вычеты», увеличивающиеся в зависимости от очередности рождения ребенка, «социальные налоговые вычеты» – частично компенсирующие затраты на образование или лечение ребенка)	3,31	3,31	3,28	3,25	3,31	3,32	3,24

⁶ По ответам на вопрос: «Оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале значение лично для Вас перечисленных ниже мер, реализуемых в настоящее время, которые повлияли или могут повлиять на Ваше личное решение иметь большее число детей, чем Вы сейчас собираетесь?»

⁷ По ответам на вопрос: «Каков был примерно среднемесячный доход Вашей семьи на 1 человека за последний год (если учесть все виды дохода, в т.ч. помощь родственников, государства, примерную оценку стоимости продуктов, получаемых в подсобном хозяйстве, огороде и т.д.)?»

⁸ По ответам на вопрос: «Оцените, пожалуйста, уровень жизни Вашей семьи в настоящее время»

⁹ Меры расположены в порядке убывания оценки значимости у респондентов со среднемесячным среднедушевым доходом 6000 рублей и менее.

1	2	3	4	5	6	7	8
Предоставление частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет (в размере 40% от заработной платы для работающих женщин, а также введение платы за этот отпуск для неработающих женщин)	3,28	3,29	3,28	3,28	3,30	3,34	3,19
Ежемесячное пособие на ребенка в семьях с низкими доходами	3,25	3,17	3,08	3,05	3,22	3,19	3,02
Пособие по беременности и родам	3,24	3,22	3,24	3,19	3,28	3,28	3,12
Родовой сертификат	3,22	3,26	3,24	3,21	3,24	3,27	3,18
Единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в ранние сроки беременности	2,93	2,88	2,86	2,88	2,98	2,91	2,81
Предоставление неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком от 1,5 до 3 лет	2,88	2,92	2,88	2,96	2,89	2,95	2,87

Источник: Рассчитано по базе микроданных «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения – 2012» (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html)

Респонденты из семей с душевым доходом свыше 15000 рублей в месяц выше, по сравнению с остальными, оценили меры, направленные на улучшение репродуктивного здоровья женщин, обеспечение реальной возможности иметь гибкий график работы, занятости неполный рабочий день (неделю), посменно или дистанционно (на дому), предоставление земельных участков под строительство жилого дома или дачи при рождении третьего или последующего ребенка, формирование образа семьи с 3 детьми как нормы для современного общества. Все эти меры не носят непосредственного материального характера.

Интересно, что такой характер различий в оценке этих мер имеет место только в зависимости от дохода. Что касается субъективной оценки уровня жизни, то при более высоком ее уровне, в среднем, ниже оценка помощи в принятии решения о рождении ребенка по всем без исключения мерам (см. табл. 2).

Если в исследовании 2012 г. вопросы о влиянии мер помощи семьям с детьми на принятие решения о рождении ребенка задавались всем респондентам, то в исследовании 2013 г. была использована специальная анкета для тех женщин, у которых младший ребенок родился в 2007–2013 гг., т.е. в период действия материнского (семейного) капитала и некоторых иных мер, введенных в эти годы (см. табл.3).

Таблица 2

Оценка возможной помощи дополнительных мер помощи семьям с детьми в принятии решения о рождении еще одного ребенка¹⁰

в зависимости от дохода и оценки уровня жизни семьи

(средний балл по пятибалльной шкале; в скобках указано число ответивших;
Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения – 2012)

Меры ^{11 12}	Среднемесячный среднедушевой доход (рублей)				Оценка уровня жизни семьи в баллах (по шкале от 0 до 100)		
	6000 и менее (2168)	6001– 10000 (3148)	10001– 15000 (1993)	свыше 15000 (2745)	0–30 (1528)	40–60 (5176)	70–100 (3350)
1	2	3	4	5	6	7	8
Предоставление дополнительного к федеральному регионального материнского (семейного) капитала	3,68	3,73	3,70	3,66	3,78	3,75	3,58
Частичное погашение кредита или субсидии на приобретение жилья при рождении первого и второго ребенка, полное погашение при рождении третьего ребенка	3,66	3,75	3,72	3,67	3,76	3,76	3,60
Повышение компенсации затрат родителей на оплату посещения детских дошкольных учреждений до 60% – на второго и 100% – на третьего и последующих детей	3,57	3,60	3,55	3,47	3,62	3,58	3,46
Предоставление пособия на третьего и последующего ребенка до 3-х лет в размере прожиточного минимума ребенка семьям, чей доход ниже среднего	3,46	3,41	3,30	3,21	3,47	3,39	3,22
Меры, направленные на улучшение репродуктивного здоровья женщин (повышение квалификации врачей – гинекологов и акушеров,	3,42	3,51	3,51	3,54	3,55	3,51	3,46

¹⁰ По ответам на вопрос: «Как Вы думаете, могли бы Вам помочь принять решение о рождении еще одного ребенка следующие меры?»

¹¹ Меры расположены в порядке убывания оценки значимости у респондентов со среднемесячным среднедушевым доходом 6000 рублей и менее.

¹² Некоторые из перечисленных мер начали впоследствии (после проведения исследования 2012 г.) реализовываться.

1	2	3	4	5	6	7	8
обеспечение необходимым оборудованием женских консультаций и родильных домов и т.д.).							
Предоставление земельных участков под строительство жилого дома или дачи семьям при рождении третьего (или последующего) ребенка	3,39	3,45	3,43	3,47	3,49	3,48	3,36
Обеспечение возможности устройства ребенка в те ясли или детский сад, которые Вас больше всего устраивают и в то время, когда Вы этого захотите	3,38	3,56	3,54	3,52	3,51	3,56	3,43
Обеспечение возможности для женщин бесплатно пройти профессиональную переподготовку, повысить квалификацию во время и после выхода из отпуска по уходу за ребенком в удобное для них время	3,18	3,28	3,23	3,24	3,28	3,26	3,19
Обеспечение реальной возможности для Вас (Вашей жены) иметь гибкий график работы, занятости неполный рабочий день (неделю), посменно или дистанционно (на дому)	3,11	3,19	3,20	3,24	3,29	3,23	3,08
Увеличение отпуска по уходу за ребенком до 1,5 лет на 1 месяц за счет частично оплачиваемого (40% от заработной платы) месячного отпуска <u>только отцу</u> (если отпуск не берет отец, то отпуск не увеличивается; отец может взять отпуск в любое время в течение 1,5 лет)	3,06	3,11	3,08	3,07	3,14	3,12	2,99
Предоставление оплачиваемого недельного отпуска отцу при рождении ребенка	2,91	3,02	2,99	3,03	3,04	3,01	2,94
Формирование в обществе с помощью средств массовой информации (рекламы –	2,55	2,56	2,59	2,66	2,62	2,61	2,53

1	2	3	4	5	6	7	8
социальной, коммерческой) образа семьи с 3 детьми как нормы для современного общества							

Источник: Рассчитано по базе микроданных «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения – 2012»

(http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html)

Таблица 3

Оценка влияния мер помощи семьям с детьми и иных условий на решение родить ребенка¹³ в зависимости от дохода семьи¹⁴

(средний балл по пятибалльной шкале; в скобках указано число ответивших; социологический опрос в Пермском крае, Калужской и Новгородской областях – 2013)

Меры и иные условия ¹⁵	Среднемесячный среднедушевой доход (рублей)			
	6000 и менее	6001–10000	10001–15000	свыше 15000
1	2	3	4	5
Личные обстоятельства	3,80 (164)	3,84 (207)	3,97 (143)	3,97 (185)
Возможность получения федерального материнского (семейного) капитала	2,18 (161)	2,00 (201)	2,01 (138)	1,69 (180)
Повышение уровня жизни семьи, улучшение жилищных условий	2,17 (159)	2,52 (199)	2,35 (137)	2,35 (180)
Введение родового сертификата	2,11 (160)	1,93 (202)	1,64 (139)	1,54 (179)
Возможность получения ежемесячного пособия (предоставление оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 1,5 лет	2,09 (160)	2,00 (203)	2,28 (139)	1,73 (179)
Возможность получения материнского (семейного) капитала, установленного в Вашем регионе	2,06 (158)	1,82 (202)	1,82 (139)	1,50 (177)

¹³ По ответам на вопрос: «В какой степени на Ваше решение родить младшего ребенка в 2007–2013 гг. повлияло ...» (этот вопрос задавался в нескольких анкетах, использовавшихся в социологическом опросе 2013 г.; здесь использованы только ответы женщин, заполнявших «Анкету для женщин, родивших младшего ребенка в 2007–2013 гг.»)

¹⁴ По ответам на вопрос: «Каков был примерно среднемесячный доход (получаемый «на руки», т.е. за вычетом подоходного налога) Вашей семьи на 1 человека за год до рождения Вашего младшего ребенка (если учесть все виды дохода, в т.ч. помощь родственников, государства, примерную оценку стоимости продуктов, получаемых в подсобном хозяйстве, огороде и т.д.)?»

¹⁵ Меры и иные условия расположены в порядке убывания оценки значимости у респондентов со среднемесячным среднедушевым доходом 6000 рублей и менее.

1	2	3	4	5
Изменение отношения государства к семьям с детьми	1,83 (155)	1,90 (200)	1,93 (138)	1,75 (178)
Налоговые льготы работающим родителям	1,79 (159)	1,78 (198)	1,67 (139)	1,45 (177)
Появление возможности без проблем получить место для ребенка в детском саду	1,76 (157)	1,84 (197)	1,86 (139)	1,60 (178)
Предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома	1,69 (156)	1,56 (202)	1,54 (138)	1,41 (178)
Изменение социально-экономической ситуации в стране и в Вашем регионе	1,64 (157)	1,78 (199)	1,70 (138)	1,53 (178)
Возможность иметь гибкий график работы (или неполный рабочий день/неделю, или дистанционно, на дому)	1,48 (158)	1,52 (200)	1,62 (139)	1,38 (178)
Возможность профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком до 3 лет	1,45 (157)	1,42 (201)	1,37 (139)	1,39 (178)

Источник: Рассчитано по базе микроданных социологического опроса 2013 г. в Пермском крае, Калужской и Новгородской областях

Наряду с мерами помощи семьям с детьми в опросе 2013 г. респонденты оценивали влияние на решение родить ребенка личных обстоятельств. Это дало базу сравнения для оценки значимости влияния мер. При более высоком доходе женщины, в среднем, выше оценили влияние личных обстоятельств.

Что касается мер, то в группе с душевым доходом 15000 рублей и более в месяц самая низкая оценка их влияния на решение родить ребенка (кроме профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком до 3 лет), а в группе с доходом 6000 рублей и менее – наоборот, самая высокая (кроме ежемесячного пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет, получения места для ребенка в детском саду и гибкого графика работы). Наиболее существенны различия при оценке влияния федерального и регионального материнского (семейного) капитала, родового сертификата (см. табл. 3).

Таким образом, если по результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения – 2012» по большинству мер помощи семьям с детьми различия в оценке их влияния на принятие решения о рождении ребенка в зависимости от уровня жизни невелики и в несколько большей мере детерминируются не величиной дохода, а субъективной оценкой уровня жизни (при более высокой оценке в меньшей мере, в среднем, оценивается степень влияния меры), то по данным социологического опроса, проведенного в 2013 г. в трех регионах России, женщины, родившие младшего ребенка в 2007–2013 гг., при более высоком доходе, дали, в среднем, более низкую оценку влияния мер помощи на решение родить ребенка.

«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения», проведенное Росстатом в 2017 году (во всех субъектах Российской Федерации с охватом 15 тыс. домохозяйств) позволяет дополнить эти выводы.

В частности, можно увидеть, как оценка уровня жизни связана с показателями желаемого и ожидаемого числа детей, с различиями этих показателей у женщин и мужчин, а также с разницей между желаемым и ожидаемым числом детей (см. табл. 4).

Таблица 4

**Среднее желаемое и ожидаемое число детей в зависимости
от оценки уровня жизни**
(Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения – 2017)

Оценка уровня жизни	Среднее желаемое число детей			Среднее ожидаемое число детей			Разница между желаемым и ожидаемым числом детей	
	Жен- щины	Муж- чины	Разни- ца	Жен- щины	Муж- чины	Разни- ца	Жен- щины	Муж- чины
Очень хороший	1,91	1,92	-0,01	1,78	1,81	-0,03	0,13	0,11
Хороший	2,11	2,13	-0,02	1,90	1,91	-0,01	0,21	0,22
Средний	2,14	2,16	-0,02	1,86	1,89	-0,03	0,28	0,27
Плохой	2,27	2,23	0,04	1,90	1,82	0,08	0,37	0,41
Очень плохой	2,47	2,16	0,31	1,95	1,65	0,30	0,52	0,51

Источник: Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. РПН-2017. Табл.40. - http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html

При плохой оценке уровня жизни у мужчин желаемое и ожидаемое число детей оказалось ниже, чем у женщин. При этом существенная разница между желаемым и ожидаемым числом детей у женщин и у мужчин (у женщин превышение более 0,3) отмечена при оценке уровня жизни как «очень плохой». При хорошей и средней оценке уровня жизни, наоборот, у мужчин желаемое и ожидаемое число детей оказалось несколько выше, чем у женщин.

Среднее желаемое число детей и у женщин и у мужчин показало традиционную обратную связь с оценкой уровня жизни: чем хуже оценка, тем больше желаемое число детей. Разница между желаемым и ожидаемым числом детей как у женщин так и у мужчин также показала обратную связь с оценкой уровня жизни. Чем хуже условия жизни, тем эта разница была большей, превысив 0,5 при оценке уровня жизни как «очень плохой».

Однако, если рассматривать ожидаемое число детей как условную степень реализации желаемого числа детей, то можно сделать вывод, что чем выше опрашиваемые оценивали свой уровень жизни, тем в большей степени они смогут реализовать желаемое число детей.

Интересно сравнить эти результаты с данными выборочного обследования «Семья и рождаемость» (Росстат, 2009). В том обследовании, как среднее желаемое число детей, так и разница между желаемым и ожидаемым

числом детей у женщин и у мужчин также показали обратную связь с оценкой (в баллах) уровня жизни (см. табл. 5).

Таблица 5

**Среднее желаемое и ожидаемое числа детей в зависимости
от оценки уровня жизни
(обследование «Семья и рождаемость» – 2009)**

Оценка уровня жизни (в баллах)	Среднее желаемое число детей		Среднее ожидаемое число детей		Разница между желаемым и ожидае- мым число детей	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
70 – 100	2,18	2,31	1,76	1,94	0,42	0,37
40 – 60	2,25	2,37	1,70	1,90	0,45	0,47
0 – 30	2,47	2,48	1,74	1,86	0,71	0,62

Источник: Краткие итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость». 2009. – Росстат, 2010. Табл. 19. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

Если показатели желаемого число детей у женщин в 2009 и 2017 гг. очень близки, то у мужчин в 2017 г. они были заметно ниже.

Важное отличие в итогах, пожалуй, в том, что в обследовании 2017 г. при хорошей оценке условий жизни ожидаемое число детей куда меньше отстает от желаемого, чем в 2009 г. Т.е. степень реализации желаемого числа детей существенно выросла, что можно трактовать как положительный результат мер демографической политики, направленных на поддержку семей с детьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л. Результативность демографической политики России [под ред. Л.Л. Рыбаковского]. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 307 с.
2. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году (опубликовано 24.01.2013 г.). – Росстат, 2013. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
3. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. РПН-2017. – Росстат, 2018. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html
4. Краткие итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость». 2009. – Росстат, 2010. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

REFERENCES AND SOURCES

1. Arkhangel'skiy V. N. A. Ivanova E., Rybakovskiy L. L. Efficaciam eiusmodi consilium Russia sub editorship de L. L. Rybakovsky]. M.: Libellorum domus "Eco-certiolem", in 2016. – 307 p.

2. Analytica fama in consequat sample lustrat generatiua consilia multitudo in 2012 (edita in 24.01.2013). – Rosstat, 2013. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
3. A sample survey of generatiua consilia hominum. RPN-2017. –Rosstat, 2018. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html
4. The results of The sample survey "Familia et fertilitatem". 2009. – Rosstat, 2010. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

ДИСКУРС О МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ И СТРАТЕГИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Кучмаева О.В., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, профессор НИУ ВШЭ, Москва, Россия,

Ростовская Т.К., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора ИСПИ РАН, зав. кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью РГСУ. Москва, Россия

Ключевые слова: семья, семейная политика, ценность семьи, модели семьи, стратегия по формированию желаемой модели семьи

Аннотация: В современной России актуален дискурс о ценности семьи и семейной жизни в системе жизненных ценностей россиян, роли семьи в формировании личности и воспитании детей. Стратегия по формированию желаемой модели семьи становится составным элементом семейной и демографической политики. В статье представлены результаты выборочного исследования в рамках проекта «Разработка методологии статистической оценки демографической безопасности в условиях глобализации»¹, проведенного в 2016 г. Данные опроса демонстрируют мозаичность взглядов россиян на желаемую модель семьи и позволяют говорить о том, что среди россиян не находят много сторонников позиции, характеризующие традиционную семью с четко закрепленными патриархальными внутрисемейными ролями. Использование методов статистического анализа позволило выявить группы характеристик, отражающих традиционные и современные семейные ценности. В обществе присутствуют различные представления о модели семейной жизни и эффективная семейная политика должна учитывать это многообразие.

THE DISCOURSE MODEL OF MODERN RUSSIAN FAMILY AND THE STRATEGY OF FAMILY POLICY

Kuchmaeva O. V., doctor of Economics, Professor, chief researcher Institute of Socio-Political Research of the RAS ISPR, Professor at HSE, Moscow, Russia

Rostovskaya T.K., doctor of sociological sciences, Prof., Deputy Acting Director of Institute Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences for scientific work, Head of the chair of social pedagogics and organization of work with young people of the Russian State Social University, Moscow, Russia

Key words: family, family policy, family value, family models

Abstract: In modern Russia the current discourse on family values and family life in the system of life values of Russians, the role of the family in shaping the personality and upbringing of children. Strategy for the formation of the desired model of the family is an integral element of family and demographic policy. The article presents the results of a sample survey within the project "Development of methodology for statistical evaluation of demographic security in conditions of globalization" held in 2016, the survey Data demonstrate the mosaicism of Russians' views on the desirable model of the family and

¹ Грант РФФИ 15-02-00203

suggests that among the Russians don't find many supporters of positions that characterize the traditional family with clearly established Patriarchal family roles. The use of statistical analysis techniques allowed to identify groups of characteristics that reflect traditional and modern family values. In society, there are different views about the model of family life and effective family policies should take into account this diversity.

Изменение ценностного отношения к семье в современном российском обществе происходит на фоне таких важнейших глобальных изменений, которые в первую очередь детерминируют поведение людей, как индивидуализация и потребительство. Индивидуализация имеет следствием расширение свободы выбора человека, когда он самостоятельно меняет свою стратегию поведения, формирует новые, в т.ч. нетрадиционные стили поведения, принимает ответственность за свои действия на себя. Утверждение индивидуализма в качестве общественного мировоззрения означает признание высшей ценности уникальной человеческой жизни и интересов отдельного человека [16, С. 107]. Но широкое распространение такой идеологии ведет к снижению роли социальных норм, ослаблению институализированных форм в обществе, потере легитимности социальных институтов, в том числе и института семьи [2].

Подобные изменения в обществе не могли не привести к изменению системы ценностей россиян. Современный мир, характеризующийся повышением мобильности, взаимопроникновением культур, мозаичной системой ценностей, отсутствием единых стереотипов поведения. Исследования подтверждают мозаичность жизненных стратегий и ценностей россиян. Все это не позволяет говорить о единой модели семьи.

Под воздействием исторических изменений в отношениях между социальными институтами в обществе происходит трансформация роли семьи в общественной жизни. Как демонстрирует ряд исследований, семейные ценности, такие как создание прочной, счастливой семьи, воспитание детей, занимают прочные лидирующие позиции в структуре ценностных ориентаций россиян наряду с такой ценностью, как создание материального достатка.

Семья традиционно для представителей всех слоев российского общества является терминальной ценностью [10, С. 70–90]. Однако модель семьи в системе ценностей человека не остается неизменной.

Трансформация института семьи, обусловленная сменой ценностных ориентаций в сторону достижения личного успеха, измеряемого экономическими ценностями, приводит к формированию соответствующей системы ценностей у молодого поколения, желаемая модель семьи – малодетная, возможно бездетная, создание которой откладывается «на потом», по достижению социальной зрелости, не обязательно основанная на зарегистрированном браке, допускающая смену брачного партнера [8, С. 197–207; 14; 15].

Трансформация системы ценностей общества побуждает государство к поиску новых форм и мер семейной политики, направленных на сохранение и укрепление престижа семьи и семейного образа жизни, признающих общественную и личную значимость семейной жизни [11, С. 27–56].

Значимый этап в развитии официальной парадигмы государственной семейной политики связан с утверждением в августе 2014 года Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Парадигма российской модели государственной политики исходит в данном контексте из необходимости возрождения традиционной модели семьи, что подчеркивается в стратегических документах, затрагивающих разработку и реализацию государственной семейной политики.

В государственной российской политике сложилась ситуация, когда, с одной стороны, государство призывает нас быть мобильными, двигаться к современному информационному обществу, формировать инновационное мышление, учиться быстро принимать решения, менять жизненные стратегии. С другой стороны, – в российском обществе актуализируется дискурс о возрождении традиционной модели семейной жизни. Насколько данный подход, сочетающий, казалось бы, не сочетаемое «в одном флаконе», делает реализуемой и эффективной российскую модель семейной политики? Как будет сочетаться традиционный уклад семейной жизни и ориентация личности на модернизационное развитие?

Безусловно, государство может постулировать желаемый с точки зрения общественного развития образ и тип семьи, семейных отношений, но насколько реализуемы и эффективны будут предлагаемые стратегии, как они будут восприниматься обществом и отражать его глубинные интересы и ценности? Ориентация на единственно приемлемый тип семьи не приведет ли, напротив, к снижению ценностей семейного образа жизни среди молодого поколения? Семейная политика может быть успешной, если она учитывает многообразие жизненных планов людей [6].

Институт семьи в России характеризуется значительной мозаичностью, многообразием моделей, включающих и патриархальную, и современные. Проводимые исследования демонстрируют, что попытку реновации традиционных ценностей вряд ли можно считать удачной в силу отсутствия единства мнений внутри политической элиты и преобладания модернистских взглядов на семью и социальную политику среди российского населения [13, С. 625–639].

Реализация стратегии семейной политики происходит на фоне трансформации института семьи в России. В структуре домохозяйств с детьми большую долю занимают домохозяйства с 1 ребенком. На их числе в определенной мере сказались меры демографической политики и изменения демографической структуры, что привело к сокращению доли однодетных семей до 59,8% (по данным микропереписи 2015 года).

Увеличилось относительное число полных семей: если в 2002 г. количество полных семей в 2,97 раза превышало количество неполных семей, то в 2015 г. превышение составило 3,3 раза. Среди неполных семей увеличилось количество отцовских семей: в 2002 г. на 1 неполную семью с родителем-отцом приходилось почти 11 семей с родителем-матерью, в 2015 г. – 9.

Распределение домохозяйств по числу детей
(по данным переписей и микропереписи населения), %

Типы домохозяйств	2002	2010	2015
Все домохозяйства, имеющие детей	100,0	100,0	100,0
с 1 ребенком	65,2	65,5	59,8
с 2 детьми	28,2	27,5	31,1
с 3 и более детьми	6,6	7,0	9,1
в т.ч.			
Полные	100,0	100,0	100,0
с 1 ребенком	61,96	61,5	55,6
с 2 детьми	30,96	30,7	34,2
с 3 и более детьми	7,2	7,8	10,2
Неполные	100,0	100,0	100,0
с 1 ребенком	75,2	78,2	72,8
с 2 детьми	20,3	18,2	21,8
с 3 и более детьми	4,5	3,6	5,4
Прочие	100,0	100,0	100,0
с 1 ребенком	72,4	62,3	67,0
с 2 детьми	17,9	26,1	22,8
с 3 и более детьми	9,7	11,6	10,2

В ходе опроса респондентов в рамках исследования «Разработка методологии статистической оценки демографической безопасности в условиях глобализации»², проведенного в 2016 г., была предпринята попытка выявить и сопоставить мнения представителей различных поколений о семье. В ходе реализации проекта было опрошено 728 человек, в том числе 337 родителей, имеющих детей, 229 представителей молодежи и 162 подростка.

Представляет интерес взгляды респондентов – родителей, молодежи и подростков – на понятие «счастливая семья», что вкладывают представители разных поколений в эти слова? Мнения респондентов различных возрастов разделились, но, скорее, причина этого не в выборе принципиально новой модели семьи молодыми людьми, а возраст и присущие ему ценности (см. табл. 2).

Первые ранговые места у всех респондентов занимают наличие детей, взаимопонимания между супругами, детьми и родителями. Однако, существуют значительные различия в количестве респондентов – представителей различных возрастных групп, отметивших как главные для себя те или иные позиции. Так, для родителей наибольшую ценность представляет наличие детей как таковое и взаимопонимание с ними (эти позиции отметили более половины респондентов).

Наличие детей является одной из ведущих составляющих семейного счастья для всех категорий респондентов, но все же – даже самый высокий показатель – 54% для родителей, свидетельствует, что для половины и более

² Грант РФФИ 15-02-00203

респондентов семья без детей может быть вполне счастлива, что косвенно говорит об оправдании бездетности. Для подростков наличие детей в семье вообще имеет намного меньшее значение, однако, это можно связать с молодостью опрошенных, с тем, что многие из них пока не задумываются о том, чтобы иметь своих детей.

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Что для Вас входит в понятие счастливая семья?»,
%к числу опрошенных**

Вариант ответа	Доля (%) от числа опрошенных		
	родители	молодежь	подростки
Наличие детей	54,0	45,9	25,9
Взаимопонимание между детьми и родителями	52,2	72,5	70,4
Доверие между супругами	39,8	53,3	22,8
Взаимопонимание между супругами, общие интересы	48,1	48,9	22,8
Материальный достаток	35,6	31,0	22,8
Наличие главы семьи, на которого все могут опереться, принимающий на себя всю ответственность за других	21,7	16,2	15,4
Отсутствие у мужа (жены) вредных привычек – злоупотребления алкоголем, наркотиками	23,4	19,2	19,8
Возможность для каждого члена семьи поступать так, как он хочет	10,4	6,1	7,4
Уважение к старшим родственникам	30,0	28,4	14,8
Совместное проживание со старшим поколением	2,4	1,3	6,2
Раздельное проживание со старшим поколением.	13,9	14,4	9,3
Хорошая сексуальная жизнь	16,3	32,8	16,1
Другое	0,9	1,3	1,9

Чуть меньшее, но также значительное число респондентов – родителей (48,1%) отметили, что в счастливой семье существует взаимопонимание и общие интересы между супругами, еще около 38% признали необходимым условием счастья доверие между супругами.

Для молодежи важнее всего взаимопонимание между детьми и родителями (эту позицию отмечает 72% из них), больше, чем родители, ценят они доверие и взаимопонимание между супругами. Важна для молодежи и хорошая сексуальная жизнь (32,8% опрошенных ее отмечают как важную). При этом подростки и родители отметили ее как «важную» почти в два раза реже, чем молодежь.

Интересно, что 70,4% подростков за основу семейного счастья считают взаимопонимание между детьми и родителями. Можно предположить, что они рассуждали не о какой-либо абстрактной семье (и не с позиции супругов), а с точки зрения детей. Во многом это характерно и для молодежи.

Более чем для трети респондентов для счастья семьи необходим материальный достаток. Эта позиция набирает намного меньше сторонников по мере уменьшения возраста респондентов. Так, материальный достаток является залогом семейного счастья лишь примерно для пятой части опрошенных подростков.

Родители достаточно высоко оценивают такую позицию как «уважение к старшим родственникам» – 30,5% отметили ее как важную. Среди молодежи примерно такая же доля признающих значимость уважения к старшим (28,4%), а вот для подростков данная позиция имеет значительно меньшую значимость (ее отметили лишь 14,8% опрошенных). Однако при этом почти все респонденты склонны к раздельному проживанию со старшим поколением.

Результаты проведенного позволяют говорить о том, что среди россиян не находят много сторонников позиции, характеризующие традиционную семью с четко закрепленными патриархальными внутрисемейными ролями. Так, крайне мало сторонников исключения отца из воспитательного процесса – от 6,2% у родителей до всего 3,5% у подростков. Сохранение девственности до свадьбы, т.е. отсутствие добрачных сексуальных связей является ценностью лишь для 7% опрошенных (почти все они являются верующими людьми (88–89%) православного вероисповедания).

Покорность жены мужу не ценится среди поколения родителей – всего около 6% разделяют это мнение (при этом из них порядка 70% мужчины, для женщин согласие с этим высказыванием встречается значительно реже), однако вдвое чаще такой ответ встречается среди подростков (опять же мальчиков, придерживающихся такого мнения, вдвое больше, чем девочек).

Применение метода факторного анализа (методом главных компонент) позволило сгруппировать основные характеристики идеальной с точки зрения респондентов семьи (14 факторов) в 6 компонент. Величина критерия Kaiser-Meyer-Olkin демонстрирует приемлемую адекватность выборки для факторного анализа (0,65). Критерий сферичности Бартлетта показывает статистически достоверный результат ($p < 0,01$): корреляции между переменными значительно отличаются от 0.

Первая компонента включает 4 фактора – «сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит», «развод – это нормально», «чтобы быть счастливым, необязательно создавать семью», «чтобы завести и воспитать ребенка, не обязательно вступать в брак». Вторая компонента объединяет 6 факторов – «нужно венчаться в церкви», «семья без детей – это не семья», «девушка должна сохранять девственность до свадьбы», «одинокий человек не может быть счастливым», «семья – это, прежде всего, большой труд и терпение». Остальные факторы стоят «особняком» (они не взаимосвязаны с какими-либо другими факторами). В отдельную компоненту выделились факторы «при заключении брака надо оформлять брачный контракт» (компонента 3), «забота о детях – обязан-

ность женщин» (компонента 4), «хорошая жена всегда покорна своему мужу» (компонента 5), «регистрировать брак не обязательно» (компонента 6). На основании проведенного анализа и взаимосвязи факторов можно сказать, что факторы, формирующую вторую компоненту, можно считать характеризующими традиционные семейные ценности. Респонденты чаще выбирают либо характеристики относящиеся к компоненте 1 либо это характеристики компоненты 2. Необходимо отметить, что на 1 компоненту приходится 13,7% дисперсии признаков, на 2 – 9,7%. Однако все сформированные компоненты объясняют лишь 58% дисперсии признаков. Это подтверждает факт, что мнения россиян о желаемой модели семьи весьма противоречивы, и выделенные характеристики традиционной модели семьи относятся лишь к одной из групп россиян.

Таблица 3

Матрица факторных нагрузок

Характеристики идеальной семьи	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6
при заключении брака надо оформлять брачный контракт;	0,145	-0,188	0,501	0,393	0,447	-0,165
регистрировать брак не обязательно	0,432	-0,133	0,079	-0,451	-0,123	0,457
нужно венчаться в церкви	-0,366	0,431	0,344	-0,325	0,140	0,009
сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит	0,475	0,209	-0,154	-0,038	-0,073	-0,242
брак должен быть обязательно зарегистрирован	-0,261	0,443	-0,093	0,340	-0,439	-0,058
развод – это нормально	0,680	0,218	-0,022	0,065	0,003	-0,197
семья без детей – это не семья	-0,100	0,512	-0,359	0,284	0,279	0,167
забота о детях – обязанность женщин	0,330	0,158	0,342	0,381	-0,127	-0,247
девушка должна сохранять девственность до свадьбы	-0,195	0,560	0,422	-0,269	0,194	0,052
хорошая жена всегда покорна своему мужу	0,060	0,169	0,409	0,312	-0,476	0,475
чтобы быть счастливым, необязательно создавать семью	0,612	0,123	0,070	-0,152	0,157	0,090
чтобы завести и воспитать ребенка, не обязательно вступать в брак	0,691	0,169	-0,019	-0,043	-0,062	0,216
одиноким человек не может быть счастлив	0,054	0,482	-0,255	0,141	0,424	0,359
семья – это, прежде всего, большой труд и терпение	-0,074	0,497	-0,047	-0,381	-0,243	-0,407

В целом исследование показало, что в российском обществе присутствуют различные представления о модели семейной жизни, ее роли в жизни человека и эффективная семейная политика должна учитывать это многообразие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян. Социологические исследования, 2006, № 11, с. 61–73.
2. Волков В.Н. Постмодерн и его основные характеристики. Культурное наследие России, 2014, № 2
3. Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е. (ред.) Готово ли российское общество к модернизации?, М.: Весь мир. 2010
4. Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е. (ред.). Российская повседневность в условиях кризиса, М.: Альфа-М. 2009
5. Гурко Т.А. (). Институт семьи в постиндустриальных обществах. Ценности и смыслы, 2011, № 4 (13), с. 26–44.
6. Иудин А.А., Шпилев Д.А. Основные направления исследования проблем семьи в современной Германии. Социологические исследования, 2012, № 1.
7. Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества. Социологические исследования, 2003, № 7: с. 92–100.
8. Кучмаева О.В. К вопросу о концептуальных подходах к разработке семейной политики в России// Институты развития демографической системы общества: сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С. 197–207
9. Кучмаева О.В. Семейные роли в современной российской семье: традиции и современность. Культурное наследие России, 2016, № 2. С.66–72
10. Лежнина Ю.П. Институт семьи в России: на пути трансформации. Социологическая наука и социальная практика, 2016, № 2, с. 70–90.
11. Макдональд П. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики.// Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы. Материалы международного семинара, М., 15–16 сентября 2006 г., с. 27–56⁷
12. Митрикас А.А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы. Социологические исследования, 2004, № 5. С. 65–72.
13. Муравьева М. Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России. Журнал исследований социальной политики, 2015, т.12, № 4. С. 625–639
14. Ростовская Т.К. Семья и семейный образ жизни в системе ценностей поколений. Человек в мире культуры. 2015. Т. 2. С. 3–9.
15. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс. Вопросы управления. 2015. № 3 (15). С. 85–90.
16. Эткинд А. Индивидуализм, личность// 50/50: опыт словаря нового мышления. – М.: Прогресс, 1989. С. 107.

REFERENCES AND SOURCES

1. Varlamov S. N., Noskova A.V., Sedova N. N. Familia et filios in vita habitus Ruteni. Inquisitiones research, 2006, vol. 11, pp. 61–73.

2. Volkov V. N.. post-modernismi notitiam, et eius naturam. In patrimonium culturae Russia, 2014, N. 2
3. Gorshkov M. K. , Krumm, R., Tikhonova N. E. (ed.), Russian societate Velle ad upgrade?, M.: Totum mundum. 2010
4. Gorshkov M. K. , Krumm, R., Tikhonova N. E. (ed.). Russian cotidianam vitam in discrimine, Moscoviae: Maecenas-M. 2009
5. Gurko T. A. (). Familiaris institutio in post-venditionem societatibus. Bona et significationes 2011, № 4 (13), pp. 26–44.
6. Iudin A. A. Shpilev D. A. Consectetur partes investigationis quaestiones de familia in hodierna Germania. Inquisitiones studiis, 2012, № 1.
7. Kartseva L. V. familiae Exemplar in condicionibus transmutatio Russian societate. Inquisitiones studiis, 2003, N. 7: pp. 92–100.
8. Denique O. V. Ad quaestionem rationis accedit ad progressum familia consilium in Russia// Institutorum eget eiusmodi ratio societatis: procedatur V Ural eiusmodi forum gentium participationem. – Ekaterinburg: Institute of Parcus UB RAS, 2014. S. 197–207
9. Denique O. V. munus familia in hodierna Russian familia: traditionem et moderna. Patrimonium Russia, 2016, N. 2. P. 66–72
10. Yu. p. lezhnina familia in Russia: in viam transmutatio. Inquisitiones scientia et socialis praxi 2016, N. 2, pp. 70–90.
11. McDonald P. Humilis ubertatem et statu: consilium efficientiam.// Humilis ubertatem in Russian Foederatio: provocat et hendrerit accedit. Proceedings of international officina, Moscoviae, September 15–16, 2006, p. 27–56 7
12. Mitrikas A. A. Familia, ut pretium: status et spes electio bonorum in Europa. Inquisitiones studiis, 2004, № 5. P. 65–72.
13. Muravyeva M. Traditum bona et moderni familias: legalis accedit ad traditionem et moderna in hodiernis Russia. Acta societatis consilium studiis, 2015, vol. 12, N. 4. P. 625–639
14. Rostov, quia Familiae et familiae vita in valorem ratio in generationem et generationem. Populus in mundo culturae. 2015. Vol. 2. P. 3–9.
15. Rostov, quia, Tandem O. V. Repraesentationes iuvenes de familia vitam: a inquisitiones prospectum. Administratione exitus. 2015. No. 3 (15). S. 85–90.
16. Etkind A. Quisque, ingenium// 50/50: experientia dictionarium novum cogitandi. – M.: Profectum, 1989. P. 107.

СЕМЬЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОГО МОНИТОРИНГА «КАК ЖИВЕШЬ, РОССИЯ?»)

Левашов В. К., доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия

Шушпанова И.С., кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия

Новоженкина О.П., старший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия

Афанасьев В.А., старший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия

Ключевые слова. Семья, социально-политические отношения, государство, власть, политика, социализация, материальное положение, российское общество, средний класс

Аннотация. Атомизация и индивидуализация личности в обществе массового потребления приводят к изменению статуса семьи в обществе, ее функций, структуры, потребностей в семейном образе жизни, инициируя кризисные явления в демографических процессах. Социально-политические условия, в которых существует и развивается институт семьи, напрямую оказывают влияние на семейные ценности, взаимоотношения, ожидания, потребности семьи и, конечно, на репродуктивное поведение. В России основной проблемой семей оставалось сложное материальное положение. С начала нового витка кризиса российские семьи постепенно беднели и ограничивали свое потребление. Противоречивое отношение российского государства к обеспечению условий для развития института семьи формировало новые модели семейных отношений и ценностей.

FAMILY IN THE SYSTEM SOCIO-POLITICAL RELATIONS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY (ON THE MATERIALS OF ALL-RUSSIAN MONITORING "HOW ARE YOU, RUSSIA?")

Levashov V. K., doctor of sociological sciences, Head of the Center for Strategic social and socio-political research of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

Shushpanova I.S., candidate of sociological sciences, Assistant Professor, Senior Researcher of the Center for Strategic social and socio-political research of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Novozhenina O.P., senior Researcher of the Center for Strategic social and socio-political research of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Afanasyev V.A., senior Researcher of the Center for Strategic social and socio-political research of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Keywords: Family, socio-political relations, state, power, politics, socialization, financial situation, russian society, middle class

Abstract: The spread of atomization and individualization on a global and local scale lead to a change in the status of the family in society, its functions, structure, needs in the family way of life, characterizing the crisis state of the demographic situation. The conditions in which the institution of the family exists and develops have a direct impact on family values, relationships, expectations, family needs and, of course, on reproductive behavior. In Russia, the main problem of families remained difficult financial situation. Since the beginning of the new round of the crisis, Russian families have been gradually impoverished and restricted their consumption. The contradictory attitude of the Russian state to the provision of conditions for the development of the institution of the family formed new models of family relations and values.

Философский анализ метафорического моделирования феномена семьи определяет границы возможного проблемного поля социологических исследований: «...Согласно Аристотелю, семья – это неотъемлемая часть целого – государства. У Жан-Жак Руссо «семья является первым образцом политического общества». У Рабиндраната Тагора появляется метафора семьи как ячейки общества, которую подхватил К. Маркс: «Семья – это экономическая ячейка общества»¹.

Предлагаемый ракурс исследования семьи задается структурой и характером актуальных социально-политических отношений современного российского общества. Несмотря на все фундаментальные перемены в экономическом укладе жизни в последние годы, в российской семье продолжают процессы первичной социализации личности, в том числе и политическая социализация. Происходит передача политического опыта, освоение и закрепление социально-политических знаний, ценностей, образцов поведения, позволяющие выработать собственную позицию в контексте социально политических отношений и стать политически активным гражданином в стране. По мере развития общественных отношений, исторических изменений в государстве трансформируется институт семьи, семейных ценностей, образа жизни людей. Более того, на процесс модернизации института семьи и изменение ее функций влияют глобальные изменения, происходящие в мире: глобализация, развитие информационно-коммуникативных технологий, характер взаимоотношений между странами на международной арене и другие. Сложный комплекс социально-политических факторов, воздействующих на институт

¹ Савельева Ю.М. Метафорическое моделирование семьи: философский анализ. Теория и практика общественного развития. № 12, 1994. С 21.

<https://cyberleninka.ru/article/v/metaforicheskoe-modelirovanie-semi-filosofskiy-analiz>

семьи, создают креативные и дисфункциональные эффекты, которые и находятся в эпицентре исследователей семейных практик.

В настоящее время современная семья в российском обществе сталкивается с рядом трудностей, вызывающих беспокойство и озабоченность своим положением в настоящем и будущем. В июне 2017 г. большинство российских граждан в первую очередь тревожила «дороговизна жизни» (65%). Второе место граждане отдали проблемам «произвола чиновников» (41%) и «повышение тарифов на услуги ЖКХ» (34%). Такая структура актуальных тревог граждан характеризует особенности сложившихся в России жизненно определяющих социально-политических и экономических условий функционирования семьи, общества и государства. Более того, 19% россиян не чувствовали себя защищенными, они обеспокоены вопросами своей безопасности и их близких.

Таблица 1

Динамика тревожности респондентов
Вопрос: «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?»
 (РФ, % от числа опрошенных)

	Дороговизна жизни	Произвол чиновников	Повышение тарифов на услуги ЖКХ	Повышение цен на продукты питания	Разделение общества на богатых и бедных	Безработица	Терроризм	Преступность	Падение нравов, культуры	Страх перед будущим	Экологическая обстановка
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1992, VII	-	-	-	-	-	-	-	44	13	-	22
1993, XI	70	-	-	-	22	24	-	51	-	-	26
1994, II	58	-	-	-	20	24	-	50	-	-	34
1995, I	60	-	-	-	17	21	-	43	-	-	31
1995, XI	56	-	-	-	13	14	3	32	-	-	21
1997, I	41	-	-	-	-	14	-	28	-	-	24
2001, XII	66	32	-	-	33	31	27	51	32	-	33
2002, XII	67	27	-	-	33	29	29	49	27	-	32
2003, X	60	29	44	-	22	25	31	44	25	-	33
2005, IX	60	29	46	-	23	22	26	32	26	-	29
2006, I	55	31	43	-	27	25	24	36	25	-	31
2006, VI	62	32	45	-	30	27	20	40	30	-	36
2007, I	58	32	46	-	27	22	17	36	29	-	37
2007, VII	50	29	39	-	26	21	21	41	33	-	42
2008, II	57	31	48	-	27	18	15	36	27	-	38
2008, VI	58	29	42	40	22	16	12	32	27	-	38
2008, XI	58	28	35	36	22	23	16	32	29	-	32
2009, VI	50	28	36	34	20	32	9	28	26	-	31
2009, XII	48	33	31	32	19	25	17	34	31	-	32

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2010, VI	51	31	38	29	20	26	24	33	26	-	32
2010, XII	53	35	43	39	18	29	15	30	27	-	33
2011, VI	56	33	36	31	27	29	18	29	24	-	33
2011, XI	56	33	42	31	22	28	14	33	24	-	25
2012, IV	49	41	40	30	25	27	14	33	27	-	31
2012, XII	51	44	43	29	24	24	13	31	26	-	24
2013, VI	50	37	45	31	27	25	14	30	29	-	28
2013, XII	46	37	38	26	26	22	22	33	28	-	23
2014, VI	45	31	38	27	22	20	19	24	22	17	23
2014, XII	50	29	35	27	24	21	12	22	23	18	20
2015, VI	55	33	30	32	22	27	8	17	21	14	20
2015, XII	58	33	31	34	24	28	23	19	19	19	22
2016, VI	59	32	31	29	28	30	16	18	19	21	19
2016, XII	60	36	34	28	28	30	16	20	19	20	17
2017, VI	65	41	34	33	29	27	25	22	21	20	20

Динамика тревожности респондентов
(РФ, % от числа опрошенных)

Продолжение таблицы

	Безопасность Ваша и Ваших близких	Алкоголизм	Ухудшение положения пенсионеров в обществе	Наркомания	Закрытие, простой предприятий	Высокая инфляция	Обострение международных отношений	Экономические санкции против России	Задержка выплаты зарплаты, пенсий	Ухудшение отношений с США и Европой	Мировой экономический кризис
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1992, VII	-	-	-	-	-	-	26	-	-	-	-
1993, XI	-	-	-	-	-	-	11	-	-	-	-
1994, II	-	-	-	-	32	-	10	-	-	-	-
1995, I	-	-	-	-	30	-	10	-	-	-	-
1995, XI	-	-	-	-	19	-	6	-	-	-	-
1997, I	-	-	-	-	22	-	7	-	39	-	-
2001, XII	-	17	-	42	28	-	21	-	19	-	-
2002, XII	-	17	-	26	19	-	15	-	21	-	-
2003, X	31	18	-	32	16	-	8	-	11	-	-
2005, IX	33	20	-	29	14	-	8	-	11	-	-
2006, I	28	20	-	30	13	-	10	-	9	-	-
2006, VI	32	23	-	31	14	-	11	-	9	-	-
2007, I	29	25	-	31	14	-	11	-	9	-	-
2007, VII	28	28	-	34	10	-	10	-	7	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2008, II	26	27	-	30	13	-	8	-	7	-	-
2008, VI	27	22	-	27	8	25	9	-	5	-	-
2008, XI	24	19	-	26	12	26	10	-	7	-	-
2009, VI	22	22	-	22	15	19	9	-	11	-	16
2009, XII	25	25	-	26	14	14	9	-	7	-	14
2010, VI	25	22	-	23	14	13	8	-	7	-	9
2010, XII	27	20	-	22	11	11	9	-	7	-	7
2011, VI	25	24	-	23	14	16	10	-	7	-	4
2011, XI	22	23	-	24	13	11	10	-	7	-	7
2012, IV	24	23	-	25	14	10	11	-	7	-	4
2012, XII	24	22	-	22	14	11	12	-	9	-	6
2013, VI	19	22	-	19	12	12	13	-	7	-	4
2013, XII	25	24	-	23	13	11	15	-	9	-	6
2014, VI	23	21	12	19	11	10	17	-	6	-	6
2014, XII	23	16	12	19	11	13	15	-	7	13	7
2015, VI	23	17	13	17	12	13	13	11	6	10	6
2015, XII	26	13	13	13	13	14	14	10	8	8	8
2016, VI	26	15	14	15	12	13	11	8	8	7	7
2016, XII	23	15	17	12	12	11	11	8	7	6	6
2017, VI	19	16	14	11	11	10	8	7	7	7	3

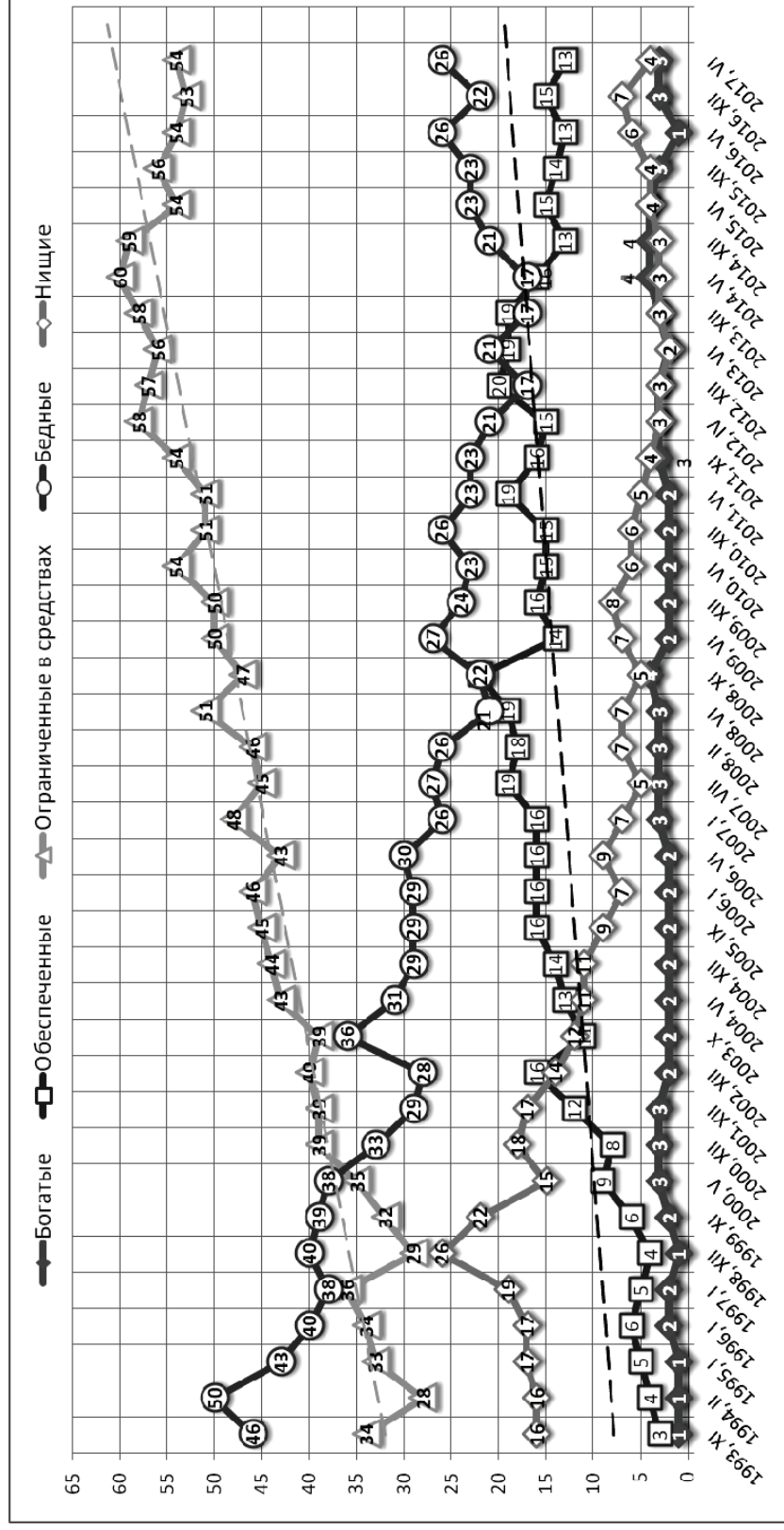
Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Экономическое положение большинства российских семей остается тяжелым. В июне 2017 г. граждане России оценивали свои денежные доходы следующим образом: 30% респондентов живут в условиях нищеты или бедности, не доедая или еле-еле сводя концы с концами. У 4% респондентов «денег не хватает даже на приобретение продуктов питания», а у (26%) «денег хватает только на приобретение продуктов питания». У 54% респондентов денег хватает для приобретения необходимых продуктов и одежды, 13% могут позволить купить себе большинство товаров длительного пользования, 3% не отказывают себе ни в чем (см. график 1). Отметим, что за 2,5 года число «ограниченных в средствах» граждан в российских семьях снизилось с 59% до 54% (5 п.п.). При этом число «бедных» россиян возросло с 21% до 26% (5 п.п.). С конца 2012 г. наблюдалось снижение числа «обеспеченных» граждан с 20% до 13%.

График 1

Самооценка денежных доходов респондентов² (РФ, % от числа опрошенных)

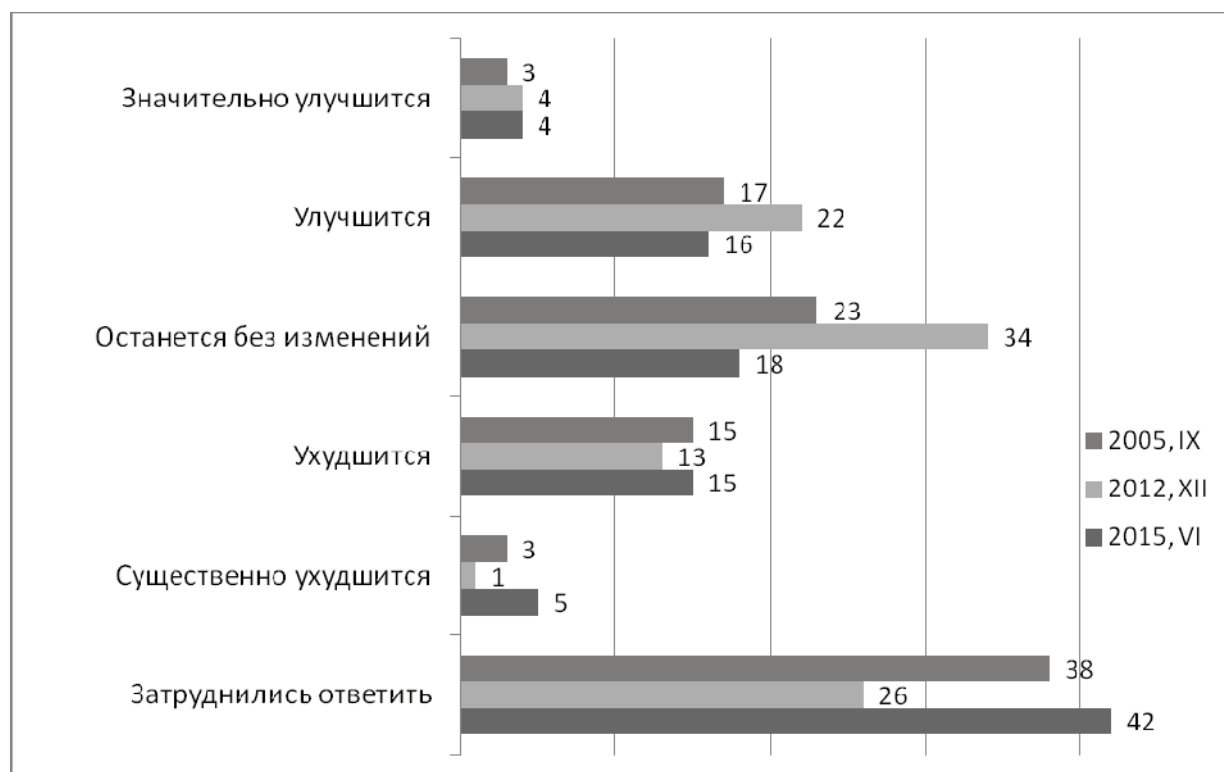
Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

² Вопрос: «Какая из ниже приведенных оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?». Варианты ответов: «Богатые» – денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать; «Обеспеченные» – покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей; «Ограниченные в средствах» – денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды; «Бедные» – денег хватает только на приобретение продуктов питания; «Нищие» – денег не хватает даже на приобретение продуктов питания.

Кризис оказал влияние на институт семьи в России, затронув в первую очередь финансовую сферу жизнедеятельности. **Подавляющее большинство российских семей испытывали денежные затруднения.** Улучшения материального положения своей семьи через 5 лет респонденты не ожидали (см. график 2). Согласно данным исследования, проведенного в июне 2015 г., значительного улучшения материального положения своей семьи через 5 лет предполагали 4% россиян. Шестая часть респондентов ожидали улучшения своего материального положения (16%). Всего лишь 18% граждан надеялись на стабильное состояние своего материального положения. Ухудшение и существенное ухудшение прогнозировали соответственно 15% и 5% россиян. Наибольшее число респондентов затруднились ответить (42%).

График 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Каким, по Вашему мнению, будет материальное положение
вашей семьи через 5 лет?»**
(РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

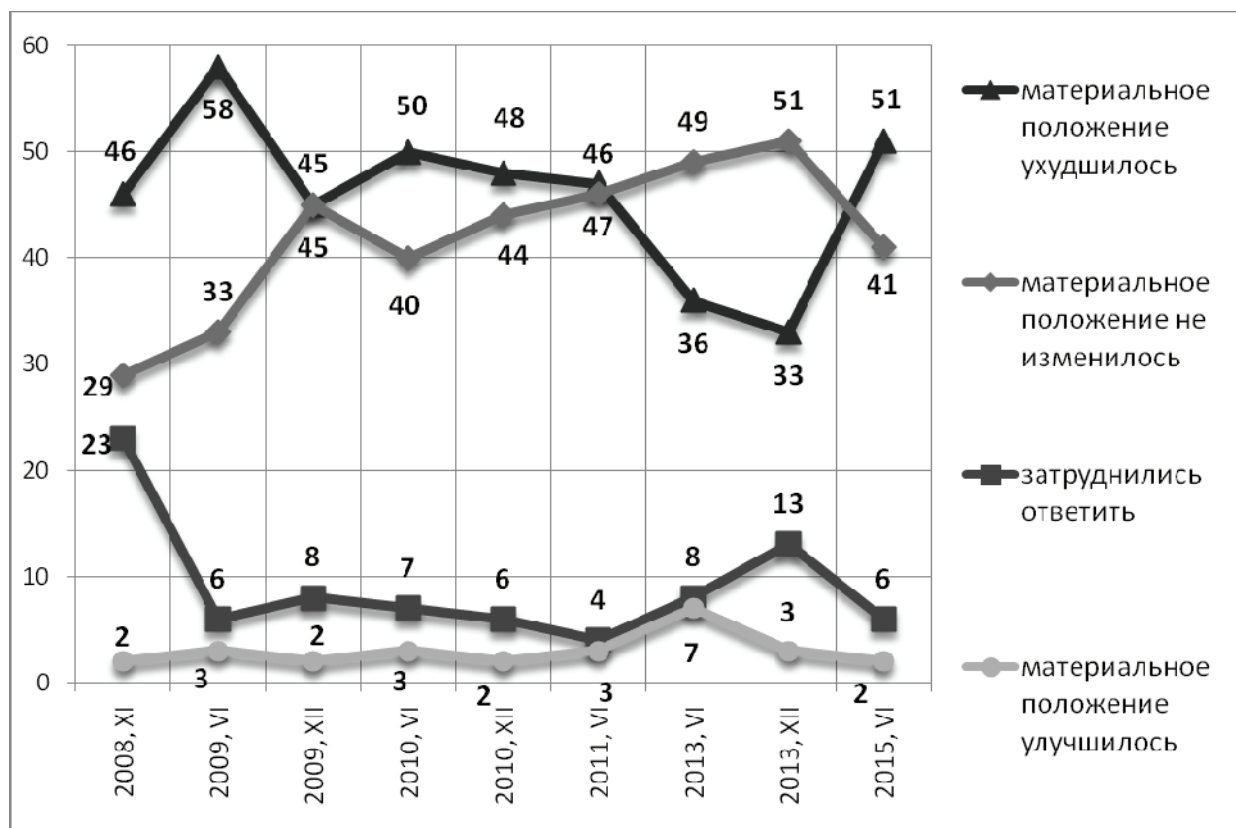
В целом положительных тенденций в отношении оценки будущего состояния материального положения семей у россиян не наблюдалось. По сравнению с декабрем 2012 г. на 4 п.п. увеличилось число граждан, считавших, что материальное положение их семьи через 5 лет существенно ухудшится. Количество россиян рассчитывающих, что их материальное положение улучшится, снизилось на 6 п.п., останется без изменений – на 16 п.п.

В своих оценках предполагаемых положительных или отрицательных изменений в материальном положении семей через пять лет россияне вернулись к прогнозам десятилетней давности. Значимое различие наблюдалось в варианте ответа «останется без изменений» (снижение с 23% в 2005 г. до 18% в 2015 г.). При этом число затруднившихся ответить выросло за тот же период с 38% до 42%.

По мнению большинства граждан, мировой экономический кризис существенным образом отразился на материальном положении их семей (см. график 3). Вследствие влияния мирового экономического кризиса в июне 2015 г. у 51% респондентов материальное положение семей ухудшилось, у 41% не изменилось, у 2% улучшилось, 6% респондентов затруднились ответить на вопрос. По сравнению с декабрем 2013 г. отмечалось резкое увеличение с 33% до 51% числа граждан, у которых материальное положение семей вследствие влияния мирового экономического кризиса ухудшилось. Существенно снизилось количество россиян, считавших, что материальное положение их семьи не изменилось (с 51% до 41%).

График 3

Мнение респондентов о том, как мировой экономический кризис отразился на материальном положении их семьи
(РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Экономические, социально-политические условия, сложившиеся в стране, оказали влияние на структуру потребностей российских семей, сформировав модель кризисного потребления. По данным исследования, проведенного в ноябре 2012 г., большинство российских семей старались не ограничивать себя в потреблении электричества, в продуктах питания и в поездках на транспорте (см. табл. 2). Граждане постоянно ограничивали себя в ремонте жилья – 35% респондентов, в отдыхе – 34%, в посещении театра и кино – 25%, в лекарствах – 17%, в одежде и обуви – 16%, в медицинском обслуживании – 16%, в газетах – 13%, в поездках на транспорте – 12%, в продуктах питания – 9%, в потреблении электричества – 8%. Отметим, что с 2005 г. по 2012 г. доля россиян, постоянно ограничивающих себя в отдыхе, снизилась на 15 п.п., в посещениях театра и кино на 15 п.п., в одежде на 13 п.п., в ремонте жилья на 12 п.п., в медицинском обслуживании на 6 п.п., в лекарствах на 5 п.п..

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как часто за последние двенадцать месяцев вашей семье приходилось ограничивать себя в следующем?»
(РФ, % от числа опрошенных)

	постоянно		изредка		никогда		затруднились ответить	
	2005, IX	2012, XI	2005, IX	2012, XI	2005, IX	2012, XI	2005, IX	2012, XI
В продуктах питания	20	9	35	34	41	54	4	3
В отдыхе	49	34	31	36	13	26	7	4
В одежде, обуви	29	16	46	44	21	37	4	3
В потреблении электричества	12	8	22	24	59	65	7	3
В поездках на транспорте, бензине для автомобиля	20	12	31	31	40	52	9	5
В медицинском обслуживании	22	16	34	36	36	41	8	7
В лекарствах	22	17	32	32	38	45	8	6
В ремонте жилья	47	35	28	33	15	26	9	6
В посещениях театра, кино	40	25	26	30	19	31	15	14
В газетах	20	13	25	21	40	47	15	19

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

По данным исследования, изредка приходилось ограничивать себя россиянам в одежде и обуви (44%), в отдыхе (36%), в медицинском обслуживании (36%), в продуктах питания (34%), в ремонте жилья (33%), в лекарствах (32%), в поездках на транспорте (31%), в посещении театра и кино (30%), в потреблении электричества (24%), в газетах (21%). Данная группа российских семей в численности являлась наиболее стабильной.

Никогда не приходилось ограничивать себя россиянам в потреблении электричества (65%), в продуктах питания (54%), в поездках на транспорте (52%), в газетах (47%), в лекарствах (45%), в медицинском обслуживании (41%), в одежде и обуви (37%), в посещении театра и кино (31%), в отдыхе (26%), в ремонте жилья (26%). С 2005 г. по 2012 г. число граждан, никогда не ограничивающих себя в одежде и обуви, увеличилось на 16 п.п., в продуктах питания – на 13 п.п., в отдыхе – на 13 п.п., в поездках на транспорте – на 12 п.п., в посещениях театра и кино – на 12 п.п., в ремонте жилья – на 11 п.п., в лекарствах – на 7 п.п., в газетах – на 7 п.п., в потреблении электричества – на 6 п.п., в медицинском обслуживании – на 5 п.п.

Картину экономического неблагополучия российских семей дополняет в своих значениях индикатор социально-политической отчужденности гражданского общества и государства. В июне 2017 г. 36% считали, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие» (за 2,5 года снижение на 11 п.п.) и 52% утверждали, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь» (за 2,5 года рост на 10 п.п.) (см. график 4). С 42% в июне 2015 г. до 36% в июне 2017 г. снизилось число граждан, считавших, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие». Также за данный период с 42% до 52% возросло количество граждан с мнением о том, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь». А число респондентов, затруднившихся ответить на вопрос, сократилось с 16% до 12%.

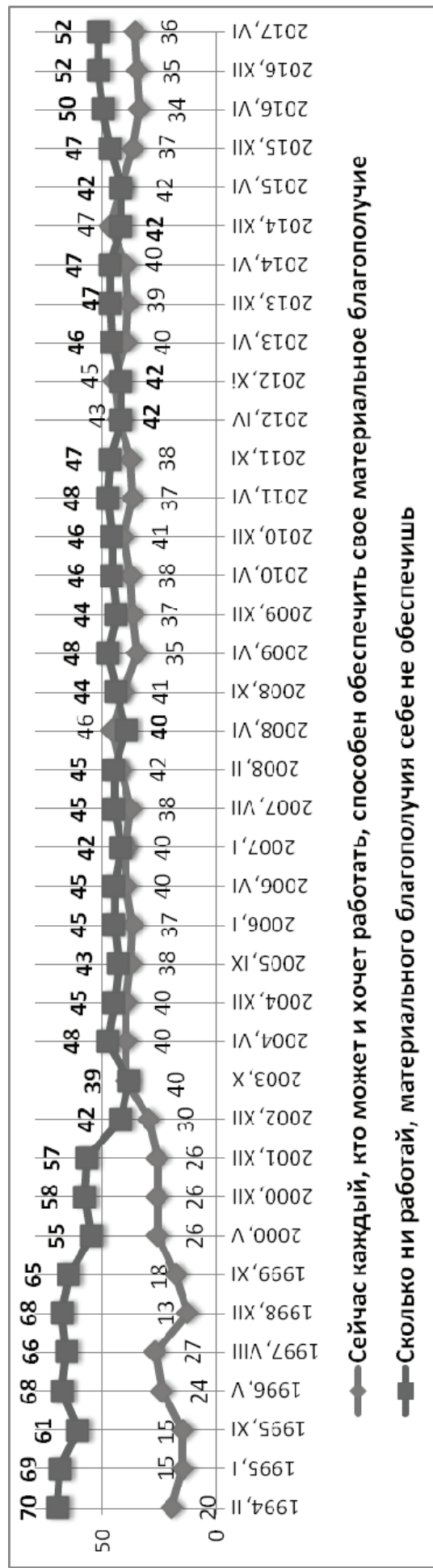
Отношение государства к институту семьи в правовом поле результируется в эффективности поддержания семейно-брачных отношений, приоритете семейных, материнских ценностей в стране, а также создания условий для их развития. Согласно данным июньского исследования 2016 г., большинство респондентов считали, что государство выполняло основные обязанности по обеспечению «права на выбор профессии» (61%), «права на отдых» (60%), «защиты материнства и детства» (57%), «права на получение информации» (54%) и «права на социальное обеспечение и пенсию» (53%) (см. табл. 3).

От половины до трети граждан отметили, что власть выполняла свои обязанности по обеспечению следующих гарантий прав и свобод человека и гражданина: «право на охрану здоровья и медицинскую помощь» (41%) и «свобода мысли и слова» (39%). По оценкам участников опроса, наихудшим образом государство выполняет свои обязанности по обеспечению «права на бесплатное образование» (28%), «права на жилье» (26%), «права на судебную защиту прав и свобод гражданина» (22%), «права на благоприятную окружающую среду» (21%), «равенства перед законом и судом» (15%).

За все годы мониторинга в июне 2016 г. по критерию «выполняется государством» зафиксированы наименьшие значения по следующим индикаторам: «право на выбор профессии», «свобода мысли и слова». А наибольшее значение наблюдалось у индикатора «защита государством материнства и детства».

График 4

Суждения респондентов о жизни в стране
(РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 3

Оценка респондентами выполнения российским государством своих обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина
(РФ, % от числа опрошенных)

	Выполняет								Не выполняет								Затруднились ответить													
	2006, VI	2007, I	2007, VI	2008, VII	2009, XII	2010, VI	2012, XII	2014, VI	2015, VI	2016, VI	2006, VI	2007, I	2007, VI	2008, VII	2009, XII	2010, VI	2012, XII	2014, VI	2015, VI	2016, VI	2006, VI	2007, I	2007, VI	2008, VII	2009, XII	2010, VI	2012, XII	2014, VI	2015, VI	2016, VI
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
Равенство перед законом и судом	15	13	14	13	14	18	19	22	21	15	72	78	73	75	74	69	72	68	66	71	13	9	13	12	12	13	9	10	13	14
Свобода мысли и слова	48	48	51	52	49	45	41	51	54	39	32	31	33	23	31	33	39	31	26	31	20	20	16	25	20	22	20	18	20	30
Право на выбор профессии	61	62	62	67	64	63	63	73	67	61	25	23	25	16	22	22	22	17	17	19	14	15	13	17	14	15	15	10	16	20
Право на получение информации	53	53	49	50	50	52	49	60	51	54	25	25	27	23	26	25	23	20	19	21	22	22	24	27	24	23	28	20	30	25
Право на отдых	46	52	48	55	56	56	56	68	64	60	37	31	31	23	24	23	24	17	15	21	17	18	21	22	20	21	20	15	21	19
Защита государством материнства и детства	24	29	32	35	43	46	51	55	57	57	58	54	45	37	34	31	28	26	20	23	18	17	23	27	24	23	21	19	23	20

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
Право на социальное обеспечение и пенсию	39	36	30	40	49	54	55	55	59	53	48	50	48	39	33	29	30	30	21	31	13	13	22	21	18	17	15	15	20	16
Право на жилье	12	15	13	13	16	23	22	27	31	26	71	70	69	65	59	58	55	48	41	48	17	14	18	22	25	19	23	25	28	26
Право на охрану здоровья и медицинскую помощь	25	25	20	24	31	36	37	37	43	41	64	64	66	57	51	48	46	40	36	41	11	12	14	18	18	16	17	23	21	18
Право на благоприятную окружающую среду	11	12	9	11	18	21	29	26	26	21	66	67	70	69	56	51	47	47	43	47	23	21	21	20	26	28	24	27	31	32
Право на бесплатное образование	14	20	14	19	25	27	28	32	38	28	76	68	72	68	58	57	58	49	41	52	10	12	14	13	18	16	14	19	21	20
Право на судебную защиту прав и свобод гражданина	23	24	19	21	29	27	29	29	33	22	55	56	56	53	44	46	45	41	39	40	22	20	25	26	27	27	26	30	28	38

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

С июня 2015 г. по июнь 2016 г. снизилось количество россиян, отметивших, что государство выполняет обязательства по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина: «свобода мысли и слова» (15 п.п.), «право на судебную защиту прав и свобод гражданина» (11 п.п.), «право на бесплатное образование» (10 п.п.), «равенство перед законом и судом» (6 п.п.), «право на социальное обеспечение и пенсию» (6 п.п.), «право на выбор профессии» (6 п.п.), «право на жилье» (5 п.п.), «право на благоприятную окружающую среду» (5 п.п.), «право на отдых» (4 п.п.).

Российское государство скорее не выполняет, чем выполняет свои обязанности по обеспечению «равенства перед законом и судом» (71% против 15%), «права на бесплатное образование» (52% против 28%), «права на жилье» (48% против 26%), «права на благоприятную окружающую среду» (47% против 21%), «права на судебную защиту прав и свобод гражданина» (40% против 22%).

Еще одним существенным фактором политики государства, с которым столкнулась каждая российская семья, стала приватизация, начавшаяся в 1991 г. Ее целями стали переход на рыночную экономику, поддержание свободной конкуренции, внедрение нового класса собственников и форм собственности, демонополизация производств. Власть вовлекла в этот процесс население с целью перераспределения и балансировки доходов граждан и их семей. **Однако, с точки зрения россиян, приватизация имеет криминально-бюрократический характер.**

В июне 2017 г. наибольшее число респондентов считали, что в результате приватизации государственной собственности выиграли «чиновники и управленцы» (41%) (см. табл. 4). Далее ответы распределились следующим образом: «теневые дельцы» (25%), «предприниматели» (22%), «старая номенклатура» (14%), «новая номенклатура» (13%), «мафия вне России» (9%), «иностраннный капитал» (8%), «работники торговли» (7%), «я и моя семья» (6%), «выиграло все общество» (5%), «интеллигенция, служащие» (3%), «трудовые коллективы» (1%), «рабочие, крестьяне» (1%). Затруднились ответить – 22% респондентов.

По сравнению с ноябрем 2011 г. число граждан, считавших, что в результате приватизации государственной собственности выиграли «чиновники», «теневые дельцы» снизилось на 4 п.п. каждый. При этом количество россиян, которые увидели выигрыш предпринимателей, возросло на 6 п.п. За полтора года на 6 п.п. выросло значение показателя «в результате приватизации государственной собственности выиграли чиновники и управленцы». Одновременно с этим на 7 п.п. снизилось количество затруднившихся ответить на данный вопрос граждан.

Личный опыт каждого члена семьи является одним из факторов обуславливающих формирование семейных ценностей и образцов поведения. Более того, негативный опыт, дискриминация законных прав оказывает влияние на процесс социализации, подсознательно формируя у молодого поколения неформальные типы общественного поведения в социально-политической реальности.

Таблица 4

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Кто, по Вашему мнению, в первую очередь выиграл
в результате приватизации?»**

(РФ, % от числа опрошенных, можно отметить три варианта)

	1992, VIII	1995, I	1997, VIII	1999, XI	2000, V	2000, XII	2002, XII	2003, X	2006, I	2007, I	2008, II	2008, VI	2011, XI	2012, IV	2014, VI	2015, XII	2017, VI
Чиновники, управленцы	16	15	36	42	33	39	42	41	37	50	44	43	45	43	35	35	41
Теневые дельцы	35	53	53	68	52	40	51	48	41	38	44	42	29	32	26	28	25
Затруднились ответить	18	19	14	9	18	17	12	13	19	17	11	16	23	20	26	29	22
Предприниматели	-	14	22	32	18	19	19	21	20	24	23	23	16	25	24	21	22
Старая номенклатура	15	10	22	32	23	17	19	18	18	18	16	16	12	13	11	15	14
Новая номенклатура	23	21	42	41	27	25	29	24	18	20	21	20	14	13	13	13	13
Мафия вне России	14	11	20	33	16	16	16	16	12	9	12	10	8	10	9	8	9
Иностранный капитал	7	5	22	37	15	19	18	12	12	7	8	8	6	8	6	7	8
Работники торговли	12	2	10	20	9	10	10	5	6	5	7	6	6	10	7	8	7
Я и моя семья	-	1	2	4	4	4	3	4	4	8	6	7	5	6	8	7	6
Выиграло все общество	9	1	3	2	2	4	3	3	5	3	5	3	6	5	5	4	5
Интеллигенция, служащие	1	0	1	2	1	1	1	1	1	1	1	2	3	2	3	3	3
Трудовые коллективы	3	1	2	4	2	2	2	1	1	2	1	2	1	2	2	2	1
Рабочие, крестьяне	1	0	1	0,5	1	0	1	0	1	1	1	2	1	1	3	1	1
Представители стран СНГ	1	1	5	5	1	1	1	1	2	1	2	1	1	1	3	1	0

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Согласно данным мониторинга в декабре 2013г. чаще всего россияне и их близкие родственники сталкивались с дискриминацией прав по признаку социального положения (27%), возраста (22%) (см. табл.5, график 5). Около 13% респондентов отметили наличие дискриминации в их жизни по характеристикам национальной принадлежности и столько же граждан – по политическим убеждениям. Дискриминацию законных прав по признаку их отношения к религии наблюдали 7% россиян. **Количество респондентов, которым не приходилось сталкиваться с дискриминацией, а также затруднившихся ответить в совокупности составили 38%.**

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам или Вашим близким родственникам за последние полгода сталкиваться с дискриминацией законных прав по признаку»

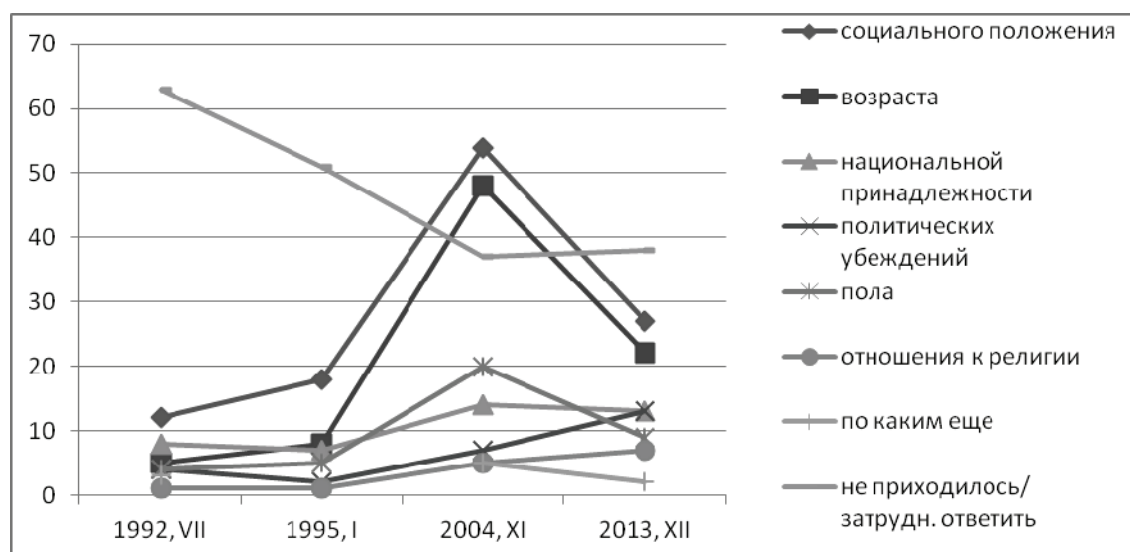
РФ, % от числа опрошенных

	1992, VII	1995, I	2004, XI	2013, XII
Социального положения	12	18	54	27
Возраста	5	8	48	22
Национальной принадлежности	8	7	14	13
Политических убеждений	4	2	7	13
Пола	4	5	20	9
Отношения к религии	1	1	5	7
По каким еще	3		5	2
Не приходилось/ затрудн. ответить	63	51	37	38

График 5

Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам или Вашим близким родственникам за последние полгода сталкиваться с дискриминацией законных прав по признаку»

РФ, % от числа опрошенных

Значения всех показателей, характеризующие уровень дискриминации законных прав граждан и их близких родственников, с 1992 г. уверенно росли. Однако переломным годом, по данным мониторинга, стал 2004 г. Далее число проявлений дискриминации в жизни граждан существенно снизилось. Тем не менее, с 2004 г. по 2013 г. на 6 п.п. выросли значения показателя дискриминации по признаку политических убеждений, зафиксировав максимальное значение. За данный период в два раза снизились значения индикаторов наличия дискриминации в жизни граждан и их близких родственников по признаку социального положения (с 54% до 27%) и возраста (с 48% до 22%). Отметим, что до 2004 г. большинству россиян и их родственников не приходилось сталкиваться с любыми проявлениями дискриминации.

Межпоколенческие споры и разногласия в сложной структуре социальных взаимоотношений института семьи находят выражение в реальных формах поведения. По мнению 28% россиян, противоречия и неприязнь «между младшим и старшим поколениями» значительны (см. график 6–7). Кризис внес коррективы и во взаимоотношения между поколениями российского общества, обострив их. С 22% в июне 2016 г. до 28% в июне 2017 г. выросли противоречия между «младшим и старшим поколениями». Социологическое измерение мнений по альтернативе «противоречия и неприязнь незначительны в современном российском обществе» в июне 2017 г. показало следующую картину: **53% россиян считали противоречия между «младшим и старшим поколениями» незначительными.**

Будущее состояние института семьи во многом зависит от молодого поколения, их мировоззрения, воспитания и ценностных семейных установок. В целом социально позитивный потенциал института семьи в России имеет существенные резервы. Только часть граждан не опасались, что их ребенок может стать наркоманом, алкоголиком или преступником (см. табл. 6, график 8).

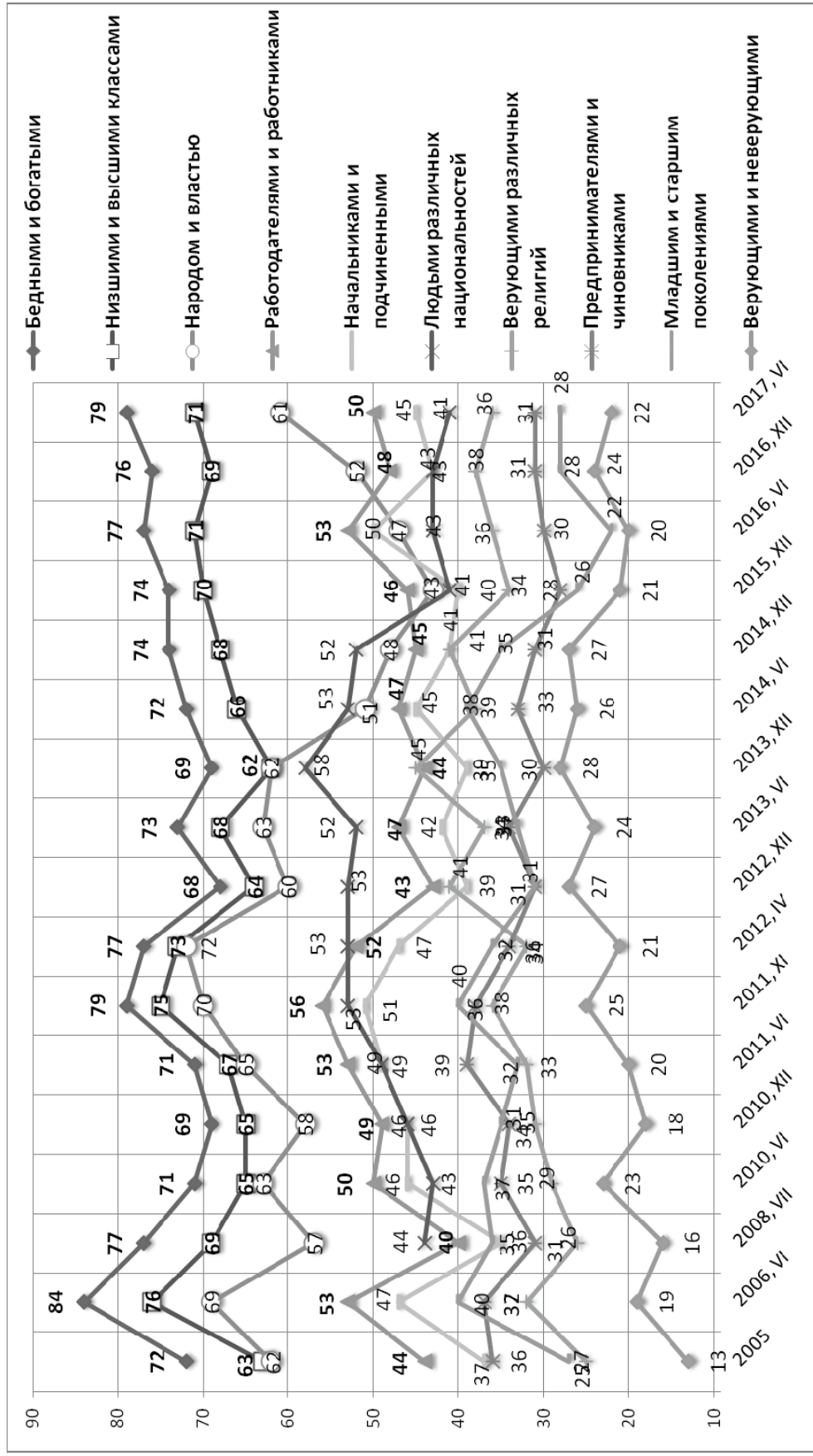
Согласно результатам исследования, проведенного в декабре 2013 г., около 39% граждан не опасались, что их ребенок может стать наркоманом. Тем не менее, 32% россиян тревожила данная проблема. Затруднились ответить 29% опрошенных. Отметим, что наблюдалась тенденция снижения тревог граждан в отношении того, что их ребенок может стать наркоманом.

Около 39% россиян не испытывали опасения того, что их ребенок может стать алкоголиком. Противоположного мнения придерживались 34% граждан. Затруднились ответить 27% респондентов. В будущем преступное поведение их ребенка заботило 27% россиян. Не опасались того, что их ребенок может стать преступником, около 45% граждан. Затруднились ответить 28% опрошенных. В целом возможное криминальное поведение молодого поколения заботило 30% граждан.

Институт семьи в системе социально-политических отношений российского общества имеет ряд особенностей. В структуре тревог российских граждан и их семей основополагающими являлись экономические проблемы и вопросы взаимоотношений власти и общества. Судя по самооценкам, в России образовалось общество, в котором живет до 3% очень богатых людей и до 4% очень бедных – нищих. Приблизительно седьмую часть российских семей (13%) по самооценке денежных доходов можно отнести к среднему по российским стандартам классу.

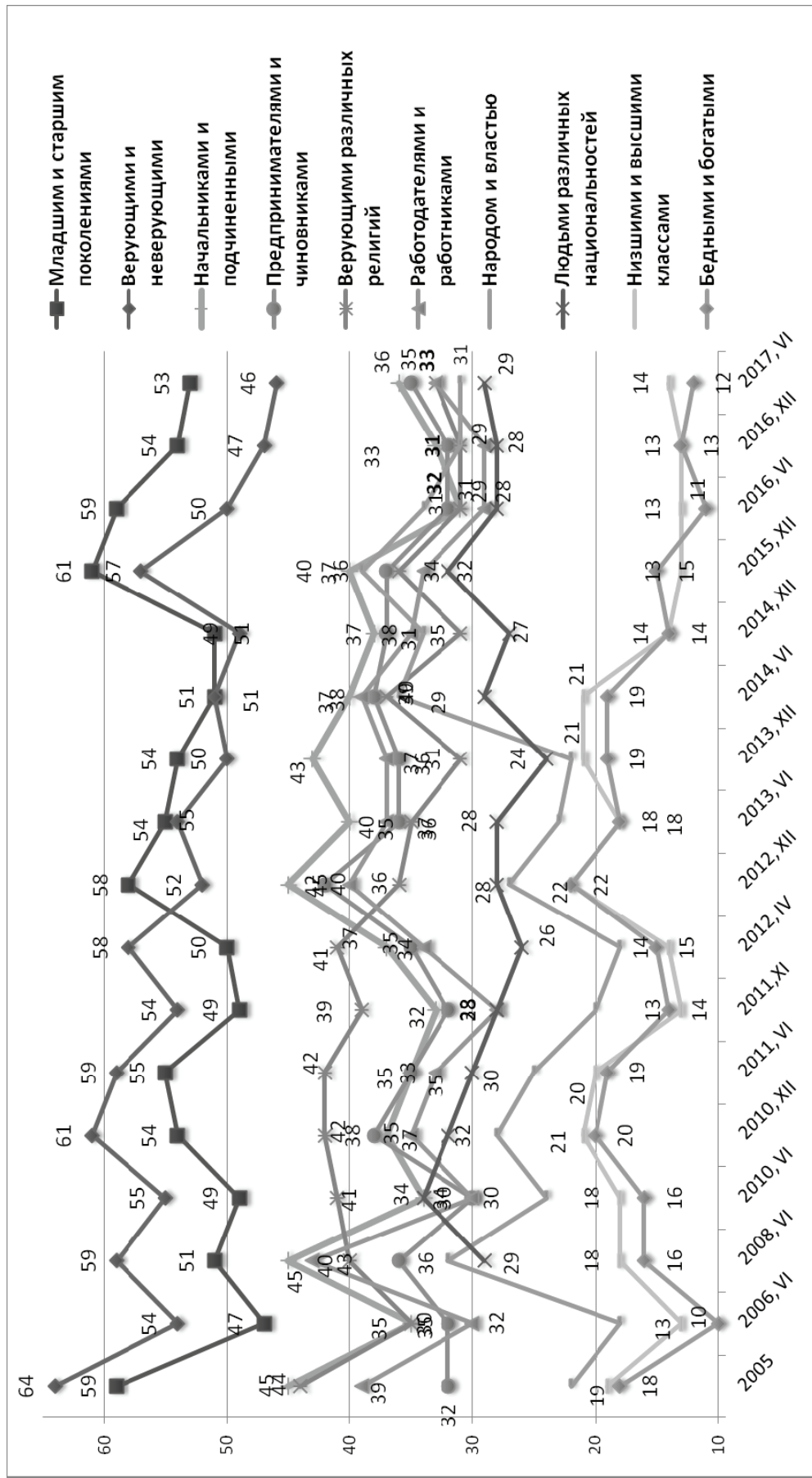
График 6

Мнение респондентов о том, насколько значительно сегодня противоречия, неприязнь в современном российском обществе (вариант ответа «значительны»)
(РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Мнение респондентов о том, насколько значительно сегодня противоречия, неприязнь в современном российском обществе (вариант ответа «не значительны»)
(РФ, % от числа опрошенных)

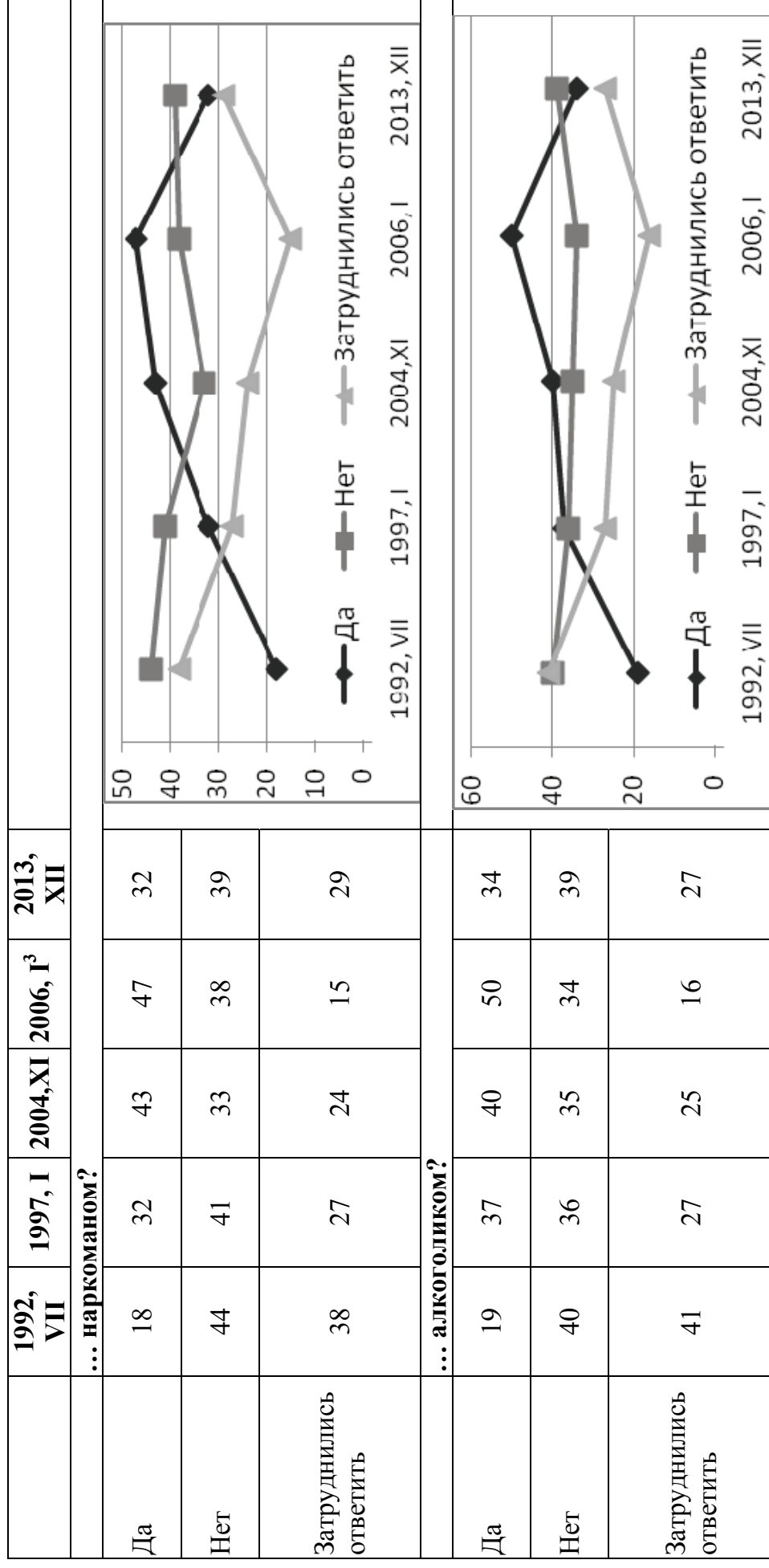

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 6 График 8

Распределение ответов на вопрос: «Опасаетесь ли Вы, что Ваш ребенок может стать: ...»

РФ, % от числа опрошенных

³ В опросе 2006 г. вопрос формулировался: «Опасаетесь ли Вы, что Ваши близкие могут стать: ...?»

	1992, VII	1997, I	2004, XI	2006, I ⁴	2013, XII
Да	20	40	33	35	27
Нет	28	32	38	45	45
Затруднились ответить	52	28	28	20	28

—◆— Да
 —■— Нет
 —▲— Затруднились ответить

1992, VII 1997, I 2004, XI 2006, I 2013, XII

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

⁴ В опросе 2006 г. вопрос формулировался: «Опасаетесь ли Вы, что Ваши близкие могут стать: ...?»

В оценках материального положения своей семьи через 5 лет респонденты разбились на три примерно равные по численности группы: на тех, у кого материальное положение улучшится, останется без изменений и ухудшится. У большинства респондентов вследствие мирового экономического кризиса материальное положение ухудшилось. Российские семьи старались никогда не ограничивать себя в потреблении электричества, в продуктах питания, в поездках на транспорте, в лекарствах, в медицинском обслуживании, в посещениях театра и кино, в газетах. Изредка ограничивали себя в одежде и обуви, в отдыхе. Постоянно ограничивали себя граждане в ремонте.

Институт семьи в России, адаптируясь к сложившимся в стране экономическим условиям, будет искать новые трансформационные механизмы с целью поддержания достойного материального положения. Поддерживая и защищая институт материнства и детства, предоставляя свободу выбора профессии, права на социальное обеспечение и пенсию в будущем, обеспечивая права на бесплатное образование детей, на жилье для семьи, на судебную защиту прав и свобод гражданина, государство получает устойчивую социальную базу своей публичной и правовой легитимации.

Материал подготовлен на основе исследований, проведенных при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00289 Социологический мониторинг «Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях кризиса и санкций» и РГНФ, проект № 17-03-00557 «Социологический мониторинг фундаментальных и актуальных проблем развития гражданского общества в России».

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Петрова Т.Э., доктор социологических наук, профессор, профессор Московского авиационного института (национальный исследовательский университет) (МАИ), Москва, Россия

Ключевые слова: качество жизни, дифференциация, оптимизация.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы качества жизни граждан Российской Федерации.

THE QUALITY OF LIFE OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Petrova T.E., doctor of sociological Sciences, Professor, professor of the department Moscow aviation Institute Moscow, Russia

Keywords: the quality of the life, the difference, the optimisence/

Abstract: The article presents the contemporary experience of the quality of the life in Russia.

Проблема дифференциации качества жизни населения в разных субъектах Российской Федерации является весьма острой и сдерживает их социально-экономическое развитие.

Выступая на встрече с депутатами фракции партии «Единая Россия» Государственной Думы и экспертами-представителями профессиональных сообществ и общественных организаций 6 сентября 2016 г., Президент Российской Федерации В.В. Путин сказал, что крайне важно, чтобы граждане, независимо от места проживания, получали социальные блага по единому стандарту.

Обеспечить качество жизни невозможно без ускоренного, сбалансированного, комплексного и системного социально-экономического развития регионов, основанного на новых факторах роста.

Закрепленное в Конституции Российской Федерации положение о социальном государстве определяет общую направленность государственной социальной политики [1].

В последние годы были предприняты меры по совершенствованию законодательства, направленные на обеспечение достойной жизни граждан [2].

Вместе с тем сохраняются значительные межрегиональные различия в уровне заработной платы, занятости, доступности медицинской помощи, социального обеспечения, которые противоречат принципам государственной политики регионального развития, направленной на обеспечение равных возможностей для реализации конституционных прав и свобод граждан на всей территории страны [3].

По данным Минздрава России, в 2016 году смертность в Российской Федерации снизилась по сравнению с аналогичным периодом 2015 года от болезней системы кровообращения – на 2,8%, от новообразований – на 0,8%, от туберкулеза – на 16,7%, от дорожно-транспортных происшествий – на 10,7%, младенческая смертность – на 7,7%.

С 2013 года во всех субъектах Российской Федерации проводится широкомасштабная диспансеризация взрослого населения, по состоянию на 31 декабря 2016 г. диспансеризацию прошло 22 млн. человек. В ходе обследования граждан в 2016 году сердечно-сосудистые заболевания выявлены у 7,2 млн. человек, в том числе впервые выявлено более 1 млн. случаев сердечно-сосудистых заболеваний. В 2016 году по сравнению с 2015 годом с 52,0 до 53,7 увеличилась доля больных с выявленными на ранних стадиях (I–II стадии) злокачественными новообразованиями.

Показатели рождаемости в 2016 году снизились по сравнению с предыдущим годом: родилось на 53 тыс. детей меньше (на 2,3%), суммарный коэффициент рождаемости составил 1,76 детей на одну женщину репродуктивного возраста (плановый показатель – 1,753). Ожидаемая продолжительность жизни составила 71,87 лет (плановый показатель – 74 года). Снижение рождаемости обусловлено продолжающимся увеличением возраста матери при рождении первенца и изменением репродуктивного поведения молодежи, дальнейшим сокращением женщин молодых возрастов. Численность женщин в возрасте 20–29 лет, на долю которых приходится около 60% всех рождений, за 2010–2015 годы уменьшилась на 1750 тыс. человек (на 14,6%).

Реализация стимулирующих мер по увеличению рождаемости позволяет сглаживать негативное влияние ухудшения структуры населения. Прежде всего, это материнский (семейный) капитал, ежемесячная денежная выплата на третьего ребенка, региональный материнский капитал, бесплатное предоставление земельных участков семьям с тремя и более детьми для индивидуального жилищного строительства, увеличение мест в детских садах.

По данным Минздрава России, в 2016 году в медицинских организациях, подведомственных Минздраву России и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья, работало 544 458 врачей и 1 291 948 средних медицинских работников. По сравнению с 2015 годом численность врачей увеличилась на 854 человека (0,2%), обеспеченность врачами выросла на 0,1%. Показатель соотношения числа врачей и средних медицинских работников в 2016 году составил 1:2,4, что соответствует значению, предусмотренному государственной программой Российской Федерации "Развитие здравоохранения". Принимаемые субъектами Российской Федерации меры по поэтапному устранению дефицита медицинских кадров по отдельным специальностям за счет реализации мер социальной поддержки позволили в 2016 году закрепить положительную динамику численности врачей по таким дефицитным специальностям как "Анестезиология-реаниматология" (+761 человек или 2,5%), "Рентгенология" (+329 человек или 2,0%), "Патологическая анатомия" (+46 человек или 1,5%), "Онкология" (+248 человек или 3,7%).

В 2016 году продолжилась реализация программы "Земский доктор", в рамках которой медицинские работники в возрасте до 50 лет, прибывшие на работу в сельский населенный пункт (рабочий поселок, поселок городского типа), при условии обязанности медицинского работника работать в течение пяти лет по основному месту работы, получают единовременные компенсационные выплаты в размере 1 млн. рублей в соответствии со статьей 51 Федерального закона "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации". В целом за период 2012–2016 гг. число участников программы составило 23 950 человек. Особенности реализации программы "Земский доктор" в 2016 году явилось увеличение возраста участников программы до 50 лет (до 35 лет в 2012–2014 годах; до 45 лет – в 2015 году; до 50 лет – в 2016–2017 годах), территориально программа распространилась также и на поселки городского типа, уровень софинансирования Фондом обязательного медицинского страхования повышен с 50 до 60%, что снизило нагрузку на бюджеты субъектов Российской Федерации, осуществляющих софинансирование программы. В 2016 году уровень реализации программы составил 92,3%, принято 4922 человека, при этом в 51 субъекте Российской Федерации отмечен уровень реализации 100% (в 2015 году – 42 региона). Реализация указанной программы позволила сохранить тенденцию к увеличению численности врачей, работающих в сельской местности. В 2016 году, по сравнению с 2015 годом, она увеличилась на 1 421 врача (2,6%).

В 2016 году в 21 субъекте Российской Федерации реализовывалась программа "Земский фельдшер": осуществлялись единовременные выплаты средним медицинским работникам, переехавшим на работу в сельскую местность (от 100 тыс. до 1 млн. рублей). Еще в 9 субъектах Российской Федерации разработаны программы единовременных выплат для фельдшеров со сроком начала реализации с 2017 года.

В Российской Федерации вне зоны обслуживания медицинскими организациями, оказывающими первичную медико-санитарную помощь, в 2016 г. находились 16314 населенных пунктов, из которых 9338 населенных пунктов с населением от 1 до 100 человек. Максимально высокие уровни обеспеченности врачами отмечаются на Чукотке, г. Санкт-Петербурге, республике Северная Осетия-Алания, Магаданской области и ХМАО, минимальные – Чеченской Республике, Владимирской, Курганской, Тульской областях, ЕАО. Максимальное значение показателей обеспеченности медицинскими работниками со средним профессиональным образованием отмечается на Чукотке, в ХМАО, Магаданской области, республиках Коми и Тыва, минимальные – в Приморском крае, Ленинградской, Калининградской, Московской областях, Чеченской Республике [4].

Существенной социальной проблемой остается значительная дифференциация уровня оплаты труда, что приводит к диспропорциям в социальном и демографическом развитии.

По оценке Минэкономразвития России, восстановление достигнутого в 2014 году уровня реальной заработной платы в период до 2018 года не прогнозируется. Кроме того, из-за роста потребительских цен реальная заработ-

ная плата в отраслях социальной сферы в 2016 году снизилась по сравнению с 2015 годом в сфере образования на 2,6%, в сфере здравоохранения – на 0,8%, в сфере культуры – на 1,3%, в сфере предоставления социальных услуг – на 2,6 процента. В 2016 году, по данным Росстата, среднемесячная номинальная заработная плата по Российской Федерации составила 36 746 рублей и по сравнению с 2015 годом выросла на 7,8%, в том числе в области образования – на 4,3% (28 094 рубля, или 76,5% к средней заработной плате по Российской Федерации), в области культуры и искусства – на 5,7% (31 079 рублей, или 84,6% к средней заработной плате по Российской Федерации), в области здравоохранения – на 6,2% (30 992 рубля, или 84,3% к средней заработной плате по Российской Федерации), в области предоставления социальных услуг – на 4,3% (23 955 рублей, или 65,2% к средней заработной плате по Российской Федерации), в области научных исследований и разработок – на 9,6% (64 054 рубля, или 174,3% к средней заработной плате по Российской Федерации).

Наиболее высокий уровень среднемесячной начисленной заработной платы за первое полугодие 2016 года отмечался в Ямало-Ненецком, Чукотском и Ненецком автономных округах (86520 рублей, 84337 рублей и 72833 рубля соответственно), наиболее низкий – в Республике Дагестан (18940 рублей). Это во многом объясняется величиной прожиточного минимума в данных субъектах Российской Федерации (например, в Ненецком автономном округе он в 2 раза больше среднего по России).

Значительные различия также встречаются в пределах одного федерального округа: за период с января по ноябрь 2016 г. размер среднего заработка в Ивановской области в 1,5 раза ниже, чем в Калужской (21554 рубли и 30927 рублей соответственно), при том, что в Ивановской области выше величина прожиточного минимума (9613 рубля и 9593 рубля соответственно).

Кроме того, наблюдается значительная дифференциация заработной платы отдельных категорий работников социальной сферы и науки, в том числе в пределах одного федерального округа: за первое полугодие 2016 г. заработная плата социальных работников в Москве более чем в 4 раза превышает доходы их коллег в Костромской области (53833 рубля и 12524 рубля соответственно). Подобная ситуация приводит к оттоку трудовых ресурсов из «дефицитных» регионов в регионы-«доноры» при равных условиях и нормах труда. Смягчению территориальных диспропорций в уровне оплаты труда будет способствовать разработка стандартов достойного труда.

В ряде регионов прожиточный минимум ниже среднероссийского (по данным Росстата, его величина в 3 квартале 2016 г. в целом по России для трудоспособного населения составила 10678 рублей). Самый высокий показатель – в Ненецком автономном округе (20297 рублей), самый низкий – в Республике Мордовия (8459 рублей).

Доведению минимального размера оплаты труда до величины прожиточного минимума трудоспособного населения может способствовать установление его величины на уровне субъектов Российской Федерации с учетом региональных особенностей.

По данным Росстата, численность высококвалифицированных работников в среднем за 2012 год составила 19,01 млн. человек (доля в численности квалифицированных работников – 30,4 %), за 2013 год – 19,7 млн. человек (31,5%), за 2014 год – 20,1 млн. человек (31,9%), за 2015 год – 20,7 млн. человек (32,5%), за 2016 год – 20,7 млн. человек и 32,2% соответственно. Наибольшее число высококвалифицированных работников в 2016 году приходится на сферу образования – 3544,1 тыс. человек (17,08% от общей численности высококвалифицированных работников), обрабатывающего производства – 2663,9 тыс. человек (12,84%), государственного управления и обеспечения военной безопасности, социального страхования – 2472,4 тыс. человек (11,92%), операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг – 2335,9 (11,26%).

Регионы Южного, Северо-Кавказского, Приволжского, Сибирского федеральных округов имеют более низкий уровень жизни населения и более высокий уровень безработицы.

По данным Росстата, за период с октября по декабрь 2016 г. самый низкий уровень безработицы по критериям МОТ зафиксирован в Центральном федеральном округе (3,3%), самый высокий – в Северо-Кавказском федеральном округе (11%), при этом наиболее высокий уровень безработицы в СКФО за указанный период отмечается в Ингушетии (28,8%), наиболее низкий – в Ставропольском крае (5,7%). Сокращению его величины на уровне жрегиональной дифференциации в сфере занятости населения будет способствовать легализация трудовых отношений, расширение возможностей для самозанятости населения, повышения транспортной доступности регионов [5].

На 2016 год в среднем по России охват детей в возрасте от 3 до 7 лет дошкольным образованием составлял 98,81%. В 83 субъектах Российской Федерации доступность дошкольного образования практически 100%-ая, в 10 из них уровень доступности от 99% до 99,9%, в 6 регионах – 95%-99%. Наиболее острой проблема обеспечения доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет остается в 8 субъектах Российской Федерации – республиках Дагестан (79,21%), Ингушетия (44,74%), Крым (76,38%), Тыва (94,2%), в Забайкальском крае (90,94%) и Севастополе (92,62%).

На 1 марта 2017 г. 100%-ая доступность дошкольного образования для детей в возрасте до 3 лет обеспечили 5 субъектов Российской Федерации, от 90% – 25 субъектов Российской Федерации, от 59,99 – 48 субъектов Российской Федерации. Наиболее острой проблема обеспечения доступности дошкольного образования для детей в возрасте до 3 лет остается в 7 субъектах Российской Федерации – республиках Бурятия (46,33%), Татарстан (42,35%), Дагестан (42,92%), Северная Осетия – Алания (42,37%), ЕАО (47,29%), Новосибирской области (32,04%) и Севастополе (18,47%).

В целях решения задачи достижения к 2016 году 100% доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет в рамках мероприятий по модернизации системы дошкольного образования, начиная с 2013 года выделялись субсидии из федерального бюджета в размере 130 млрд. рублей, в том числе по 50 млрд. рублей в 2013–2014 годах и 30 млрд. рублей

в 2015 году. Объем средств региональных бюджетов, направленных на указанные цели, составил 82,2 млрд. рублей.

По результатам мониторинга Минобрнауки России, по состоянию на 1 марта 2017 г. уровень доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет составил 98,78 процента. В 64 субъектах Российской Федерации показатель доступности для детей указанной возрастной категории составил около 100%, в 10 субъектах Российской Федерации – более 99%, в 4 субъектах Российской Федерации – от 95 до 99%, в 7 субъектах Российской Федерации – менее 95 процентов.

В ходе реализации региональных поэтапных программ ("дорожных карт") по ликвидации очередности в дошкольные образовательные организации в 2013–2015 годах создано более 1,135 млн. мест. По данным субъектов Российской Федерации, в 2016 году в рамках мероприятий по модернизации региональных систем дошкольного образования создано еще 22,7 тыс. мест в дошкольных образовательных организациях. Во всех субъектах Российской Федерации реализуются региональные планы мероприятий ("дорожные карты"), предусматривающие на период до 2020 года меры по обеспечению доступности дошкольного образования, в том числе для детей в возрасте до трех лет.

Обеспечение доступности дошкольного образования осуществляется, в том числе, за счет поддержки негосударственного сектора. В частном секторе в сфере дошкольного образования в 2013–2015 годах создано более 45,7 тыс. мест, из них в 2013 году создано более 14,1 тыс. мест, в 2014 году – более 17,7 тыс. мест, в 2015 году – более 13,9 тыс. мест [6].

По данным Минкультуры России, в 43 субъектах Российской Федерации с численностью населения свыше 800 тысяч человек нет театров оперы и балета в Костромской области отсутствуют театр драмы и театр юного зрителя, нет их также в Мурманской области, Камчатском крае.

Передвижной фонд ведущих российских музеев, начиная с 1 марта 2013 г., обновляется за счет организации и проведения передвижных тематических выставок, на которых экспонируются предметы, входящие в состав Музейного Фонда Российской Федерации из собрания музеев России. Финансовое обеспечение выставочных проектов в 2016 году осуществлялось в рамках федеральной целевой программы "Культура России (2012–2018 годы)", а также за счет субсидий, предусмотренных заинтересованным музеям на выполнение государственных заданий.

В 2016 году выставочные проекты были осуществлены в таких средних и малых городах, как г. Суздаль (Владимирская область), г. Анадырь, г. Певек (Чукотский автономный округ), г. Выкса (Нижегородская область), г. Боровск (Калужская область), г. Вязьма (Смоленская обл.), г. Невельск (Сахалинская область), г. Егорьевск, г. Электросталь, пос. Баковка, г. Голицино, г. Истра, г. Сергиев Посад (Московская область), г. Прокопьевск (Кемеровская область), г. Горно-Алтайск (Республика Алтай), г. Нижний Тагил (Свердловская область), г. Бахчисарай (Республика Крым), г. Майкоп (Республика Адыгея), г. Данков (Липецкая область), г. Ливны (Орловская область), г. Кимовск (Тульская область).

В настоящее время в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на базе единого портала популяризации культурного наследия России "Культура.рф" представлено 235 виртуальных музеев, 87 из которых созданы с привлечением средств федерального бюджета. Наряду с созданием новых виртуальных музеев в 2016 году осуществлялась модернизация действующих, в частности, обновлен Виртуальный музей оружия, созданный совместно с Тульским государственным музеем оружия (heroes-arms.ru), Виртуальный музей архитектуры, обновленный при участии специалистов Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева и получивший приз международного конкурса "HeritageinMotion" в номинации "Приложение для мобильных устройств". Кроме того, Государственным музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина подготовлена новая программа визуализации музейного пространства, которая позволит при помощи специализированных очков и шлемов виртуальной реальности детально увидеть коллекции музея, осуществить виртуальную прогулку по залам музея (virtual.arts-museum.ru). В целях расширения выставочной деятельности Минкультуры России ведется работа по созданию в субъектах Российской Федерации представительств, подведомственных Минкультуры России музеев [7].

В 2016 году в Российской Федерации введено 39,9 млн. кв. метров жилья экономического класса, что на 10,2% больше, чем в 2015 году. В 2016 году органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в рамках реализации комплекса мер по улучшению жилищных условий семей, имеющих трех и более детей, предоставлено бесплатно 92,3 тыс. земельных участков, 2 тыс. таких семей предоставлены жилые помещения по договору социального найма. Кроме того, более 13,28 тыс. молодых семей и 154 молодых ученых улучшили жилищные условия в рамках федеральной целевой программы "Жилище" на 2015–2020 годы (постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1050). По состоянию на 1 января 2017 г. в целом по Российской Федерации введено в эксплуатацию более 1 112,5 тыс. кв. метров арендного жилья, из них 118,4 тыс. кв. м – в 2016 году, 131,2 тыс. кв. м. в 2015 году.

Площадь аварийного жилищного фонда, признанного таковым по состоянию на 1 января 2012 г. и требующего расселения в 2016 году, составляла 2 628,4 тыс. кв. м, в которых проживало 166,73 тыс. человек. В 2016 году продолжилась работа по ликвидации аварийного жилья. Согласно данным оперативных отчетов по мониторингу реализации субъектами Российской Федерации программ переселения, представленных субъектами Российской Федерации, по состоянию на 1 марта 2017 г. по Российской Федерации в 2016 году расселено 2672,93 тыс. кв. м (101,7%), в которых проживают 169,23 тыс. чел. (101,5%). Нарастающим итогом за 2014–2016 годы расселено, 8,04 млн. кв. м (72,1%), в которых проживают 513,64 тыс. чел. (72,2%).

Позитивные изменения в социальной сфере возможны благодаря подходу, в соответствии с которым в реализуемых государственных программах и законодательно устанавливаемых стандартах за основу берется не минимальный уровень предоставления социальных благ (соответствующий усло-

виям выживания), а уровень, обеспечивающий развитие человеческого потенциала, близкий к ожидаемому и принимаемому населением. Перспективным подходом, позволяющим создать объективную картину уровня жизни населения, можно считать расчет обеспеченности как функции, отражающей причинно-следственную связь между демографическими и социально-экономическими показателями развития территорий.

Целевые значения обеспеченности определяются набором свойств – аспектов территории, определяющих качество жизни, экономические условия и перспективы – развитие человеческого капитала (количество мест в образовательных учреждениях на душу населения; уровень занятости и безработицы экономически активного населения; возможности трудоустройства лиц с высшим образованием, обладающих высокой квалификацией); среда проживания (жилищная обеспеченность; уровень развития транспортной системы и ЖКХ; состояние окружающей среды); доступность товаров и услуг (оценка реальных доходов на душу населения; прогноз средней и минимальной заработной платы, пенсий, пособий, определение качественных показателей обеспеченности населения объектами здравоохранения, социального обеспечения, потребительского рынка); уровень культурной жизни, безопасность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации, часть 1 статьи 7.
2. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 года № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства», «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2026 года» (распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. №164-р), «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы» (распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р).
3. «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13).
4. Государственный доклад о реализации государственной политики в сфере охраны здоровья за 2016 г.
5. Отчет Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О состоянии и основных направлениях совершенствования российского законодательства в сфере государственной региональной политики в Российской Федерации». М., 2017. С.17.
6. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2016 г.
7. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2016 г.

REFERENCES AND SOURCES

1. Constitutio de Russian Foederatio, pars 1 articulus 7.
2. Decretum Praeses Russian Foederatio of may 29, 2017 N. 240 "professus in Russian Foederatio in Decennium pueritia", "Consilio de actionibus in commodis cives

senior generatio in Russian Foederatio donec 2026" (decretum de Imperium in Russian Foederatio of February 5, 2016 N. 164-R), "national imperatoriis actus in commodis mulierum in annis 2017–2022" (decretum de Imperium in Russian Foederatio a March 8, 2017 N. 410-R).

3. "Principia rei publicae consilium regionales development of Russian Foederatio ad tempus, donec 2025" (probata per decretum Praeses Russian Foederatio 16 January 2017, N. 13).

4. Publica fama in exsecutionem statu consilium in sphaera sollicitudin enim 2016

5. Fama Concilium Foederatio et Publica Duma Foederalis Conventus de Russian Foederatio "De status et consecetur partes emendationem Russian leges in campo de statu regionis consilium in Russian Foederatio".M.2017. S. 17.

6. Publica fama in casu filii et familias cum filiis in Russian Foederatio enim 2016.

7. Publica fama in statu culturae in Russian Foederatio in 2016.

МАКРОИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ: МЕЖИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Саралиева З.Х., доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ключевые слова: макро- и микроисследования семьи, её межинституциональные связи с государством, институтами труда, образования, культуры, церкви; функции семьи, родительская подсистема.

Аннотация. Выявление проблем современной семьи и методов их предотвращения, минимизации или разрешения предполагают в исследовании семьи сочетание макро-, мезо- и микроподходов. В статье акцентируется межинституциональное взаимодействие, в центре которого семья в ее сущности и социального института, и малой социальной группы.

MODERN FAMILY'S MACRO-LEVEL APPROACHES: INTERINSTITUTIONAL INTERACTION

Saraliev Z.H., dr. Sc. (History), Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Key words: macro- and micro-level approaches of the family, interinstitutional links with the state, labor, education, culture, church; family functions, parenthood subsystem.

Abstract: The identification of modern family problems and prevention methods, minimization or resolution suggest a combination of macro-, meso- and micro-level approaches of the family. The article accents interinstitutional interaction, in the center of which the family as a social institution and as a small social group.

Семья – единственный социальный институт, который проявляет себя и как малая социальная группа. Вследствие этого макроисследования семьи подтверждают свою валидность обязательно в сочетании с мезо- и микроподходами к изучению современных семейных организаций. Указанные три подхода находятся не просто в соподчинении, но основываются на принципах взаимопроникновения:

- = функционирования;
- = системности;
- = развития;
- = социальной субъектности;
- = приоритета саморефлексии и самооценки [3].

Следование этим принципам позволяет выявить, во-первых, ощутимое влияние на современную семью социетальных процессов с начала 90-х гг. прошлого столетия, выразившихся в существенных, порой радикальных, изменениях основных сфер жизнедеятельности семьи: экономической, соци-

альной, политической, духовно-культурной. Существующая и в прежние десятилетия обострилась неравномерность развития этих сфер, возможные регрессивные тенденции.

Во-первых, на семью давят социально-экономические трансформации; преобразования социальной структуры; обострение политических противоречий; смена парадигмы социальной политики; ценностные переориентации на социетальном, социальном и личностно-индивидуальном уровнях.

Во-вторых, не могли не сказаться и на функционировании социальных институтов и их взаимодействии, новые социетальные преобразования, процессы в институциональных пространствах, наиболее тесно связанные с семьей: законодательство; труд и трудовые отношения; здравоохранение; культура; наука; образование; церковь.

Социум фиксирует резкие изменения в структуре и содержании современной семьи: пространственно возрастает структурная неполнота; сокращается продолжительность существования семьи в сопровождении сериальной моногамии; утрачивает свою привлекательность регистрируемая брачность, уступая место различным формам регулирования супружеских отношений; падает ценность детей. Все это признаки ущербности современной семьи, грозящей ее деинституализацией и дисфункциональностью.

В-третьих, проблематизация макро- и мезопроцессов позволяет выявить неблагополучие, деформации и субинституциональных семейных взаимодействий: ослабление родительского ядра, детско-родительских отношений, доходящее до укоренения социального сиротства. Семья утрачивает способность обеспечить своим членам благоприятное, благополучное существование, саморазвитие, наращивание ресурсности для самостоятельной жизнедеятельности.

Можно ли одну из причин (и не исключено, что главную) успешности / неуспешности семьи видеть в ее межинституциональных связях?

На наш взгляд, безусловно. Их несформированность или рассогласованность со сферой труда, социальной политикой, образованием, здравоохранением объективно ведут к ослаблению социального контроля над семьей, с одной стороны, и сводят на нет усилия семьи воздействовать на создание просемейной политики государства, усложнение и гибкость структуры и различных форм ее поддержки и формирования социальной субъектности.

Проблемы, трудности, противоречия, потребности современной российской семьи находят отражение в предлагаемых наукой и политической практикой теоретических моделях исследования семьи и семейной политики. В их основе разные подходы к определению семьи, анализу состояния института семьи, целях и конкретных мерах государственной семейной политики. Отсюда разные оценки современной ситуации института семьи: как кризис, адаптация, модернизация, трансформация. Разумеется, как любая другая, эта классификация не может быть признана исчерпывающей: кризис требует адаптации, модернизации; все эти варианты возможно объединить в категорию трансформации.

Модели отличаются различным порядком приоритетов. С нашей точки зрения, личность–семья–государство – оптимальный вариант конструктивного взаимодействия, потому что без наращивания и реализации внутреннего потенциала личности в области брачно-семейных отношений, без учета интересов и обеспечения равных возможностей и социального контроля всех семей, а не только конкретных категорий, определения степени участия государства в делах семьи невозможно даже приблизиться к системному обеспечению успешности семьи, ее преимущественно самостоятельного жизнеобеспечения. Это один, важный, социетальный акцент стремления сохранить семейный образ жизни как образец этой сферы жизни человека.

Другой аспект состоит в императиве пристального внимания к семье как малой социальной группе. Как говорил сказитель – «маленький след дорожку рождает». Субъектность семьи – результат не просто сосуществования в ней двух ее ипостасей, а усилий по созданию и стабильному существованию их органической солидарности (по Э. Дюркгейму). Отсюда логично перейти к взаимодействию семейных субинститутов с социальными институтами. Родительство или более широко родительско-детские отношения как субинститут позволяет комплексно представить специфику его взаимосвязей и взаимовлияния на различных этапах жизненного пути семьи. Первоначально преобладает пересечение с институтом здоровья и образования (для студенческих семей), затем с институтом трудовых отношений, сферой социального обслуживания и защиты.

Сосредоточим внимание на принципе, который состоит и в том, чтобы семья взаимодействовала с другими институтами всеми своими функциями.

Исследования показывают, что нередко упрощенному толкованию подвергается, например, самосохранительная функция. Она может трактоваться как конкретизация экологичности семьи, то есть создание для семьи и внутри нее самой благоприятной, здоровой среды обитания, что требует взаимодействия и с институтом здравоохранения, труда, образования, природоохраны, и с сектором государственных, некоммерческих организаций и объединений.

Еще сложнее обстоят дела с социокультурной функцией в широком ее понимании. Главные требования, предъявляемые социумом, а следовательно и его социальными институтами, состоят в воспитании:

- = культуры ценностных ориентаций и мотивации личностного внутри- и внесемейного самоосуществления человека;
- = социально одобряемой структуры потребностей и средств их удовлетворения;
- = культуры ролевых установок и поведения во всех сферах общества (с акцентом на культуре труда и трудовых отношений);
- = культура саморефлексии и способов саморазвития;
- = и, естественно, культура семейного поведения, ответственное отношение к своим семейным ролям и обязанностям.

И здесь уместно вернуться к функциям родительского субинститута. Постыдная для любой страны проблема социального сиротства и в результате лишения родительских прав, и отказа от новорожденных является следст-

вием девиантного родительства, что, в свою очередь, логично связать с неисполнением именно социокультурной функции. Мне представляется малоубедительной существующая в литературе структура мотивов отказов от детей, тем более продажи детей. Никаким тяжелым материальным положением, патологией новорожденных, дефектами полового воспитания и т.д. нельзя оправдать девиацию материнства. Несформированность ответственного поведения, убожество ценностных предпочтений, бесчувственность, жестокость – следствие примитивности общего и социокультурного воспитания, эмоциональной фригидности. Можно говорить и социокультурной дефицитности семейной политики: нет государственной статистики для выявления причин отказа от новорожденных, матерей в роддомах не спрашивают об этом, так же, как не предусмотрена уголовная или административная ответственность для матерей, оставивших ребенка в роддоме.

Рассмотрим несколько примеров межинституционального взаимодействия.

Начнем с государства и его семейной политики, которая обращена к семье на мета- и мезоуровнях как социальному институту, акцентируя главные усилия на воспроизводственной функции, смыкаясь с демографической политикой. На микроуровне – в центре семья как малая социальная группа. Успешность семейной политики зависит от понимания государством трансформационных процессов в сфере семейных отношений с той точки зрения, чему следует в этих трансформациях способствовать, а чему ставить заслон. Семья ушла от традиционной однозначности. Сегодня многообразие форм диктует и известную специфичность понимания, принятия ответственности и реализации функций. Одни семьи, не ушедшие далеко от традиций, этнических или конфессиональных норм, можно назвать преимущественно институциональными. Другие, главным образом, немодальные, в известной мере отходящие от основных характеристик моногамии, ограничивают себя внутрисемейными отношениями, присущими малым социальным группам.

Государство должно дифференцировать свою политику с учетом относительно (во времени) новых способов организации частной семейной жизни: нуклеаризация, малодетность, откладывание брака и родительства, нерегистрируемые браки, монородительство, серийная моногамия, конкубинат, замещающие семьи, несовершеннолетнее родительство, социальное сиротство детей и стариков. Стереотипизация подходов к семье делают государственную семейную политику уязвимой и с точки зрения интересов социума, и доверия к ней семьи. Главное – преодолеть намечающееся отчуждение человека от института брака, полноструктурной и полифункциональной семьи, от сохраняющей свою нормативность цепочки: брак – родительство – родительство.

Межинституциональный блок семьи и сферы занятости продуктивнее анализировать с позиции конкретизации влияния семьи и семейных обстоятельств на проблему трудоустройства. Если обратиться к макроблоку препятствий реализации права человека на предпочитаемый им вид труда, получим следующий перечень:

= общее состояние экономики и рынка труда;

= трансформация содержания и условий труда и связанное с этим внедрение инновационных технологий, рождение новых профессий, требующее иной квалификации, компетентности, трудовой мотивации, работника нового типа.

Семья через свою функцию трудовой социализации личности, адаптации к ситуации усложнения взаимодействия с институтом труда может выступить как поддержка и как затруднение, например, осложненные экономические или психологические семейные обстоятельства: развод, многодетность, необходимость ухода за больным родственником, вдовство, монородительство, девиации. Все это может мешать получению необходимого образования, повысить квалификацию, сменить место жительства с целью устройства на работу, соглашаться на малоквалифицированный труд при наличии профессионального образования, но на предприятии, близком к дому, соглашаться на сверхурочные, совмещать несколько работ.

Отсюда, прямой вывод – трудовая из-за осложненных внутрисемейных ситуаций неустроенность, во-первых, снижает трудовую мотивацию, ведет к утрате удовлетворенности трудом или препятствует ее формированию. А во-вторых, не решает самих семейных проблем, усугубляя неблагоприятный семейный климат.

Для разрешения, по сути, конфликтного взаимодействия между семьей и институтом труда необходимо вмешательство другого/ других социально помогающих институтов, например, социальной работы, которая имеет право и обязана выполнять два параллельных вида деятельности – прямого воздействия, адресованного семье-клиенту для повышения её потенциала в минимизации, смягчении семейного неблагополучия; косвенного – направленного на социум с целью его совершенствования, позитивного изменения для микширования неконструктивного, отягчающего жизнь семьи влияния.

Социальная работа как институция, система имеет в своем арсенале вторичные социальные агентства в таких институтах, как образование, здравоохранение (клиники, диспансеры), армия, пенитенциарные учреждения. Все эти институты имеют непосредственную связь с семьей и призваны оказывать ей многостороннюю, объемную по содержанию помощь для полноценной жизнедеятельности.

Семья и культура

Макроуровень:

- = нормы, традиции, ценности;
- = социокультурная функция;
- = досуговая функция;
- = способ накопления семейного культурного капитала;
- = удовлетворение культурных потребностей членов семьи;
- = взаимосвязь культуры и образования.

Микроуровень:

- = культура внутрисемейного взаимодействия;
- = меры реализации социокультурной функции (полностью, частично, отказ от реализации);

= способы организации досуга;
= поведение членов семьи в зависимости от культурного капитала;
= структура потребностей членов семьи;
= влияние уровня образования членов семьи на выбор профессии (процесс получения знаний).

Семья и церковь

Макроуровень:

= религиозные обряды, мораль, ритуалы;
= влияние на семейные ценности;
= влияние на нравственные ценности;
= социальные программы церкви;

Микроуровень:

= восприятие обрядовости семей/ членов семей (согласие; конфликт);
= этнически/ конфессионально смешанные семьи;
= реализация воспитания детей.

По результатам некоторых исследований, до сих пор роль религиозных организаций в решении социальных проблем вообще и касающихся семьи и ее сложных жизненных ситуаций не велика.

С начала XXI в. все ведущие российские конфессии обнародовали свои социальные доктрины. Опросы фиксируют, что большинство населения (до 70%) конфессионально самоопределилось. На этом основании выражается надежда на возрастание социальной роли религиозных организаций.

Ивановские социологи предложили своим респондентам по проблеме ряд вопросов и 4 варианта ответов: «Никакой роли не играют», «Незначительная роль», «Значительная роль», «Определяющая роль». Если объединить 2 последних позитивных значения, получили в итоге: в «Укреплении семьи, уменьшении числа разводов» – 40%; в «Помощи беспризорным детям и детям из неблагополучных семей» – 38%; в «Поддержке малообеспеченных граждан» – 20%; в «Помощи пожилым и больным людям» – 22% [1].

Даже если принять объяснение столь невысоких оценок слабой осведомленностью населения г. Иванова о социальном служении РПЦ, очевидно, что общество вправе ждать новых усилий церкви в смягчении социальной боли.

Макро- и микросоциологические подходы продуктивно применить в исследовании семейных субинститутов, в частности, главного семейного актора – родительского ядра, основных семейных ролей – материнства и отцовства.

Материнство

Макроуровень:

= идентификация с ролью матери (биологическая потребность быть матерью, правосознание).

В противном случае – лишение родительских прав.

= социальное положение

- монородительство матерей (развод, вдовство, осознанный выбор);
- несовершеннолетнее материнство;
- несостоявшееся материнство (отказ от детей, аборты);

- суррогатное материнство;
 - ЭКО (наличие медицинских проблем);
 - замещающее материнство;
 - материнские ассоциации и организации (Совет солдатских матерей, защита призывников и др.);
- = ценности (совмещение работы и процессов воспитания детей).

Микроуровень:

- = биологическое и/или социальное материнство;
- = супружеские отношения;
- = взаимодействие с детьми;
- биологическими
 - усыновленными
 - детьми, взятыми под опеку или попечительство (замещающая семья)
 - детьми с инвалидностью
- = взаимодействие с органами опеки и попечительства, с учреждениями здравоохранения, социальными службами, образовательными учреждениями;
- = взаимодействие с биологическими родителями детей, взятыми под опеку или попечительство;
- = взаимодействие со старшим поколением в семье;
- = расширенная семья, друзья, коллеги;
- = внутрисемейное взаимодействие (отказ от роли матери в пользу карьеры, бизнеса);
- = перекладывание воспитания детей на нянь, гувернеров;
- = лишение родительских прав
- жестокое обращение с детьми
 - алкоголизация матерей
 - отбывание наказания в местах лишения свободы
 - ограничение дееспособности.

Отцовство

Макроуровень:

- = отцовская идентичность, ценности и устойчивость социального положения, качество, кризисные тенденции, модели

Кризисные тенденции:

- = уклонение от уплаты алиментов;
- = отсутствие участия отцов в воспитании детей в полных семьях;
- = нерезидентное отцовство;
- = отсутствие участия отцов в воспитании детей-инвалидов в неполных семьях;
- = жестокое обращение с детьми;
- = доступность отца для ребенка и в материнских и послеразводных семьях;
- = высокий уровень алкоголизации мужчин.

Микроуровень:

- = супружеские отношения;

- = детско-родительские отношения;
- = внутрисемейное взаимодействие со старшим поколением;
- = взаимодействие с работниками медицинских, психологических, социальных учреждений;
- = социальное отцовство;
- = монородительство отцов;
- = отцы – учителя;
- = отцы – соученики детей;
- = отцы – родители соучеников детей.

Подчеркнем, что это межинституциональное взаимодействие очень вариативно для разных типов родительства. Мы предложили в 2014 г. следующую типологизацию родительства: формальное, безответственное, нарушенное, вынужденное, замещающее, нежеланное, нерезидентное, разделенное, суррогатное, ответственное, вовлеченное, успешное [2, с. 79].

Разделённое родительство сегодня приобретает всё бóльшую выраженность, отходя от прежнего простого определения, связанного с территориальной разделённостью места жительства родителей (что могло принимать по инициативе мужа или жены форму «передышки в отношениях», «пожить отдельно», подчас как скрытая форма развода или адюльтера, конкубината), родителей и несовершеннолетних детей чаще всего в связи с обучением или спортивным контрактом в другом городе, стране.

Безусловно, разделённое родительство подрывает, в большей или меньшей степени, семейную интеграцию, «жизненное семейное пространство, гаснет синергия полного родительства, его институциональности» [2, с. 85]. Такой тип родительства может приобрести черты девиантности, утраты родительской самоидентификации, постепенного обесценивания родительского потенциала. Этот процесс обостряет внутрисемейные противоречия, что чревато разводом (прекращение супружеских отношений) и распадом (прекращение и родительско-детских отношений) семьи.

Еще одна грань неразделённого родительства в функциональной разделённости, принимающей несколько видов: деформация, пренебрежение некоторыми функциями; ограничение пределами витальных потребностей; вообще отказ от некоторых функций.

Одно из предназначений межинституционального взаимодействия – предупреждение функциональной дисгармонии семьи; ее совокупная функциональная состоятельность; необходимая степень сопротивляемости семьи внешним неблагоприятным воздействиям; социальная реабилитация в случае сложных жизненных потерь. А в целом – сохранение её жизнеспособности как социального института и малой социальной группы. Одно из противоречий современной семьи как раз и состоит в отсутствии сочетанности в жизнедеятельности семьи исполнения ею своих институциональных функций, с одной стороны. С другой – неравновесие усилий семьи в реализации своих функций, ожидаемых и предписанных социумом, и внутрисемейного благополучия.

Семья в обеих своих ипостасях должна приобрести или развивать в себе черты самообучающейся организации (постоянное развитие, главным об-

разом, всей семейной командой, возрастание общей ресурсности; актуализация потребностей, осмысленное сопоставление их со своими ресурсами с ресурсами, своей расширенной семьи; прогнозирование развития своих функций, обогащение их вкладов в ресурсность подрастающих семей, освоение новых семейных ролей, помощь в адаптации новым членам (жен, мужей, детей и др.). Это под силу только успешной семье.

Известно, что человек живет, осваивая свои жизненные миры в трех измерениях:

= Большой мир, воздействие которого ощущается постоянно, потому что это и природа, и многообразие стран и народов с их международными связями, противоречиями, конфликтами, социум со сферами жизнедеятельности и социальными институтами, ее регулирующими.

= Ближний круг взаимодействия, где важно влияние на личность отношений к собственности и по поводу собственности; к труду, профессии, квалификации; своё поведение и других на поле политики; этническая и конфессиональная принадлежность, социальный статус, права и свободы, базовые ценности.

= Внутренний мир человека (возраст, ощущения себя в хронологическом и социальном времени; здоровье; интеллект и образование; потребности и способы их удовлетворения; психолого-эмоциональное состояние, адаптивность, коммуникабельность; семья и климат семейного взаимодействия).

Вся жизнь человека – это опосредованное или прямое влияние семьи. Оно может быть протективно-защищающим и поддерживающим, отстраненным или разрушительным, вызывая ощущение депривации, отделённости, брошенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Белова Т.П. Социальный потенциал религиозных организаций в укреплении семьи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. №2(1). С 320–326.
2. Жизненные миры современной российской семьи: монография / З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова [и др.]. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.
3. Саралиева З.Х. Семья в системе социальной работы // Теория и практика психолого-социальной работы в современном обществе. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – С. 67–70. ISBN 978-5-9909906-4-7

REFERENCES AND SOURCES

1. Belova T. P. Socialis potentia, religiosa instituta in convallis familias // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. Et. Lobachevsky. 2010. No. 2(1). Cum 320–326.
2. Vita mundi huius temporis Russian familia: monography / Z. H. Saraliev, V. A. Blonin, N. Yu. Egorova [et alii]. – N. Novgorod: Libellorum domus NNGU, 2015. 264 p.
3. Saraliev Z. H. Familia socialis opus // Theoria et praxi psycho-socialis in hodierna societate. – Arzamas: Arzamas ramus Nizhny Novgorod state University, 2017. – P. 67–70. ISBN 978-5-9909906-4-7

СЕМЬЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КРЫМУ¹

Великая Н.М., доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, Москва, Россия

Ключевые слова: гражданская идентичность, историческое сознание, историческая память, символы.

Аннотация: в статье на основе эмпирических данных, полученных главным образом качественными методами, рассматриваются особенности формирования гражданской идентичности в Крыму, роль семьи в этом процессе и значимость такого компонента общественного сознания, как историческая память.

FAMILY AND FORMING OF CIVIL IDENTITY IN CRIMEA

Nataliya Velikaya, doctor of Political sciences, professor, Senior Researcher of the Centre of Strategic social and socio-political studies. Institute of Socio-Political Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Key words: civil identity, historical consciousness, historical memory, symbols.

Abstract: based on the empiric data article is devoted to the features of civil identity's process; to the role of family in this process and it also describes significant role of historical memory as the component of public consciousness.

Вопрос сохранения общегражданской идентичности достаточно остро стоит в обществах, где наблюдается трансформация политических систем и гражданского общества, где возможен разрыв в механизмах передачи опыта, ценностей, норм поведения от поколения к поколению. В определенном смысле жители Крыма после воссоединения с Российской Федерацией оказались в ситуации «спутанной идентичности», которая была связана с иными моделями государственного строительства и культурного развития, чем в постсоветской России. Республика Крым и г. Севастополь столкнулись не только с необходимостью приведения законодательства и административного устройства в соответствии с российскими стандартами, но и с задачами социокультурного характера, подразумевающими рефлексию современности на основе преемственности поколений и обеспечивающих актуализацию традиционных форм жизнедеятельности народа.

¹ Статья написана на основе материалов комплексного исследования «Символы России как основа формирования гражданской идентичности жителей Крыма». При реализации проекта, использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 68-рп и на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией «Союз пенсионеров России».

Строительство гражданской общероссийской идентичности остается значимой практической проблемой и в более широком контексте: важно, чтобы страна не раскололась на этнические и региональные «квартиры», но сохранила при этом свое единство и культурное богатство – территориальное и этническое разнообразие. Крым в этом отношении – весьма сложный регион, где большой вес имеет региональная идентичность, в большей степени, чем скажем в титульно русских субъектах федерации. А учитывая и полинациональный, поликонфессиональный состав Крыма, изучение процессов формирования идентичности в контексте новых социально-политических условий представляется весьма актуальной задачей.

Формирование гражданской идентичности определяется ходом и успехом процесса социализации. В первую очередь, гражданской и политической. В контексте тематики нашего исследования, методологически значимыми для нас являются подходы, рассматривающие социализацию как трансляцию ценностей культуры от поколения к поколению, как процесс передачи гражданских и политических знаний, норм и образцов поведения с целью воспроизводства общественной системы и обеспечения интеграции в обществе.

В соответствии с логикой исследования, было выбраны следующие методы исследования: полуформализованные интервью², опрос экспертов³, проективная рисуночная методика при работе с детьми 10–11 лет⁴.

В рамках общего процесса социализации отдельное внимание мы уделили особенностям функционирования исторической памяти, как феномена, оказывающего существенное влияние на формирование гражданского и политического сознания. В этой связи мы рассматривали в том числе, как семья как один из основных каналов социализации выступает своеобразным агентом воспроизводства исторического сознания, передачи социального политического опыта и гражданских ценностей, формирующих чувство принадлежности нации, государству.

Украинское государство приложило немало усилий в деле формирования новой общегражданской принадлежности в рамках независимой Украины. Речь идет о настойчивых попытках ориентироваться на идеологию украинского этнического национализма, противопоставление «русского» и «Украинского» как инструмент формирования идентичности. Украинские власти на протяжении длительного периода (примерно с конца 1990-х) пы-

² 250 полуформализованных интервью, выявляющих субъективные оценки пожилых крымчан и москвичей о значимости ценностей и символов России в формировании, как их собственной гражданской идентичности, так и гражданского самосознания молодого поколения.

³ 20 экспертных интервью в гг. Симферополь, Керчь, Севастополь, включающий субъективную оценку экспертов об актуальных символах русского мира в Крыму, ценностных императивах гражданского самосознания и идентичности крымчан, а также достоинствах и недостатках имеющихся программ и проектов в области патриотического воспитания.

⁴ На основе рисуночной (проективной) методики было получено и проанализировано 100 рисунков учащихся среднего школьного возраста в городах Симферополь, Керчь, Севастополь, позволивших определить основные культурные стереотипы восприятия малой Родины и их соотношение с государственной символикой страны.

тались заниматься популяризацией в Крыму исторических фигур например, гетмана Петра Сагайдачного, Мазепу), которые должны были связать события крымской и украинской истории. Подобная деятельность не имела сколько-нибудь заметных последствий, напротив, вызвала определенное отторжение со стороны Крымского общества, выражающееся в широко распространенной максиме «Крым – русский регион», и «Севастополь – русский город». Нельзя игнорировать и тот факт, что 46% жителей жителей Крыма (преимущественно зрелого старшего возраста), родились и получили образование на территории других регионов Советского Союза и считают себя представителями т.н. русского мира.

Как результат, в актуальном массовом сознании Крыма сформировалось специфическое восприятие символов и ценностей советской эпохи, которые отождествлялись с Россией, образ которой приобретал черты, связанные с покровительством и поддержкой, а с другой – сливался с ностальгическим образом Советского Союза. Для массового сознания Крыма и Севастополя наибольшую важность приобрели исторические фигуры, утверждающие неразрывную связь истории Крыма и России (и Российской Империи, и СССР), что воспроизводилось в рамках межпоколенческих взаимодействий.

Вместе с тем, крымчане четко отделяют украинское общество и украинский народ, по отношению к которому испытывают добрые чувства, от украинского правительства: *«мы хорошо относимся к Украине, но они тоже должны понять нас»* (г. Севастополь, Интервью № 4); *«люблю Украину, но не как государство, как землю»* (г. Севастополь, Интервью № 8).

Кажется логичным, что в условиях латентного, а впоследствии и явного конфликта между «русским» и «украинским» жители Крыма сделали выбор в пользу региональной идентичности. Практически во всех интервью звучит мысль о том, что крымчане – особая социальная общность, сложившаяся под влиянием особых геополитических факторов. *«Крымчане пока в меньшей степени говорят о себе – я русский Они больше говорят – мы – крымчане»* (г. Симферополь, Интервью № 4).

События местной истории (как в прошлом, так и в настоящем) рассматриваются крымчанами как события национального значения: *«Крым такой регион. Всегда кому-то принадлежал, кто-то его все время перезахватывал... ..»* (г. Керчь, Интервью № 2).

В этом случае региональная историческая память выступает основой формирования региональной идентичности. При этом можно вычленить два уровня памяти: той, которая определяется государством – «сверху – вниз». В этом контексте можно сказать, что деятельность администрации и государственных структур не всегда оценивается высоко, зачастую критикуется некоторыми экспертами за отсутствие ясной стратегии и излишне формальный подход (*«считаю, что еще ничего не сделано»* (г. Севастополь, Интервью № 1); *«пока здесь полнейшая неразбериха»* (г. Севастополь, Интервью № 3).

Характерно, что 25-летний молодой предприниматель, всю жизнь проживший в Крыму, воспринимает современную ситуацию в автономной республике скорее прагматично: *«Есть будущее, есть сейчас»* (г. Симфе-

рополь, Интервью № 2), отражая позицию достаточно большого социального слоя молодого поколения, чьё сознание сформировалось в постсоветское время, и в основе мировоззрения которого присутствует прагматизм и индивидуализм. Характерным для этой группы является то, что почти все идеологические сигналы власти ими полностью игнорируются или воспринимаются крайне скептически: *«Если правительство создаёт те вещи, в которых выигрывают все: и население, и Правительство – тогда это вера в любовь к России у нас сама появится»* (г. Симферополь, Интервью № 2). Апелляция к советскому прошлому в связи с этим в ряде случаев вызывает и раздражение, и недоумение, что заставляет некоторых респондентов говорить о необходимости прекратить оглядываться на прошлое, и использовать его в качестве аргумента в сегодняшней политической жизни.

Второй уровень исторической памяти, т.н. низовой, связан с индивидуальной исторической памятью, с семейной историей, где можно говорить и о дистанцировании от идеологии, о стремлении к примирению: *«...я создаю счастливый Крым: любовь между людьми, ответственность, заботу об окружающих меня людях»* (г. Симферополь, Интервью № 2).

Важно, что на фоне эйфории периода присоединения переход на российские символы был замечен и в повседневной жизни, прежде всего, в жизни семей. Так, наши респонденты свидетельствовали, что люди вывешивали на балконах, на машинах российские флаги, что многие советские символы – неотъемлемая часть истории полуострова. *«Как прошел референдум, на номерах машин все сразу же заклеили украинский флаг, сразу российским заклеили.... День флага здесь неформально отмечается.... Раскрашивают там даже двери, заборы, балконы в цвета нашего флага»* (г. Симферополь, Интервью № 6). И спустя несколько лет энтузиазм не угас, что подтверждают наши респонденты: *«Если едешь из Керчи до Феодосии, проезжаешь вот эти маленькие поселочки, которые, быть может, не сильно значимы, но везде видны российские флаги»* (г. Керчь, Интервью № 2).

Основой для консолидации в Крыму стал процесс «оживления» памяти о прошлом. Значительно возродился и воспроизводится интерес к личной семейной истории, к региональной истории, что находит выражение и в активном участии всех поколений в акциях «георгиевская лента» и «Бессмертный полк», которые в Крыму приобрели особенный размах и стали действительно семейными проектами.

Значительную роль в активизации памяти о прошлом играет и праздничная культура, в рамках которой групповая идентичность (в т.ч. и гражданская) обеспечивается за счет личного присутствия. Отечественная история дает нам примеры неоднократных попыток «вырезать» из памяти или «заретушировать» определенные моменты прошлого, отменяя или учреждая праздничные дни, что имело место и в новой Украине. Неудивительно, что в Крыму сохраняют свою актуальность практически все праздники советской эпохи. Сегодня здесь, так же как и в России в целом, наиболее значимыми **семейными** праздниками респонденты считают Новый ГОД (80) и многочисленные советские праздники – 9 мая (71), 1 мая (31), 23 февраля (22),

день Военно-морского флота (13 – специфика Крыма). Меньшую популярность сохраняет «женский праздник» 8 марта, еще в Советское время утративший первоначальный революционный смысл и воспринимавшийся, как гендерно- маркированный ритуал, с обязательным дарением женщинам букета цветов на работе и дома. Реже вспоминали о некоторых религиозных праздниках, главным образом – о Пасхе и Рождестве. В целом, можно сделать вывод о влиянии социо-политической традиции СССР, которая оказала значительное влияние на поведение и тех поколений, которые выросли в Советском Союзе, и тех, которые росли уже после его распада.

Что касается новых общероссийских праздников, то они (День Конституции и День России) занимают довольно скромное место в рейтинге популярных праздников, а вот факт возвращения в Россию воспринимается в Крыму весьма эмоционально и отмечается повсеместно, в т.ч. в семье.

Подчеркнем, что именно семья оставалась доминирующим институтом при передаче социального опыта, при воспроизводстве ценностей, в большей степени связанных с советским и российским историческим и социальным опытом, что сказалось на почти абсолютной поддержке в выборе крымского народа дальнейшего пути развития Автономной Республики.

И хотя российская семья все чаще становится семьей нуклеарной, роль старшего поколения (бабушек, дедушек) по-прежнему велика. Так, по результатам нашего опроса (пенсионеров), подавляющее большинство респондентов поддерживают отношения с внуками и близкими родственниками. При этом у 73% опрошенных крымчан внуки тоже живут в Крыму. Почти половина опрошенных (49%) общается с внуками каждый день, что позволяет предположить, что старшее поколение живет вместе с семьей своих детей, и, безусловно, возможности общения, взаимовлияния здесь самые широкие.

Данные, полученные с помощью рисуночной (проективной) методики, целью которой являлось выявление основных культурных стереотипов восприятия малой Родины и их соотношение с государственной символикой страны у учащихся «среднего школьного возраста», иллюстрируют, что формирование у детей образа Родины происходит на основании традиционных культурных представлений о своей стране, каковой мыслится Россия. Что, безусловно, не могло бы свершиться в одночасье. Создавая его, дети руководствуются теми элементами действительности, которые, на их взгляд, наиболее характерны для страны.

Полученные результаты свидетельствуют, что российские школьники хорошо знакомы с официальной государственной символикой России. Обратим внимание, что и в период «украинской государственности» школы Крыма, особенно это касается Севастополя, стали своеобразным центром сохранения знаний о русской истории и культуре, вводились факультативные предметы, проводились внеклассные занятия, организовывались экскурсии в Россию. Конечно, этого не могло бы быть без однозначной и полной поддержки семей школьников. Так, один из информантов достаточно глубоко рассуждал о необходимости воспитания историей и об успехах севастопольцев в этой области: *«В период украинизации коллективом преподавателей и*

Алтабаевой Е.Б., которая сейчас работает председателем законодательного собрания города, был написан уникальный учебник «Севастополеведение»... и в очень сложный период нам удалось ввести этот предмет как факультатив, а на самом деле его преподавали, как обязательный, в каждой школе его вели» (г. Севастополь, Интервью № 5).

Еще один уникальный проект, о котором неоднократно упоминали наши респонденты, – литературно-исторический конкурс творческих проектов школьников и студентов «Жизнь каждого принадлежит Отечеству», который впервые был запущен еще у 1996 г. и существует до сих пор: « У каждого человека должен быть базис. Каждый ребенок должен иметь свои корни – это семья, это его земля, это история города, где он родился и вырос». Возможно, поэтому большой популярностью в Крыму пользуются различные исторические и военно-исторические реконструкции, которые всегда привлекают огромное количество и жителей Крыма, и туристов.

Возвращаясь к данным, полученным с помощью рисуночных методик, заметим, что в качестве основных причин выбора того или иного символа, школьники городов Крыма и Севастополя используют объяснения, которые свидетельствуют об уже сформированных отдельных признаках общегражданской, общероссийской идентичности. Дети четко понимают, что Крым – это часть России.

Конечно, Министерство образования проводит активную политику по популяризации государственных символов нашей страны. Однако для детей в возрасте 10–11 лет никакие усилия извне не могут заменить влияния родителей, дедушек бабушек, той среды, которая и формирует базовые ценности восприятия мира и себя в нем.

Что касается символов, которые были использованы школьниками при попытке изобразить свою малую Родину, то всех их можно условно объединить в несколько групп: символы, относящиеся к официальным символам региона (страны); неофициальные символы города/региона; символы, связанные с природно-климатической спецификой размещения города/региона.

К рисункам, содержащим «официальные символы», относятся те, на которых изображен флаг (России и Крыма). При этом школьники явно подразумевают под «малой Родиной» полуостров Крым и Россию в целом, т. е. вкладывают очень широкий смысл в это понятие, акцентируя внимание на том, что нарисовали «флаг нашей малой Родины», флаг, который «...символизирует дружбу и единство жителей Крыма». В объяснениях причин выбора вышеназванных символов школьники используют, на наш взгляд, стереотипные, социально-одобряемые высказывания: «потому что я люблю свою малую Родину»; «я люблю Крым, это моя Родина, я там родился».

Среди неофициальных символов, как мы уже отмечали, школьники чаще всего используют символы, связанные с Победой в ВОВ, либо символы, связанные с природно-климатической спецификой размещения города/региона. Так, лидером в первой этой группе является символ города Керчь – гора Митридат (9 ед.) и относящейся к ней же вечный огонь. Во второй группе символов преобладали изображение моря, солнца, корабликов и яхт. Вот какие ха-

рактики дают школьники изображение малой Родины: *«красивый город, чистое море, хороший климат, приветливые люди»* и *«Крым – это курорт»*. Примечательно, что в качестве основного «природного символа» России, согражданами выделяется русская берёза, т.к. она *«есть только в России»* и её упоминают *«во многих стихах»*.

Что касается устойчивых паттернов о крымской государственности, то именно семья через старшее поколение транслировала установки на «принадлежность» Крыма к русскому миру, к русской истории, что и обеспечило такой «естественный» переход в РФ: *«То, что Крым так свободно вернулся в Россию, зависело именно от ветеранов»* (г. Керчь, Интервью № 5).

Опора на историческую память, как она была сформирована еще в советский период, индивидуальная историческая память, основанная на живых воспоминаниях старших поколений сформировали представления о расцвете крымских территорий именно в связи с Россией: *«...Старшее поколение тут во многом и сформировало эту идеологию истории и сохранило историю... Поэтому сейчас молодежи легче, будем так говорить, какие-то остатки украинизации с себя стихнуть; основа российской государственности сегодня ложится на подготовленной почве»* (г. Симферополь, Интервью № 1) .

Несомненно, что все эксперты подчёркивают особую роль старшего поколения в формировании и трансляции патриотического дискурса. Именно «советское» поколение, которое всегда ощущало себя как часть большого сообщества, вне национальных и религиозных различий, сыграло ключевую роль в общественном запросе на воссоединение с Россией: *«Мы так и воспитывали своих детей, что наша Родина, как мы ушли на Украину, – Россия, не Украина, и мы все равно вернемся домой. И когда даже гуляли по набережной нашего города на любых мероприятиях, мы смотрели на Тамань и говорим – «там наша Родина». Мы говорили своим детям, а наши дети говорили своим»* (г. Керчь, Интервью № 5).

Трансляция межпоколенческой памяти в Крыму строится на двух ключевых моментах. Первый – это память о героизме и страданиях народа во время Великой Отечественной войне и второе – социальная справедливость и солидарность общества в советский период. Для общественного сознания Крымчан особое значение имеют социальные достижения советского времени, а также ностальгия по созданному в советское время промышленному потенциалу, который в настоящее время практически полностью разрушен: *«Ностальгия присутствует, потому что и обучение было, и медицина была»* (г. Керчь, Интервью № 1); *«если человек в Советском Союзе знал, что чем больше он работает, тем больше он будет получать, то сейчас я думаю, что чем больше он будет работать, тем больше его будут нагружать, но не платить»* (г. Керчь, Интервью № 2).

Проблема социальной справедливости находит самый живой отклик и в молодёжной среде. Современная Россия во многом воспринимается через ретроспекцию старшего поколения как государство с высоким уровнем социальных гарантий: *«Если бы сейчас было так, как в Советском Союзе, то было бы здорово. Сейчас все намного сложнее»* (г. Симферополь, Интервью № 2). *«Все*

до сих пор вспоминают с сожалением, что распался Союз, и большинство с теми, с кем я общался, хотели бы, чтобы вернулось это время» (г. Севастополь, Интервью № 7).

Это мнение совсем молодых людей демонстрирует, как ностальгия старшего поколения о справедливом советском обществе трансформируется у молодёжи в миф о потерянной социалистической Аркадии, где люди жили просто и счастливо. Подобная мифологизация советского общества ведет во многом к завышенным ожиданиям крымчан от присоединения к России и формирует определённое разочарование, дающее о себе знать, прежде всего, в молодёжной среде.

Важно отметить, что взгляды экспертов практически полностью совпали относительно путей и способов передачи молодёжи опыта старших поколений, формирования российской идентичности. Во-первых, это влияние осуществляется на уровне семьи: *«В каждой семье, крымской семье, керченской семье традиции должны сохраняться, должны передаваться из поколения в поколение»* (г. Керчь, Интервью № 3). В этой связи они указывают на необходимость проведения государственной политики, направленной на поддержку семейных ценностей, которая может стать важным средством формирования гражданской идентичности. Во-вторых, как считают респонденты, нужно создать условия для того, чтобы молодые люди могли лучше познакомиться со страной, посетить Москву и Петербург, побывать на Урале и в Сибири. Это, по мнению, высказанному рядом экспертов, позволит молодёжи лучше представить масштабы и потенциал российского государства. Кроме того, молодёжи города необходимо оказать содействие в использовании возможностей, которые открылись после вхождения Севастополя в состав России в области образования и в трудоустройстве.

В целом преобладает апелляция к опыту советского прошлого: «необходимо восстановить комсомол, пионерию»; «воспитание должно быть гражданским, гражданин не может не быть патриотом»; «надо организовывать субботники» и т.д.

В основу идентичности закладывается некоторая «усиленная милитаризация истории»; не позитивные представления о давней и близкой истории, не примеры из области культуры, науки, искусства, а исключительно победы российского оружия, что само по себе и не плохо, однако не исчерпывает социокультурных оснований формирования чувства принадлежности к России. Лишь пять респондентов называли в ходе интервью имена Толстого и Пушкина, Волошина и Цветаевой, Чехова и Грина, Айвазовского и Гавена. В целом же патриотизм в сознании связан с победами русского оружия, в связи с чем, вспоминают имена Суворова и Нахимова, Потемкина и Кутузова, Ушакова и Истомина, Лазарева и Корнилова, что само по себе неплохо, однако история войн и сражений, завоеваний и присоединений не должна исчерпывать память о прошлом, чтобы не провоцировать милитаризации сознания.

Исследование при этом не выявило существенных межпоколенческих различий особенностях гражданской идентификации в Крыму.

Во-первых, не отмечен антагонизм в системе ценностей старшего и младшего поколений. Во всяком случае, респонденты не назвали серьезных противоречий между «отцами» и «детьми», «дедами и внуками». Все недовольство современной молодежью выражается в традиционных оценках нового поколения, как дурно воспитанного и склонного к материальному потребительству. Респонденты отмечают и много общего между поколениями – своим и новыми. При этом, в числе общих черт присутствуют исключительно ценности «житейского» плана, общечеловеческие, без политических коннотаций.

Во-вторых, в Крыму мы имеем весьма специфический тип социальной и национальной идентичности, достаточно однородный по содержанию и способный интегрировать самые различные культурные, ценностные и эстетические концепты. В определенном смысле можно характеризовать эту идентичность как «постсоветскую».

Этот тип идентичности не содержит сильных конфликтных элементов и является, в целом, достаточно позитивным. Какие-либо четкие идеологические и политические маркеры в структуре этой идентичности не обнаружены. Например, патриотизм в сознании крымчан главным образом связан с победами русского оружия. Есть основания говорить, что в результате подобного карнавального «обращения к прошлому» теряется ориентация на будущее, что может в определенном смысле препятствовать формированию актуальной и современной гражданской идентичности в новых социально-политических обстоятельствах.

Можно констатировать, что сегодня историческая память остается одним из доминирующих оснований и инструментов поддержания и сохранения общегражданской консолидации жителей Крыма с Россией. Представляется, что формирование российской гражданской идентичности напрямую зависит от интегрированности Крыма в политико-правовую и социокультурную систему российского общества. Поэтому в различных регионах Крыма этот процесс будет идти с разной скоростью (при этом основные трудности могут возникнуть в Центральном и Южном Крыму, которые меньше, чем другие регионы Крыма, связаны с общероссийским экономическим пространством).

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА

Мехди Афзали, аспирант Экономического факультета Российского Университета Дружбы Народов, Москва

Ключевые слова: семья, иранская семья, семейная и демографическая политика Ирана.

Аннотация: В статье представлен анализ семейной и демографической политики Ирана. Рассматриваются основные тенденции брачности, рождаемости и поддержки семей с детьми.

ESPECIALLY THE FAMILY AND DEMOGRAPHIC POLICY OF IRAN

Mehdi Afzali, Post-graduate student, faculty of Economics RUDN-University, Moscow

Key words: family, Iranian family, family and demographic policy of Iran.

Abstract: the article presents an analysis of the family and demographic policy of Iran. The author considers the main trends of marriage, fertility and support of families with children.

Большинство иранских семей по-прежнему живут традиционно, их задачи и обязанности традиционны, а это означает, что семья несет ответственность за благосостояние семьи от рождения до смерти. Они оказывают социальную, эмоциональную, финансовую, образовательную, медицинскую и т. д. поддержку. Но за последние несколько десятилетий в период модернизации и экономического развития заработная плата, урбанизация, самофинансирование жизни изменили структуру и размеры семей. За последние несколько десятилетий население Ирана резко возросло. Достижение почти 78 миллионов в 2013 году, в том числе 51% мужчин и 49% женщин. 69% этого населения проживает в городах, а 31% все еще живут в сельской местности. В следующей таблице показаны демографические показатели с 1990 по 2013 год.

Таблица 1

Общая информация Ирана

	1990	2000	2010	2013
Мужчины (000)	28807	33505	37657	38958
Женщины (000)	27555	32406	36806	38490
Всего (000)	56362	65911	74462	77447
Процент городского населения	56	64	69	69
Процент сельского населения	44	36	31	31

Источник: ЮНИСЕФ

Политика в отношении увеличения численности населения очень важна для планирования развития страны, особенно в странах, где они не являются получателями высококвалифицированных мигрантов. В прошлом веке благодаря повышению качества жизни, улучшению здоровья и снижению уровня смертности население Ирана увеличилось в 6 раз. Но в начале 90-х годов правительства пытались контролировать рост населения, что благодаря политике, которую он сделал, может снизить темпы роста населения с 1,96% до 1,61%. Спустя несколько десятилетий с негативными последствиями сокращения численности населения и озабоченностью правительства лидер Ирана объявил о новой политике увеличения численности населения, о которой он сказал: «Я считаю, что население Ирана в количестве 75-миллион людей нужно увеличить до 150 людей в стране». После этого правительство и парламент попытались работать над новой политикой поддержки брака и рождения.

Жилищная, рабочая и военная служба (для мужчин) являются основными проблемами молодежи, вступающей в брак, поэтому правительство в основном пытается облегчить эти проблемы. Некоторые важные стратегии поддержки брака заключаются в следующем:

- Ипотека на 15 лет по ставке 4%.
- Кредит на 20000 долларов по ставке 4% разбитые на две части, первая часть 10000 долларов на 3 года и 10000 долларов на 5 лет.
- Для мужчин, которые состоят в браке и военнообязанные (служба в армии) по закону они имеют право служить в том городе, в котором проживают с женой.
- Государство финансирует благотворительные организации для помощи малоимущим людям для создание семьи.
- Существует закон по которому высшие учебные заведения берут на себя расходы по организации групповых свадебных торжеств для своих студентов, а также оплачивают им свадебное путешествие, если оно проводится по религиозной программе. В данном случае и государство предлагает льготное кредитование при наличии бизнес плана обоим супругам.

В таблице показан возраст мужчин и женщин в 2015 году, это показывает, что в этом году женщины в возрасте 15–19 лет и мужчины в возрасте 20–24 лет имели наибольшее число зарегистрированных браков, 102036 браков, а также показывают, что на этом в год было зарегистрировано 685352 браков, 82% из которых были в городской местности и 18% в сельской местности, и также необходимо отметить, что разница в возрасте между мужчинами и женщинами на момент брака имеет наибольшее количество зарегистрированных браков по 82966 бракам. В Тегеране, Хорасане разави, Хузестане, Фарсе и Исфахане есть самые зарегистрированные браки, это в то время как Семнан, Илам, Кохлуэ и Покупачмад, Южный Хорасан и Бушер были наименее.

Таблица 2

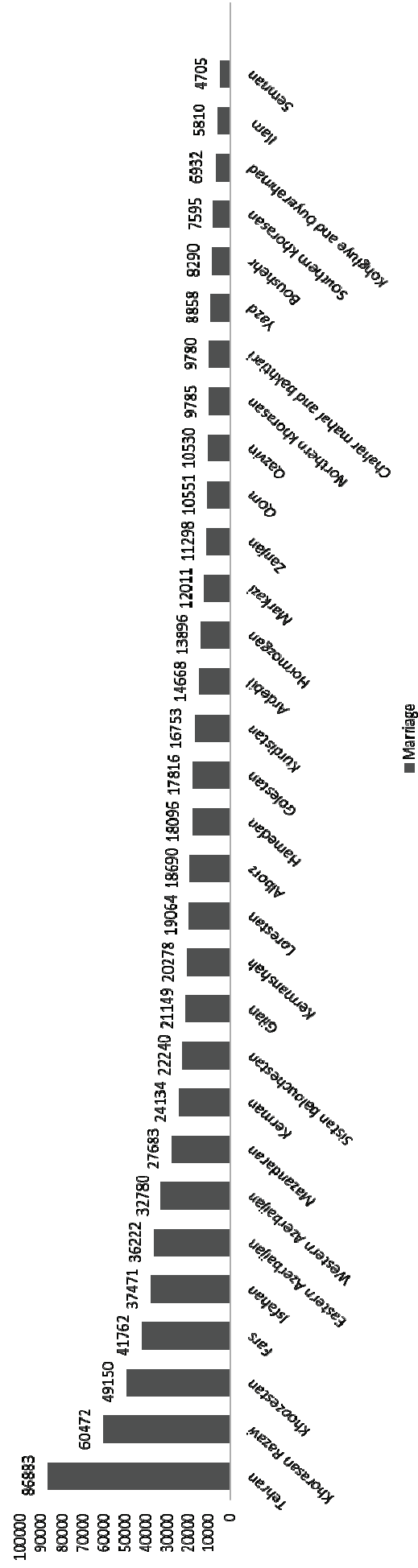
Вступление населения в брак в зависимости от возраста в 2015 году

Marriage aging spread in 2015																	
Husband \ Wife	Total	Less than 15	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59	60-64	65-69	70-74	75 and more		
Overall	685352	37117	196592	204202	138357	62397	24569	10796	5344	2793	1581	867	414	193	127	3	
Less than 20	28125	5975	17441	3878	620	170	32	6	1	0	0	0	0	0	0	2	
20-24	213401	21502	102036	72177	14539	2530	496	90	21	4	2	1	1	0	2	0	
25-29	252196	8598	65925	95553	66607	12878	2201	355	57	14	4	1	1	0	2	0	
30-34	112084	816	9736	27628	42666	25093	5128	866	124	21	6	0	0	0	0	0	
35-39	35446	146	1034	3791	9928	12855	6101	1348	211	26	5	0	0	0	1	0	
40-44	14845	47	228	698	2389	4882	4359	1794	367	64	12	4	0	1	0	0	
45-49	8404	13	77	256	838	2019	2602	1769	656	152	13	7	1	0	0	1	
50-54	5589	12	56	107	366	909	1423	1388	910	332	66	17	2	0	1	0	
55-59	4443	5	32	59	181	495	947	1082	844	512	213	57	14	2	0	0	
60-64	3464	2	16	28	100	268	554	837	718	496	309	106	22	6	2	0	
65-69	2188	0	5	10	53	111	282	491	522	338	216	113	34	11	2	0	
70-74	1824	1	2	9	30	92	187	349	358	288	242	155	73	26	12	0	
75 and more	3343	0	4	8	40	95	257	421	555	546	493	406	266	147	105	0	
N/A	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	

Источник: Министерство Внутренних Дел, национальная организация регистрации актов гражданского состояния

График 1

Вступление в брак в провинциях страны в 2015

Источник: Министерство Внутренних Дел, национальная организация регистрации актов гражданского состояния

Кроме того, следует отметить, что возраст 25–29 лет для женщин и 30–34 лет для мужчин был самым разведенным, зарегистрированным в 2015 году на 16286 разводов, тогда как общий развод в стране составил 163768, из которых 90% разводов произошло в городской местности и только 10% произошло в сельской местности страны, а разница в уровне разницы между мужчинами и женщинами была наибольшей, число разводов, зарегистрированных в 17906 разводах. На приведенном ниже графике показано, что Тегеран, Хорасан разави, Исфахан, Хузестан и Мазандаран имели наибольший развод, и Илам, Семнан, Южный Хорасан, Чахар махал и Бахтиари ад Йазд имели наименьший развод.

Кроме того, политика правительства по увеличению рождаемости в стране выглядит следующим образом: Бесплатная медицинская страховка для матерей и их новорожденных детей на два года.

- Государственная поддержка малоимущих семей с момента рождения и по истечению двух лет в плане:

- Продовольственный купон ежемесячно на 70 долларов, бесплатные медицинские анализы, обучающие курсы для мам по уходу за ребёнком.

- Бесплатная медицинская помощь и содействие для семей у которых проблемы с зачатием и вынашиванием плода.

- Оплачиваемый двухнедельный отпуск с момента рождения ребёнка для пап.

- Матерям при рождении каждого ребёнка государство дарит по одной золотой монете (= 500 долларов).

- Матерям учащихся в высших учебных вузах закон предусматривает отдельное общежитие, позволено 50% учебного времени изучать заочно или онлайн, а также можно 50% предметов уменьшить на каждом семестре.

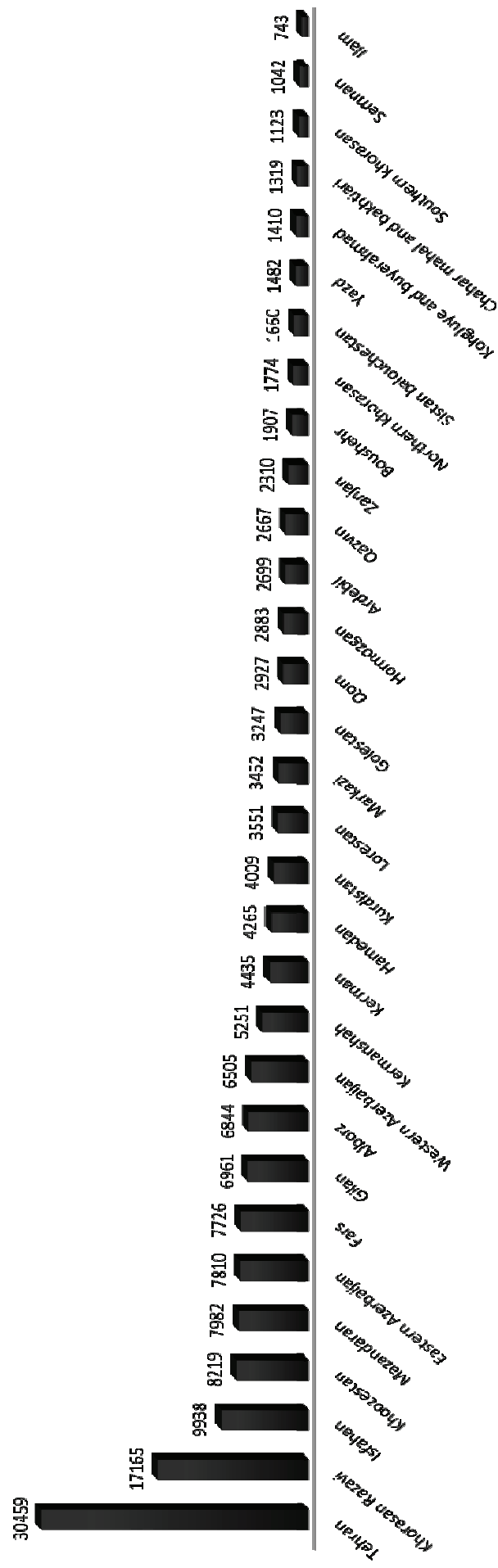
- Финансовые институты государства выдают кредиты по заниженной ставке (4–10%) на десять лет до 4000 долларов для семей у которых от 3-х до 5-ти детей.

- Для семей с детьми заниженные процентные (8%) ставки по ипотеке на 30 лет и размер кредитной суммы увеличен в два раза.

- Для семей у которых отец служит в армии при рождении каждого ребёнка срок службы уменьшается на 3 месяца.

На приведенном ниже графике показано, что наибольшее число рождений произошло в Тегеране, Хорасане разави, Хузестане, Систане, Фаресе, Исфахане и Семнани, Иламе, Кохлуе и Буйерхамаде, Южном Хорасане и Северном Хорасане. Всего в 2016 году было зарегистрировано 1 528 053 ребенка, из которых 51% составили мальчики, а 49% – девочки, 77% – в городских районах и 23% – в сельской местности. В городских районах у матерей в возрасте 25–29 лет и 30–34 лет отмечалось наибольшее число рождений, в то время как этот показатель для сельской местности был больше для матерей с возрастом 20–24 и 25–29 лет.

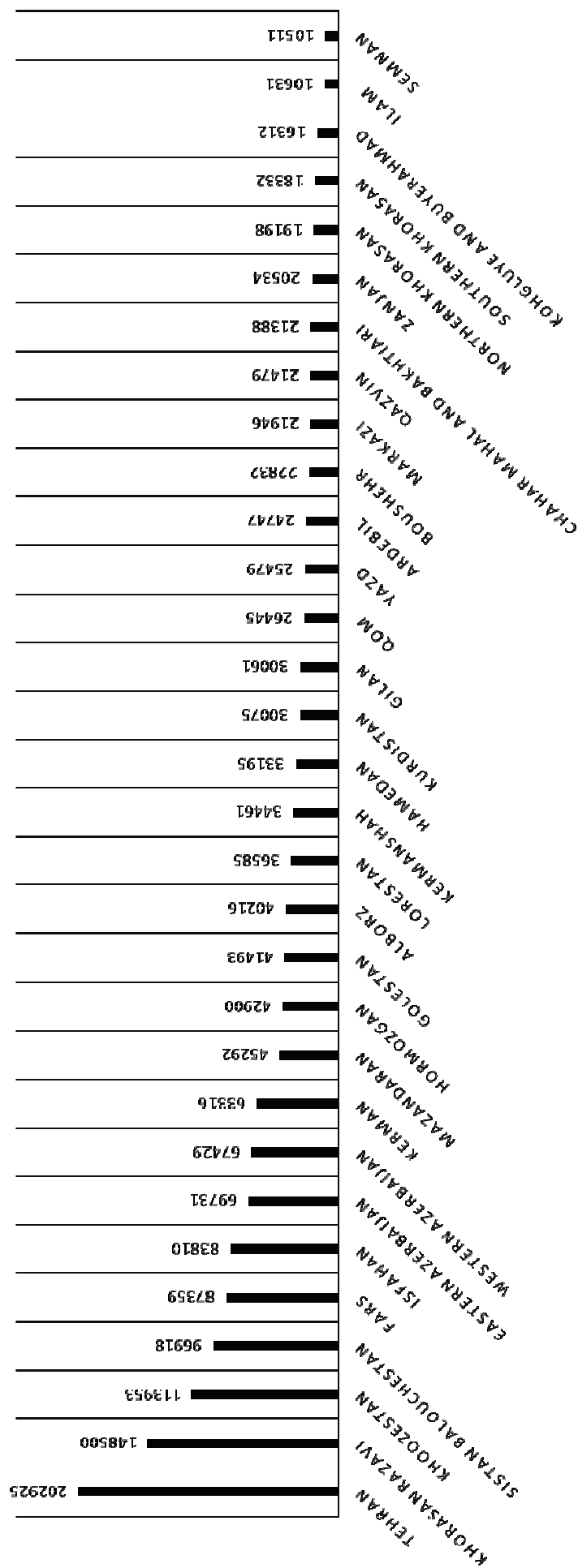
Количество разводов в провинциях

Источник: Министерство Внутренних Дел, национальная организация регистрации актов гражданского состояния

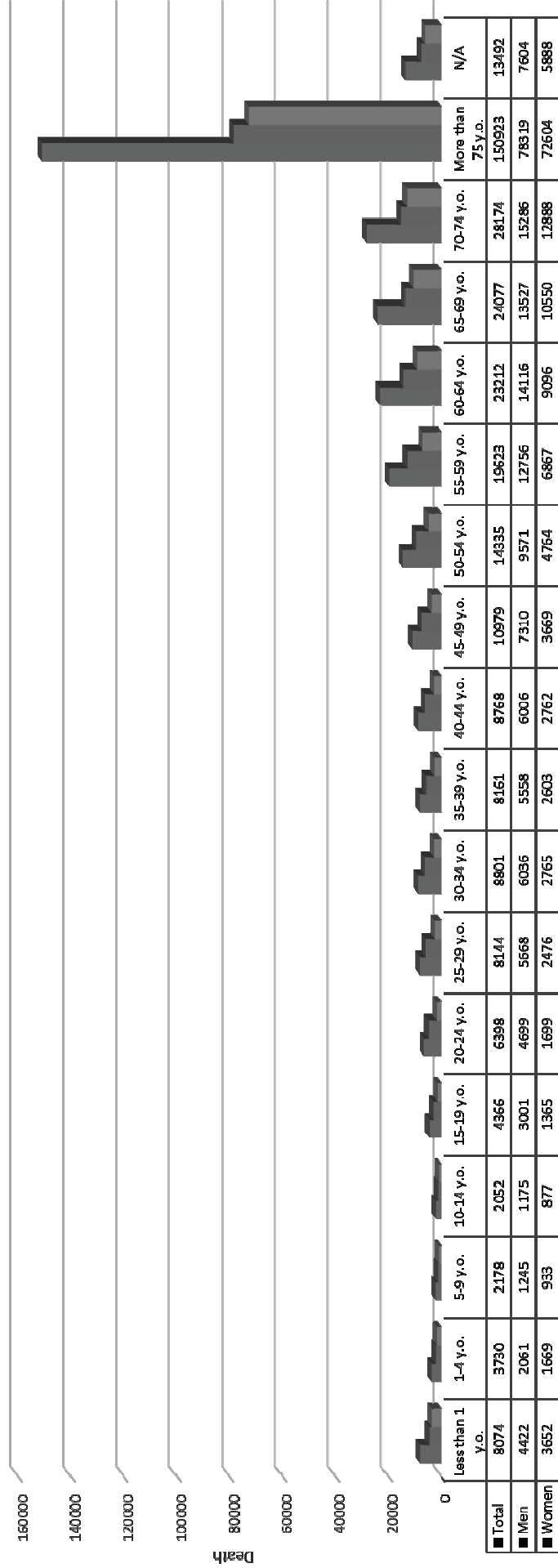
График 3

РОЖДАЕМОСТЬ В ПРОВИНЦИЯХ, ИТОГО 1528053 ЧЕЛОВЕК 2016

Источник: Министерство Внутренних Дел, национальная организация регистрации актов гражданского состояния

общая смертность населения в стране в 2015

Источник: Министерство Внутренних Дел, национальная организация регистрации актов граждан

Это происходит, когда ежегодно совершается 374 827 случаев смерти, 75% из которых происходят в городских районах и 25% в сельской местности, причем 56% этих смертей приходится на мужчин, а 44% приходится на женщин. Тегеран, Хорасан разави, Исфахан, Хузестан и Фарс имеют самую урбанистическую смерть, в то время как Кохглуй и Букерахмад, Илам, Южный Хорасан, Семнан и Северный Хорасан имеют наименьшую смертность в городах. Люди, которым было больше 75 лет, имели наибольшее число смертей в 2015 году.

В качестве вывода, основанного на структуре политики, мы должны иметь в виду, что для сотрудничества необходимо иметь разные группы, чтобы иметь возможность точно выполнять новые политики с минимальными затратами, и настоятельно предлагается использовать добровольную политику людей вместо других, и мы должны помнить, что политика рождаемости не будет успешной, если люди не будут хорошо информированы или удовлетворены результатами и процессом, даже если они являются многими убедительными политиками. Политика в области народонаселения в Иране в настоящее время находится на растущем шаге, и ей нужно, чтобы люди напрямую сотрудничали, но мы должны знать, что такое сотрудничество никогда не произойдет, если правительство не гарантирует экономические проблемы, качество жизни, безопасность жизни и будущее их. Поэтому основная структура заключается в том, чтобы сосредоточиться на этих проблемах, чтобы облегчить сотрудничество между людьми и правительством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. <http://ippra.com/policy/health-policy/articles/400-mokhtari1.html> Исследования и анализ иранской государственной политики
2. <https://www.isna.ir/news/> Информационное агентство Ирана
3. <http://www.eghtesadonline.com> Агентство экономических новостей
4. Старение населения в книге I.R.IRAN «Книга» Социально-экономические, демографические и оздоровительные характеристики пожилых людей.
5. Население Английское издание «Иранские семьи» между демографическими изменениями и рождением государства всеобщего благосостояния «Мари Ладир-Фулади»
6. <http://www.iribnews.ir/fa/news/> Информационное агентство ИРИБ

REFERENCES AND SOURCES

1. <http://ippra.com/policy/health-policy/articles/400-mokhtari1.html> research et analysis de Iranian rei publicae consilium.
2. <https://www.isna.ir/news/> news Agency Iran.
3. <http://www.eghtesadonline.com> oeconomiarum news Propellente.
4. Senescit multitudo in libro I. R. IRAN "Liber", Socio-oeconomicae, demographici et salutem characteres senes.
5. Multitudo latin edition "Iranian familia" inter eiusmodi mutatio et genuit bono statu "Maria Domina-Fouladi".
6. <http://www.iribnews.ir/fa/news/> news Agency IRIB.

Раздел II

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Section II

SOCIO-CULTURAL AND SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF THE FAMILY

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К СЕМЬЕ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор, зав.отделом Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия

Чупров В.И., доктор социологических наук, профессор, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия

Ключевые слова: семья, молодежь, изменяющаяся реальность, отношение, ценности, саморегуляция, доверие.

Аннотация. В статье теоретически обосновывается механизм формирования отношения к семье как к объекту реальности. Рассматриваются смысловые аспекты образа семьи и их изменение в условиях кризиса. На основе данных эмпирических исследований и авторского индекса кризисных изменений делается вывод о соотношении традиционного и современного в образе семьи в условиях изменяющейся социальной реальности. Показана регулятивная роль доверия общественным и политическим институтам на процесс его изменения.

ATTITUDE OF YOUTH TO FAMILY IN THE CHANGING SOCIAL REALITY

Zubok Yu. A., doctor of sociology, Professor, head Institute of Socio-Political Research of the RAS, Moscow, Russia

Chuprov V. I., doctor of sociology, Professor Institute of Socio-Political Research of the RAS, Moscow, Russia

Key words: family, youth, changing reality, attitude, values, self-regulation, trust.

Abstract: The article theoretically substantiates the mechanism of forming the attitude towards family as a phenomenon of reality. Changing of the meaning and it's image under conditions of crisis are considered on the base of author's index of crisis changes. On the basis of empirical data, collected in the years 2011, 2014 and 2015 the authors conclude that traditional value is still dominating; traditional and modern attitudes to the family are correlated with trust to the political system and it's different elements.

Рассмотрение социальной реальности как постоянно изменяющейся социальной среды, предполагает, «во-первых, желание сосредоточить внимание на всепроникающих динамических качествах социальной реальности, т. е. на восприятии общества в движении («процессуальный образ»), во-вторых, стремление не рассматривать общество (группу, организацию) как объект, т. е. дематериализацию социальной реальности («образ поля»)¹. Под «полем» подразумевается мысленно конструируемая структура пространства собственной жизнедеятельности, в которой осуществляются социальные взаимодействия. В качестве такого социального пространства (поля) выступают семейные отношения.

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. М., 1996. С. 21.

Речь идет о субъективных представлениях людей о структурах, обеспечивающих ожидаемые преференции (выгоды поля, по П. Бурдьё), что и определяет предрасположенность действовать в данном пространстве определенным образом (по правилам поля). В соответствии с законом возвышения потребностей постоянно изменяются ожидаемые от поля выгоды – доступность экономических и интеллектуальных ресурсов, возможность достижения определенных статусных позиций, обладание властью и т.д. Ожидания изменяются по мере удовлетворения потребностей. Соответственно изменяется и образ поля, а вместе с ним – представление о социальной реальности.

При таком подходе изучаются не сами объекты социальной реальности, а отношение к ним, в данном исследовании – к семье. В качестве эмпирического референта отношения выступает образное представление о семье как феномене в сознании молодых людей. Изучается рациональное и эмоциональное представление о ценностном и нравственном содержании характеристик семьи на основе обозначаемого устойчивого смысла. В центре внимания находится смысл семьи вообще, а не только отношение к своей семье – родительской, или собственной.

В смысловом содержании ценностных и этических представлений выделяются традиционное и современное основания. В традиционном основании отражается опыт предшествующих поколений, закреплённый в архетипических и ментальных структурах. Доминирующими являются представления, связанные с обычаем, общепринятым порядком, укоренившимся в обыденной семейной жизни, во многом оторвавшимся от прямой ассоциации с традициями и осознанным желанием их воспроизводить, но ставшим частью распространенных практик. А в современном – воплощается результат взаимодействия молодежи с новыми социальными посредниками, следствие интериоризации современных ценностей, изменяющих характер установок молодежи. И в том, и в другом случае образ семьи по-своему рационализирован. Он может быть осознан действующим субъектом с точки зрения цели, соотнесённой с рационально осмысленными средствами не только в современной парадигме (как это описано М. Вебером), но и в традиционной. Но основания рационализации при этом будут различаться.

Знания и опыт, накопленные в процессе взаимодействий молодежи в пространстве семейных отношений, как объекте социальной реальности, рефлектируются в ожиданиях (экспектациях) молодых людей, приобретая форму доверия. Доверие возникает, если реальные отношения в семье соответствуют ожидаемым. Поэтому доверие рассматривается как интегральный критерий саморегуляции отношения молодых людей к семье, отражающий степень соответствия ожидаемых и реальных знаний о партнерах семейных отношений как значимых объектах социальной реальности.

В наиболее выраженной форме изменения социальной реальности, в том числе и в сфере семейных отношений проявляются в ситуации кризиса. В этих условиях неизбежно изменяется и ценностное, и этическое отношение к ее объектам. Поэтому, анализируя тенденции изменений в семье, мы по существу изучаем изменение пространства социальной реальности в дан-

ной сфере жизнедеятельности молодежи. А оценивая его связь с доверием молодежи ближайшему окружению и общественным институтам, прослеживаем реализацию саморегуляционной функции доверия в изменяющейся социальной реальности.

Опираясь на результаты сравнительных исследований, проведенных в относительно благополучном 2011 году и в кризисных 2014–2015 гг.,² рассмотрим, как происходит саморегуляция этих процессов в молодежной среде.

Как показал анализ, семья традиционно сохраняет терминальную ценность для большинства молодежи. Самоценное отношение к семье практически в одинаковой степени присуще молодежи в возрасте 18–24 г. (86,9%) и 25–29 лет (87,9%) и в докризисный период, и в условиях кризиса (соответственно 86,8% и 85,8%). Причем, в условиях кризиса в старшей возрастной группе (25–29 лет) заметно снизились оценки отношения к семье, просто как к жизненной потребности (не могу представить свою жизнь без семьи – с 35,7% в 2011 г. до 27% в 2014 г.) и возросло значение любви как смысла семейных отношений (соответственно с 37,9% до 44,6%). Это свидетельствует о значимости семейных отношений в кризисный период и устойчивости традиционной ценности семьи, что является значимой характеристикой изменяющейся реальности в данной сфере.

Вместе с тем результаты исследования свидетельствуют о существенном переконструировании молодежью этических характеристик образа семьи в условиях кризиса. Для анализа использовался индекс кризисных изменений (Икр)³. Его значение в связи с повышением оценок роли мужа как главы семьи среди молодежи 18–24 года, соответствующей традиционной характеристике образа семьи, равно $((49,5\% / 36,1\%) - 1) \times 0,86 = 0,32$. А в связи со снижением в кризисном 2014 г. в этой группе доли сторонников равноправного распределения семейных ролей, соответствующего современной характеристике с 60,1% до 47,4%, Икр = -0,23. Также в этой группе отмечено снижение оценки одобрительного отношения к межнациональным бракам, соответствующего современной характеристике (с 29% до 18,4%, Икр = -0,17). Притом, что каждый второй (48,4%) сохраняет нейтральное отношение к межнациональным бракам. Следовательно, изменения этических представлений в социальной реальности младшей возрастной группы моло-

² Исследования проведены отделом социологии молодежи под руководством проф. Зубок Ю.А. и проф. Чупрова В.И. В 2011 г. в 13 регионах РФ, в 67 населенных пунктах среди населения в возрасте старше 18 лет. N=1301 чел.; в 2014 г. в 13 регионах РФ, в 65 населенных пунктах среди населения в возрасте старше 15 лет. N=1459 чел.; в 2015 г. в 10 регионах РФ, в 59 населенных пунктах среди населения в возрасте старше 18 лет. N=3400 чел.

³ Индекс кризисных изменений рассчитывается по следующей формуле: $(Ai(t)/Ai(t-1) - 1) \times K$, где $Ai(t)/Ai(t-1)$ – отклонение значения показателя в кризисном 2014 г. от неизменного (базового) значения в 2011 г., принимаемого за единицу; K- коэффициент корректировки отклонения по весу равнозначных показателей, рассчитываемый по формуле $(Ai(t)+Ai(t-1)) / 100$. Положительное значение индекса свидетельствует о влиянии данного фактора на повышающую тенденцию изменения социальной реальности, а отрицательное о влиянии на понижающую тенденцию.

дежи в сфере семьи сопровождаются повышающей тенденцией влияния традиционной характеристики образа семьи ($I_{кр} = 0,32$) и понижающей тенденцией влияния современных характеристик (среднее суммарное значение $I_{кр} = -0,2$). То есть в изменяющейся социальной реальности в этой группе молодежи доминирует влияние традиционной этики семейных отношений.

В старшей возрастной группе молодежи (25–29 лет) наиболее заметные изменения социальной реальности в сфере семейных отношений проявились в повышении доли сторонников авторитарного отношения к детям (с 12,9% до 19,6%, $I_{кр} = 0,17$), соответствующего традиционным этическим представлениям об образе семьи. Следовательно, конструируя собственную реальность в условиях кризиса, молодежь в старшей возрастной группе скорее демонстрирует воспроизводство традиционной модели отношения к детям, основанную на строгости и подчинении, хотя большинство среди них (75%), все же остаются приверженцами современного демократичного взгляда на воспитание. Заметно возросла в этой группе и ориентация на однопоколенную семью (с 69,3% до 78,4%, $I_{кр} = 0,19$), также отражающая современную тенденцию.

Таким образом, в изменяющейся социальной реальности российской молодежи в условиях кризиса отмечается воспроизводство традиционных характеристик образа семьи, проявляющееся в повышении авторитарных тенденций в распределении семейных ролей и в отношении к детям (среднее суммарное значение $I_{кр} = 0,24$). А также в целом понижающая тенденция изменения современных характеристик (среднее суммарное значение $I_{кр} = -0,01$), складывающаяся из взаимно исключающих тенденций возрастания ориентаций на однопоколенную семью и снижения значений равноправного распределения семейных ролей, одобрительного отношения к межнациональным бракам.

Интегральным критерием саморегуляции отношений в сфере семьи, как отмечалось выше, выступает доверие. Анализ связи обобщенного доверия и недоверия с наиболее значимыми характеристиками образа семьи в изменяющейся социальной реальности выявил следующие тенденции.

Во-первых, в кризисном 2014 г. среди сторонников доверительных отношений в обществе доминируют традиционные характеристики образа семьи, по сравнению со сторонниками обобщенного недоверия: терминальная ценность семьи в старшей возрастной группе молодежи (25–29 лет) – 88%, против 82,2% среди респондентов, считающих, что сегодня никому нельзя доверять и роль мужа как главы семьи в распределении семейных ролей в младшей возрастной группе (18–24 г.) – 53,3% и в старшей возрастной группе – 56% против соответственно 46,7% и 39%.

Во-вторых, среди сторонников обобщенного недоверия, наоборот, доминируют преимущественно современные характеристики образа семьи – инструментальная ценность семьи в старшей возрастной группе молодежи 17,8% против 12% среди респондентов, не согласных с суждением, что сегодня никому нельзя доверять; равноправное распределение семейных ролей в младшей возрастной группе 49,5% против 42,7%, и в старшей возрастной группе 54,5% против 40%; одобрительное отношение к межнациональным бракам – 78,1% против 74,7% в младшей возрастной группе. Исключение со-

ставляет лишь более высокая доля молодежи, разделяющей демократичное отношение к детям среди сторонников доверительных отношений в старшей возрастной группе (76% против 70%), а также приверженцев современной модели однопоколенной семьи в младшей возрастной группе (24% против 13,3%). Данные ориентации молодежи связаны с улучшением жилищных условий в стране, способствующих, по всей видимости, ограничению семейных конфликтов и формированию доверительных отношений. В свою очередь стремление молодых жить отдельно от родителей сопровождается демократизацией семейных отношений.

В социологии разделяется доверие личности и доверие системе (Э. Гидденс). Рассмотрим, как изменяются наиболее значимые характеристики образа семьи в связи с доверием и недоверием ближайшему окружению (семье) и системе в лице политических и общественных институтов. В условиях кризиса, среди молодых людей и в младших, и в старших возрастных группах, доверяющих семье, по сравнению с не доверяющими, заметно выше значения традиционных характеристик образа семьи. Отмечаются более высокие значения терминальной ценности семьи в младшей возрастной группе – 87,3% против 80% и в старшей – 92% против 64,7%, авторитарных тенденций в ролевой структуре семьи – роли мужа как главы семьи – соответственно 50% против 40% и 51,1% против 42,9%, отношения к детям, основанном на строгости и подчинении (18,6% против 10%).

А среди не доверяющих семье, наоборот, более высокие значения современных характеристик образа семьи – отношения к семье как к инструментальной ценности – 20% против 12,7% в младшей возрастной группе и 35,3% против 8% в старшей; равноправного распределения семейных ролей – соответственно 60% против 45,1% и 57,1% против 45,5%; демократичного отношения к детям – в старшей возрастной группе 76,5% против 72,7%; однопоколенной семьи – в младшей возрастной группе 90% против 80,4%; одобрительного отношения к межнациональным бракам – в старшей возрастной группе 57,1% против 22,7%. То есть в изменяющейся социальной реальности доверие в ближайшем окружении молодежи способствует воспроизводству традиционного образа семьи, а недоверие – современного.

Однако эти характеристики образа семьи заметно изменяют свои значения в связи с доверием и недоверием политическим и общественным институтам (включая доверие к Президенту РФ, Правительству РФ, Государственной Думе, политическим партиям, несистемной оппозиции, церкви).

Прежде всего, прослеживаются более высокие средние суммарные значения связи доверия молодежи политическим и общественным институтам с традиционными характеристиками образа семьи. На основе соотношения средних суммарных значений связи среди молодых людей, доверяющих и не доверяющих институтам, можно судить о степени влияния этих институтов на образ семьи в изменяющейся социальной реальности. По степени влияния на традиционные характеристики образа семьи (терминальная ценность семьи, муж – глава семьи, авторитарное отношение к детям) институты расположились следующим образом: политические партии (соотношение

оценок доверяющих респондентов и не доверяющих – 61,7% к 52,8%); церковь (53,4% к 49,3%); Госдума (57,2% к 53,1%); Правительство РФ (58,2% к 55,3%). Следовательно, в условиях кризиса с доверием этим институтам связываются консервативные тенденции в изменяющейся социальной реальности в сфере семейных отношений молодежи.

Исключение из общей тенденции составляет институт Президента РФ, среднее суммарное значение доверия к которому в период кризиса оказалось ниже значения недоверия (50,7% к 60,3%). Доля сторонников традиционного образа семьи больше среди молодежи, не доверяющей этому институту. И, наоборот, среди молодых людей, доверяющих институту Президента РФ больше сторонников современных характеристик образа семьи (равноправного распределения семейных ролей, демократичного отношения к воспитанию детей, однопоколенной семьи) – 47% против 39% среди не доверяющих. Выясняется, что доверие Президенту РФ выступает значимым фактором современных тенденций в изменяющейся социальной реальности молодежи в сфере семьи. Аналогичная тенденция отмечена в связи с доверием несистемной оппозиции (41,2% против 35,6% среди не доверяющих). Что касается влияния на изменения социальной реальности остальных институтов, то доминанта современных характеристик в образе семьи связана с чуть более выраженным недоверием Госдуме (47,6% против 42,4% среди доверяющих), политическим партиям (45,3% против 40,3%), Правительству РФ (45,2% против 42,6%).

Изменение социальной реальности в условиях неопределенности, присущей кризису, становится следствием нелинейного характера социальных связей. Соответственно связь доверия и недоверия институтам на изменение образа семьи, также имеет нелинейный характер⁴. Нелинейность влияния институтов на анализируемые характеристики образа семьи проявляется в отсутствии прямых зависимостей в этом процессе. Поэтому в культурном пространстве влияние осуществляется опосредовано – через настроения. Отражая объекты социальной реальности в эмоционально-чувственной форме, исходя из содержания коренных интересов молодых людей, настроения детерминируют их целеполагающую деятельность (Ж.Т. Тощенко). То есть эмоции и чувства, возникающие у молодых людей в отношении к политическим и общественным институтам, проецируются на образ семьи, трансформируясь в ожидания от институтов возможности реализации конструируемых характеристик в данном образе. Соответствие ожидаемых и реальных действий институтов вызывает чувство доверия, а несоответствие – недоверия им.

Таким образом, доверие и недоверие наполняются конкретным смыслом, в результате чего влияние институтов приобретает направленный характер. В данном исследовании – на традиционную или на современную модель восприятия и выстраивания семьи.

⁴ Подробнее о диалектике связи неопределенности и нелинейности см.: Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М., Academia, 2008. С. 101–105.

ЦЕННОСТИ СЕМЬИ КАК ГУМАНИТАРНЫЙ ОРИЕНТИР РОССИИ

Климантова Г.И., доктор политических наук, профессор, Президент НОК «Российская семья», г. Москва, Россия

Ключевые слова: система ценностей российского общества, базовые духовные ценности семьи, семья как социальный университет, родительство

Аннотация. В статье анализируется ценность семьи как гуманитарный ориентир России.

FAMILY VALUES AS A HUMANITARIAN BENCHMARK RUSSIA

Klimantova G. I., doctor of political Sciences, Professor, President of the Russian family, Moscow, Russia

Key words: the system of values of the Russian society, the basic spiritual values of the family, the family as a social University, parenthood

Abstract: The article analyzes the value of the family as a humanitarian landmark of Russia.

Современный этап развития российского общества связан с фундаментальными трансформациями во всех сферах социума под влиянием глобализационных процессов. Глобально ориентированная экономика ослабляет механизмы регуляции внутренней политики, делает государства контролируемыми со стороны мировых финансовых рынков, интересы которых входят в противоречие с национальными интересами, несут новые угрозы безопасности человека.

Процесс глобализации, и сопутствующий его мировой финансово-экономический и **духовно-нравственный кризис** свидетельствуют, что человечество стоит на пороге качественно иного периода развития цивилизации, принципиально новых технологий, осознания ведущей роли всестороннего развития личности, культуры, системы нравственных ценностей. Преклонение перед идеалами потребления заводит в тупик мировую цивилизацию.

Нарастает опасный для населения и большинства семей разрыв с устоявшимся образом жизни, огромный риск потери самобытности и национальной культуры, отсутствие уверенности в получении работы, социальных гарантий медицинской помощи, образования.

Многие исследователи нашей страны обозначили появление у нас новой социальной общности (а может быть и класса? Жан Тощенко) – **прекариата**. Это как пишет Тощенко, значительные социальные группы, испытывающие на себе особые, изощренные формы эксплуатации их труда, знаний, квалифи-

кации, и отчужденных от повышения качества жизни¹. Их отмечает социальная незащищенность, лишение многих социальных гарантий, отсутствие правовой защиты. На деле это – отказ от профессиональной карьеры, депрофессионализация.

Появление на исторической платформе прекариата означает, что возникли непредвиденные экономические, социальные, политические и культурно-нравственные эффекты, которые по своему влиянию превосходят известные в прошлом деструктивные последствия. К угрозам гуманитарного кризиса, которым мы активно противостоям последние годы, можно отнести:

- снижение интеллектуального и культурного уровня общества;
- девальвацию общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров молодого поколения;
- агрессию и национальную нетерпимость, проявления асоциального поведения;
- деформацию исторической памяти, негативную оценку значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России;
- атомизацию общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма, пренебрежения правами других народов.

Суть вопроса заключается в том, что все указанные явления не могут не оказывать влияния на ценные установки молодого поколения. Размытое, деформированное, сознание, проявляющееся в деструктивной деятельности, духовно-нравственная деградация личности, потеря идеалов и веры в справедливое устройство мира – **очень серьезные социальные вызовы современности**. Уход в виртуальный мир, подмена гаджетами реальной жизни только часть проблем молодого поколения как ответа на новые социальные вызовы.

Представляется, что в новых социально-экономических условиях многократно повышается значимость семьи, её ценность, фундаментальные основы семейного уклада жизни. Ведь не случайно все социологические опросы молодого поколения показывают ведущую роль семьи и семейных ценностей в их жизненных ориентирах. Принятые в последние годы Указы Президента, Концепции государственной семейной политики, демографической политики, Стратегии воспитания, объявление 10-летия Детства свидетельствуют о переориентации государственной политики на социальную сферу, на интересы человека.

Напомню, что еще в 2006 году в Послании Президента РФ прозвучал тезис о **первичности не экономической, а социальной политики, что отвечает на глобальные вызовы современности**.

Обращение к теме **гуманизации экономики** – это противостояние индивидуализму, приоритету частного интереса над нравственными ценностями, культу социального неравенства. Сложнейшие проблемы государства и

¹ Жан Тощенко. Ждет ли нас диктатура прекариата. Независимая газета, 27 февраля 2018 года.

общества, которые транслируются и в каждую российскую семью. **Гуманитарный ориентир в этом направлении – опора на систему ценностей, выработанных в ходе исторического развития Россией и её фундамент – семью. Бессмертный полк Крым наш. Олимпиада.**

Формирование традиционных семейных ценностей (а вернее, опора на них!) является одной из важнейших социальных и политических стратегий гуманитарным ориентиром современной России. Подчеркивая значимость этой проблемы, Президент нашей страны отметил, что «традиционные ценности, опирающиеся на древнюю и глубокую культуру России, дадут возможность нашей стране спастись от деградации». **Семья, как уникальный социальный институт, находится в кризисном состоянии не только в России, но и во всем глобальном мире.** В чем это проявляется? Размываются традиционные ценности, ослабевают внутрисемейные связи, растет число разводов, гражданских браков. Гомосексуальные отношения перестают быть табуированными, а в некоторых странах разрешены однополые браки. В России усугубляют ситуацию бедность, отсутствие у молодых семей собственного жилья, рост алкоголизма и наркомании. Общество перестало осуждать женщин, которые отказываются от воспитания детей, порождая феномен социального сиротства. Это – острейшая социальная проблема современности. Бурное развитие бизнеса и проникновение коммерческих отношений во все сферы общественной жизни также сыграли свою негативную роль. В отношениях между мужчиной и женщиной зачастую стал превалировать индивидуалистический подход, потребительство и чрезмерная рационализация. **(СМИ Джигарханян).** Как отмечает известный исследователь А.М. Егорычев, коммерциализация семейных отношений пагубно сказалась также на самом институте брака. Общественное мнение стало оказывать давление на женщину, требуя от нее самореализации не в семье и материнстве, а в первую очередь карьере и образовании.

Еще одна проблема, которую следует решать в сфере семейной политики – **это повышение ценности труда, профессионализма.**

В Послании Президента Российской Федерации прозвучала тема необходимости профориентации – Устремление в будущее.

Исследования пока демонстрируют низкий уровень ценностей труда, профессионального развития и творческой самореализации в семье. Только 26% опрошенных ценят интересную работу и профессиональное развитие, а 20% – самореализацию и развитие.

Сейчас у нас не хватает людей профессионально подготовленных для выполнения всего спектра задач, которые стоят перед обществом. Компенсировать количественную нехватку людей можно за счет улучшения **качественных характеристик человеческого потенциала.** Другими словами, в России надо воспитывать людей, которые по своим характеристикам будут стоять 3–4 человек, воспитанных в обычных условиях. И это возможно при полном включении в процесс семьи.

Эта задача, с моей точки зрения, должна стать первоочередной целевой программой страны на длительную перспективу. Глобализация требует иной

точки зрения на проблемы семьи и детства во всяком случае в России. Например, отношение к родительству должно быть **(с технологической точки зрения) как к профессии**. Родители должны обладать достаточной компетенцией, чтобы во взаимодействии с системой образования и другими институтами эффективно использовать технологии воспитания. Сегодня понять необходимость такого подхода и освоить такие воспитательные технологии в состоянии меньшинство родителей. В условиях стремительных технико-технологических преобразований должны быть изменены подходы к трудовому воспитанию в большинстве семей. Акцент смещается от выбора профессии и траектории трудовой жизни **к формированию способности и любви к труду как таковому, способности на основании фундаментального образования и глубокой профессиональной подготовки самостоятельно адаптироваться к изменениям на рынке труда**. Это также гуманитарный ориентир для семьи. Никогда и ни у кого из вменяемых людей не возникало возражений против трудового воспитания детей. Как и против тезиса о том, что труд создает основу бытия. Но когда мы переходим на практический уровень, сразу сталкиваемся с вопиющими противоречиями практически на всех уровнях и во всех сферах. Например, в настоящее время функция «трудовое воспитание» и соответствующее понятие исчезли из законодательства, различных отраслевых и локальных актов. Поэтому актуальной задачей является включение термина «трудовое воспитание» в систему законодательства РФ, учет всех аспектов и последствий правовой новации.

Если обратиться к практике трудового воспитания в семье, то мы увидим абсолютную беспомощность большинства родителей в этом вопросе. **Лишь небольшая часть родителей воспринимает трудовое воспитание как специфическое направление воспитания, которое требует и особых подходов, и особых технологий**. Большинство родителей ограничивается привлечением детей к хозяйственным делам и помощью в профессиональной ориентации. Но в последнее время выросла доля родителей (и соответственно детей), которые считают труд уделом неудачников, что главное в жизни **выстраивать нужные связи и добиться материального благополучия любой ценой. (Романтизм)**.

Достигнутый уровень социально-экономического и культурного развития общества, осязаемое проникновение либеральных ценностей ставят проблему **преодолеть** противоречия между административно-бюрократическим подходом к образовательно-воспитательной деятельности **как сфере услуг**, с одной стороны, и императивом гармоничного развития человека, с другой стороны.

Наукоемкие производства будущего, сферы науки, культуры и образования предъявляют более высокие требования к квалификации, творческому мышлению, ответственности, умению прогнозировать социальные и нравственные последствия решений. Чем раньше общество осознает важность гармонизации физического, нравственного, интеллектуального и профессионального развития человека, чем раньше будут разработаны теоретико-методологические основы, методические и технологические инст-

рументы взаимодействия семьи с другими участниками процесса воспитания, тем быстрее будет расти неисчерпаемый творческий потенциал народа.

Сегодня мир так сложен и опасен, что сохранение ценностей семьи – это будущее нашей цивилизации.

В системе духовно-нравственных ценностей семья вновь превращается в основную универсальную основу общества.

В то же время, следует подчеркнуть, что результаты многих социологических исследований⁶ наглядно свидетельствуют о том, что базовые духовные ценности семьи, связанные с российским социокультурным архетипом (коллективизм, приоритет духовного над материальным и т.п.) в общем и целом не изменились. Они лишь оказались невостребованными в условиях личностной и социальной дезорганизации. Это привело к их вытеснению на периферию сферы общественного и индивидуального сознания, но сохранились в основном нравственном «багаже» Российских семей. Исследования показывают, что ценности индивидуализма и эгоизма, оказались восприняты достаточно поверхностно, хотя и наслоились в виде внешней оболочки. Есть все основания полагать, что при преодолении кризисных явлений российского общества базовые социокультурные ценности семей могут быть легко восстановлены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Женщина и наука. Сборник научных статей / Под ред. Г.И. Климантовой, Т.К. Ростовской. М.: Изд-во РГСУ, 2016.
2. Яновский Рудольф Социальная динамика гуманитарных перемен. М., 2001, С. 59.
3. Климантова Г. И. Семья в процессе социальной модернизации России. Дашков и К, 2014.
4. Климантова Г.И. Социальная политика: семья, демография, детство. М., РИТМ, 2016.
5. Летопись реформирования России (Новая русская смета на рубеже веков и тысячелетий в зеркале отечественной социологии). М.; Вече, 2012. С. 190, 192.
6. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Семья в системе социальных институтов общества. – М.: ВАКО, Галлея принт, 2015. – 372 с.
7. Ионин Л.Г. Социология культуры. М: Логос, 1996. – 280 с.
8. Коломийцев В. Цивилизация XXI в. Некоторые современные концепции // Свободная мысль. 1996. № 11.
9. Ваниянц Д.В. Социокультурные ценности современной российской молодежи. Автореферат канд. дис. 2016 г.
10. Гуманистические ориентиры России. М.: Институт экономики РАН, 2002 г.

REFERENCES AND SOURCES

1. Woman and science. Collection of scientific articles / Under the editorship of G. I. Klimantova, T.K.Rostovskaya. Moscow: publishing House of RSSU, 2016.
2. Yanovsky Rudolf Social dynamics of humanitarian changes. M., 2001, P.59.

3. Klimantova G. I. Family in the process of social modernization of Russia. Dashkov and K, 2014 .
4. Klimantova G. I. Social policy: family, demography, childhood. M., RHYTHM, 2016.
5. Chronicle of reforming Russia (New Russian estimates at the turn of centuries and millennia in the mirror of Russian sociology). M.; Veche, 2012. C. 190, 192.
6. Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. Family in the system of social institutions of society. - Moscow: WACO, Halley print, 2015. -372 S.
7. Ionin L. G. Sociology of culture. M: Logos, 1996. - 280 p.
8. Kolomiytsev, V. the Civilization of the XXI century and Some modern concepts // Free thought. 1996. No. 11.
9. Variants, D. V. socio-cultural values of modern Russian youth. Abstract of Cand. dis. Two thousand sixteen
10. Humanistic reference points of Russia. M.: Institute of Economics, RAS, 2002

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ МОЛОДЕЖИ: РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЙ ОПЫТ

Маю Митигами, доктор экономики, доцент экономического факультета, Университет Нигата, г. Нигата, Япония

Ключевые слова: Доступность жилья, нерегулярная занятость, формирование семьи, независимое от родителей, уход за пожилыми людьми

Аннотация. В статье анализируется японский опыт приобретения жилья для молодежи с учетом решения жилищных проблем межпоколенной семьи.

STATE HOUSING POLICY FOR YOUNG PEOPLE: THE RUSSO-JAPANESE EXPERIENCE

Mayu Michigami, Ph.D of Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, Niigata University (National University), Niigata city (Japan).

Keywords: Housing affordability, Non-regular employment, family formation, independent from parents, elderly care

Abstract: This paper shows the suggestion to Russia from Japanese society's experience of young household, especially with the respect to housing. Russia and Japan have almost same problems: decreasing population, low birth rate, and elderly care. In addition, two countries have not yet found enough resolution. We should consider them together on recognizing each difference.

Housing acquisition problem for young households connects to the other problem. That is the timing of family formation and independent from their parents. On the other hand, young household and elder household need each other assists. Childcare needs their parents' assists. Moreover, elder age needs their child's assists, besides elderly care by public funds. The postponing of independent from their parents in their residents bring closely spaced cohabitant between young, middle and elder age in the same residence. The timing of young household family formation and independence from their parents affect the multiage cohabitant.

In addition to it, they also do housing replacement by every generation. The exchanging of residential place between young household and elder household have promoted from the housing policy in Russia and Japan. However, that speed is slow.

We must consider not only for young, but also for elder age. We need to approach interdependence (mutual dependence) of housing problems for generations, not only each generation.

1. Japan's Housing Policy Short History

At the start of Japan's post-war recovery, the volume of housing construction by private agents hadn't been adequately developed. The shortage of dwellings amounted to 4.2 million. The Japanese government established three public

housing acts: the Government Housing Loan Corporation (as noted below ‘public housing loan’), Public Housing, the Public Housing Corporation. Since 1945 these three pillars of public housing policy have played an important role in the Japanese housing market.

Public housing was established for the lowest income groups by local administrations all around Japan. “1/2 to 2/3 of the construction costs were compensated by state subsidies (Shiozaki 2006, p. 69)”. Public housing cheaply rents apartments to the lowest income group. The share of the total housing stock is not so large. But “the share of a big city (Osaka) is large (11%), which is 1/3 of all rental units in Osaka (ibid. p. 70)”.

The public housing corporation, which had rented apartments and sells condominiums for new salary workers in urban areas, was established to solve the housing shortage problems caused by the population concentration in urban areas. They didn’t belong to the lowest income group; they were a new group that could afford detached houses with housing loans. The public housing corporation targeted such middle groups and created modern housing developments and spread a new housing lifestyle.

In addition to these acts, public housing loans and a 5-year mass construction plan were carried out. For 20 years, the Japanese housing policy solved the housing shortage with three public channels and a 5-year plan (See. Michigami (2011)). After the oil crisis in 1973, the Japanese housing market entered an era of fluctuation: recession and the bubble economy. Due to the recession, dwelling construction plummeted. The government deregulated land use, housing development, and the monetary system to recover. It planned many urban development projects to stimulate private domestic investment and to solve the problems of the quality of urban business life and housing life. This plan caused land and real estate speculation. As deregulation continued, the role of public housing decreased. Construction by private agents largely exceeded that of public agents. Such land and housing speculation was called the ‘bubble economy’. Economic expansion arrived not only in the real estate market but also in other commodity markets. However, since this bubble burst in 1991, the price trend of land and housing has stabilized downward.

The characteristic points in the Japanese housing market include the balance between private and public agents, its dependence on the ownership of housing or apartments, and that it hasn’t sufficiently developed rental housing. The private funds played a dominant role in the construction of new housing in Japan. The total average is 60% by private funds and only 40% by public funds.

In Japan, 61.1% household of all own their housing and 35.8% households of all live in rental housing: 26.9% in private rental housing, and 6.1% in public housing (MLIT(2008)). Young household’s share is 29.8% of housing ownership, and 71.2% of living rental housing. Especially young household’s housing affordability problems are serious: small housing space and the difficulty of housing purchase. Young household is age 20–39 in Japan.

In addition to it, as the recent problems, since deregulation of burst bubble economy -1990’s and 2000’s- the development of non-regular employment made some negative impact for young households. In 1990’s and 2000’s, the job finding

for young worker had been difficult for the sake of long recession and stagnation of Japan's economy. Japanese company and labor policy by government had adopted the deregulation to develop non-regular employment- temporary work. This change was needed to win the international business competition with China and other Asian countries, which have lower labor cost than Japan. However, for young workers, this change brought that the end of temporary labor contract mean homeless. Many young non-regular workers lost housing.

Without housing (non residential address), they can't get a job. Even if they have a job, they can't purchase their own housing, because housing price has still higher than their salary. Their average salary was decreasing since recession. Only for regular employment worker, they can challenge to purchase their own housing with the aid of private housing loan for more than 35 years. The disparity between young household by regular employment or non-regular has been enlargement. However, Japan does not adopt housing policy only for young household. It regards as that it should resolve by private funds.

On the other hand, the affordability problems and employment problems for young in Japan brought new aspects. Their independent from parents has postponed. Their marriage age in Japan is 31.1 years old (male) and 29.4 years old (female) in 2015. 47.1% male and 34.6% female of 30–34 age are unmarried. 35% male and 23.9% of 35–39 age are still unmarried (in 2015). The marriage age has also delayed (See, Cabinet Office, and Government of Japan). Those phenomenon cause young household's delay of independence from their parents and cohabitant with their parents and young. If they work as non-regular employment, their independent age has delayed more and more. Because their low salary and unstable labor contract lose their chance. In addition to it, childcare center and kindergarten have also been shortage in the center of city. Young household are difficult to rear child especially in capital and big cities, because of budget problems by government.

Economic and employment system change cause new housing problems and family formation for young households. Economic topic and sociological topic connects in this phenomenon.

On the contrary, besides total fertility rate is 1.45 in Japan, aging society has proceeded. 25% of all population (120 million) are elder than 65 years old. In Japan, pension age is 65 years old. Many elder age households needs care. However, public elderly care service is shortage because of the deficit of budget and care workers. If they want enough care, they must pay much expensive money for private care companies. The number of public care center is shortage and has long waiting line to use. Even private care center is shortage and expensive.

Therefore, elder age needs their child's assists or help in their housing. In a similar way, young households need their parents' assists or help for childcare in their housing. They have each other linkage. We must consider not only for young, but also for elder age.

According to decreasing population in Japan, Japanese government adopt not to promote construction new housing, but to reuse, replace, and reform used housing stock. Resolution of elder's housing quality problems may be the same resolution of young's housing problems (acquisition and quality).

In order to resolve under the deficit of budget, we should divide the role of private or public funds. Private funds support improvement of the quality of privatized housing units and constraints on funds for repairs and remodeling costs. On the other hand, public funds support renovation of housing building and housing infrastructure (common utility). In addition, it should promote the efficient utilization of vacant house for rental with renovated. Moreover, we should approach Diversification of housing demands according to the changing of lifestyle or family formation by generations: homeownership, rental housing, and renovation of existing housing stock.

It will be necessary to formalize guarantees of the quality for the stock of existing housing for resale, and systematic rental housing deals. Only the resolution of promotion of housing construction and housing loan support are one-sided for supply-side. It is needed housing policy more from demand-sided.

2. Suggestion to Russia

Russia adopted housing policy only for young household. Now Russia housing policy newly start to adopt new public rental housing- доходное жильё, too. But Russia mainly adopt a policy to promote housing construction and purchase with the aid of housing loan subsidies. However, the effects are not yet clear. The correlation between housing area space and fertility is not clear. Even the correlation between housing area and household age and between housing area and household income is not clear.

Figure 1. Russia's income stratum and housing average space in RLMS 1998, 2004, 2008

Weak co-relation between 5 income strata and living space, 1998, 2004, 2008 in Russia

Income gap does not mean housing gap, Housing gap = generational gap

Income gap does not mean housing gap - generational gap									
Income strata	All household			family			single		
	all								
	1998	2004	2008	1998	2004	2008	1998	2004	2008
I	27.18	28.23	29.04	31.06	31.93	32.75	24.34	25.64	25.28
II	29.24	30.91	32.27	31.41	33.15	34.25	25.91	25.24	27.26
III	31.12	32.84	33.70	32.60	33.95	34.53	23.72	27.84	28.92
IV	34.80	36.30	35.79	35.64	37.33	36.91	27.89	27.49	28.04
V	38.69	37.30	39.98	39.66	38.08	40.77	29.39	25.22	28.55
urban									
I	26.53	26.36	27.38	29.95	30.62	31.22	24.32	24.34	23.13
II	28.55	29.47	30.47	30.85	31.74	32.73	24.99	24.03	25.55
III	30.43	31.45	32.02	32.06	32.72	32.55	22.76	26.54	27.77
IV	33.50	34.09	33.68	34.39	35.09	34.63	23.91	25.71	26.06
V	35.45	35.77	37.75	36.60	36.40	38.71	21.96	24.53	27.09
rural									
I	29.50	31.49	33.24	34.94	33.85	35.97	24.41	27.41	30.48
II	31.74	34.64	37.56	33.51	37.01	38.66	28.67	29.22	33.64
III	34.00	37.82	38.93	34.66	38.79	40.92	27.71	33.88	32.86
IV	40.91	44.94	44.32	41.64	45.36	45.60	34.65	35.43	36.49
V	42.92	44.07	49.03	43.42	45.58	49.93	33.11	30.50	36.98

**Russia's housing conditions by household age,
according to RLMS 2008 data**

%	Separate apartment	Part of an apartment	Separate house	Part of a house	Living space per capita (median value) m ²
Total 5,314	60.0	5.0	18.0	6.3	12.8
Age 21–30	51.6	2.8	8.5	4.3	9.3
Age 31–40	57.5	4.8	16.1	6.7	9.8
Age 41–50	61.0	3.3	18.5	6.5	11.3
Age 51 and older	67.0	3.6	20.1	6.3	15.9

Russia and Japan have almost same problems: decreasing population, low birth rate, and elderly care. In addition, two countries have not yet found enough resolution. We should consider them together on recognizing each difference. The problem of young household's economic independency from their parents cause timing of family formation under low housing affordability, low economic growth, low stability of income in Russia.

Interdependence (mutual dependence) of housing problems for generations have also happened in Russia; between son/daughter family and parent's family as childcare and elderly care. The exchanging of residential place between young household and elder household have promoted from the housing policy in Russia and Japan. However, that speed is slow.

We must consider not only for young, but also for elder age. We need to approach interdependence (mutual dependence) of housing problems for generations, not only each generation.

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ
REFERENCES AND SOURCES**

[1] Hirayama, Yosuke. *Jutaku seisaku no dokoga mondaika (Where is the problem of housing policy?)*, Kobunsha bunko, 2009 (in Japanese).

[2] Michigami, Mayu. "Comparison of Affordability of Russian and Japanese Housing Markets", *Far Eastern Studies*, Vol.10 March 2011, Center for Far Eastern Studies, University of Toyama, pp.25–57.

[3] Michigami, Mayu and Kazuhiro, Kumo. Roshia Choki Kakei Monitoring Chousakaramita Kyojukankyo to Jutakuseisaku no Mondai (The housing environment and housing policy problem from the view of Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS)), *Roshia Eurasia no Keizai to Shakai (Journal of Russian Eurasian Review of Economics and Society)*, No.952, 2011, pp.2–22. (in Japanese).

[4] Michigami, Mayu. Intergenerational Differences in Russian Housing Conditions in the 2000s: Based on the RLMS (2008) *The Northeast Asian Economic Review*, Vol.2, No.2, October 2014, pp.15–38.

[5] Ministry of Land, Infrastructure and Transport (MLIT). *Jutaku tochi tokei chousa (Housing and land statistical survey)*, 2009, 2014, (in Japanese).

- [6] National Institute of Population and Social Security Research. The 7th National Survey on Household Changes, 2014 (in Japanese).
- [7] RLMS-HSE, Russia Longitudinal Monitoring Survey
- [8] Shiozaki, Y. (ed.), *Jutaku Seisaku no Saisei, (Toward a New Housing Policy)*, Tokyo: Nihon Keizai Hyoronsha.2006 (in Japanese).
- [9] Zavisca, Jane R. *Housing the New Russia*, Cornell University Press, 2012

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИОННАЯ РУССКАЯ СЕМЬЯ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ ПОЛНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ?

Егорычев А.М., доктор философских наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью РГСУ, г. Москва, Россия

Ключевые слова: русский мир, традиционная русская семья, православная религия, традиции русского мира, русская культура.

Аннотация. Представлен анализ исторической ситуации, касающейся состояния и развития русской традиционной семьи. Автор стоит на позиции необходимости возрождения базовых традиций русской семьи, как основы развития гражданского общества, его духовно-нравственных основ. В основе развития современной русской семьи должны быть положены социокультурные ценности русского мира, духовно-нравственные смыслы и ценности православной церкви и соответствующая политика государства.

RUSSIAN CULTURE AND TRADITIONAL RUSSIAN FAMILY: REVIVAL OR COMPLETE DEGRADATION?

Egorychev A.M., doctor of Philosophy, Professor of the Department social pedagogy and work organization with youth RSSU, Moscow, Russia

Key words: Russian world, traditional Russian family, Orthodox religion, traditions of the Russian world, Russian culture.

Abstract: An analysis of the historical situation concerning the state and development of the Russian traditional family is presented. The author stands on the need to revive the basic traditions of the Russian family, as the basis for the development of civil society, its spiritual and moral foundations. The development of the modern Russian family should be based on the socio-cultural values of the Russian world, the spiritual and moral meanings and values of the Orthodox Church and the corresponding state policy.

Современная русская (российская) семья, как и все общество, сегодня переживает серьезный кризис, который определяется многими причинами, которые имеют достаточно глубокие корни и основания. Назовем и кратко прокомментируем основные причины кризиса института семьи в современной России:

1. *Постепенный уход России от своих исторических корней, национальных традиций, смыслов и ценностей*, которые вырабатывались многие столетия (тысячелетия) и которые позволяли устойчиво прокладывать русскому народу свой путь в будущее, успешно строить русский мир.

Первый мощный удар по традиционному укладу русской жизни, в частности, институту семьи, был нанесен в 1917 году, когда новое правительство разработало идеологию жизнестроительства, где не было места православию и русским традиционным семейным ценностям. Произошло почти полное отрицание многовекового уклада жизни русской семьи, её традиционных право-

славных ценностей, норм семейного поведения и взаимодействия всех её членов. Более того, делалось все, чтобы намертво вычеркнуть многотысячелетний опыт семейного строительства из памяти русского народа.

Второй удар последовал в 1991 году, когда новое правительство страны предало забвению все наработанное лучшее за 74 года советского периода, касающееся социальных норм поведения, образования, ценностей семейного строительства, др. и взяло курс развития страны с ориентацией на западные социальные нормы, смыслы и ценности. Традиционные смыслы и ценности русского мира, также как и в 1917 году, были просто проигнорированы. Страна стала слепо копировать опыт, образ жизни, смыслы и ценности западной культуры, активно их внедрять во все институты гражданского общества.

2. Почти полное подчинение всей современной политики российского государства идеологии рыночной экономики и информационно-технологическому укладу XXI века. Цели и смыслы такой идеологии полностью подвергли трансформации все социальные институты и структуры российского государства и общества, включая и самого человека. В данной политике человек и семья рассматриваются лишь с позиции производства человеческого капитала, где практически нет места духовным смыслам и ценностям. Мир русского (российского) человека наполнился целями и смыслами, не отвечающими его историческому пути, ментальности его культуры и её народа. Смысл жизни русского человека стал терять сакральный смысл – служение великой духовной и социально значимой цели. Такая цель сегодня просто отсутствует. Несмотря на достаточно развитую политическую систему России, высокую активность её научно-образовательного сообщества, они пока не способны предложить стратегическую доктрину развития страны, с учетом её исторических духовных и социокультурных реалий, где традиционная русская семья занимала бы достойное место.

Самое тяжелое и болезненное для социального организма России, всего русского мира, заключается в том, что за сто с лишним лет шла целенаправленная глубинная трансформация русской культуры, уничтожение её корневых основ, включая традиционную русскую семью. Сегодня это является самой главной проблемой для пробуждения жизненных сил русского человека, возрождения основ традиционной русской семьи, в целом – воссоздания гражданской идентификации человека русского мира и построения счастливого и справедливого общества.

Преданные забвению философия жизни русского мира, православная религия и традиционная русская культура, начиная с 1917 года, все это в совокупности выступило основным фактором и условием, способствующим тотальному разрушению традиционного национального воззрения на семью у русского человека, разрушению её базовых основ, несущих сакральную сущность существования человека русского мира. Бесспорно, какие-то фрагменты русской культуры остались в российском жизненном и образовательном пространстве, но они приобрели такие формы и выражения, которые уже не способны оказывать должного воздействия на сознание и мировоззрение граждан

страны, подрастающее поколение, их отношения к институту семьи, как главному действию в своей жизни.

Сегодня забота о русской (российской) семье в нашей стране приобрела чисто технологическую направленность. Сформировалась социальная технологическая культура помощи российской семье, устоялись свои понятия, такие как «планирование семьи», «безопасный секс», «поддержка неполной семьи», др. Планируются и реализуются различные государственные программы помощи и поддержки российской семьи, проводятся всевозможные шоу, выделяется материнский капитал, оказывается точечная помощь нуждающимся семьям, пр.

Однако, как показывает реальная практика, результаты плачевные. Прежде всего, это касается крепости брачного союза. На территории Российской Федерации с каждым годом растет количество семей, которые рано или поздно распадаются. Так статистика говорит, что половина заключающихся браков в России распадается. Данная тенденция сохраняет устойчивость вот уже много лет. В США и Европе практически та же картина. Исключение составляет лишь Ирландия (лишь 15% браков заканчивается разводами) [9].

Можно говорить о том, что в развитых странах существует одна тенденция, касающаяся института семьи, обусловленная, по всей вероятности, одними и теми причинами.

С начала 1991 года в России стремительно получила развитие еще одна ситуация, которая действует разрушительно на институт семьи, социальные отношения в обществе – это незарегистрированные брачно-семейные отношения, так называемые «гражданские браки». Как и многие другие «ценности», пришедшие от либерального Запада, «гражданский брак» показывает своё негативное действие по отношению к институту российской семьи, систему отношений между мужчиной и женщиной. К сожалению, как показывает реальная ситуация в стране, зарегистрированный брак постепенно теряет свою привлекательность для значительной части населения, особенно для российской молодежи. Многочисленные социологические исследования указывают на тот факт, что все больше российских пар не оформляют брак официально, а просто проживают, в так называемом гражданском браке. Институт демографии представил данные, по которым в России в гражданском браке проживают около половины всех брачных пар [9].

Получить достаточно объективные данные, касающиеся всех сторон «гражданского брака», в частности, получить данные о количестве раз, вступавшим индивидом в «гражданский брак», достаточно сложно. Тем не менее, в научной литературе присутствуют данные, что по динамики развития активности института «гражданского брака», Россия приравнивается к развитым европейским странам.

По существу, феномен «гражданского брака» в России, сформировал достаточно свободную форму личностно-социальных отношений, которая подразумевает сожительство двух человек противоположного пола, которые не желают связывать себя супружескими и родительскими обязанностями и правами, при этом оставляют за собой право на свободу и независимость.

В гражданском браке начинают утверждаться личностные эгоистические ориентации, когда каждый из сожителей превыше всего ставит собственные интересы и свободу. В большей мере такой позиции привержен мужской пол.

Можно уверенно констатировать, что наравне с устоявшейся формой зарегистрированного брака в России, утверждается новая форма семьи, с альтернативной системой внутренних отношений. Можно также говорить о том, что в российском социокультурном пространстве налицо кризис семейных ценностей. Семья, как традиционный институт общества начинает терять свой институциональный статус и значение. Идет нарастающий процесс разрушения духовно-нравственных основ общественного сознания России, его переориентация на смыслы и ценности, противоречащие, как истинным смыслам, ценностям и традициям русской культуры, так и истинной природе человека.

Все обозначенное создает глобальные риски существованию важнейшего института государства и общества – института российской семьи, что напрямую связано с государственной безопасностью страны, её устойчивым состоянием и развитием. Можно легко спрогнозировать будущие риски в развитии российского государства и общества, всех социальных процессов, при развитии обозначенной ситуации. Это, прежде всего: резкое снижение рождаемости, возрастание числа искусственных аборт, распространение добрачных и внебрачных отношений, рост матерей одиночек, др. Обозначенное имеет прямую зависимость с динамикой падения нравственных норм во всем российском обществе, изменение ценностных ориентиров общественного сознания, каждого его индивида, что также может провоцировать рост следующих негативных процессов и тенденций: алкоголизм, преступность, суицид, проституция, а также рост числа венерических заболеваний, СПИДа, др.

Тем не менее, зарегистрированный брак, также имеет свои проблемы, одна из которых – развод. Причин развода зарегистрированных пар достаточно много, основные представлены в таблице 1 [9].

Таблица 1.

Основные причины развода брачных пар

№ п/п	Причины развода	%
1.	Поспешное решение вступления в брак	40
2.	Измена одного из супругов	20
3.	Неудовлетворенность в сексуальном плане	15
4.	Нет общих взглядов на жизнь	13
5.	Пристрастие к алкоголю одного из супругов	7

Как видим, все обозначенные причины разводов современных брачных пар обусловлены, на наш взгляд:

– социальной незрелостью супругов, несформированностью адекватного сознания на институт брака;

– неподготовленностью супругов к семейным отношениям, тем функциям, которые придется выполнять и тех норм и стереотипов поведения, которых необходимо им придерживаться в семейных отношениях;

– отсутствием, либо слабым развитием у супругов духовно-нравственных основ и соответствующих установок на семью и семейно-брачные отношения.

Можно говорить о том, что российское подрастающее поколение и молодежь, вступающая в брачные отношения, до конца не представляют всю сложность семейной жизни, слабо понимает те задачи, которые придется им решать, не имеет четко сформированных нравственных установок, касающихся личной ответственности за свои действия и поведение как супруга. Они не имеют высокой духовно-нравственной культуры, которая не позволяла бы им подвергать рискам свой брачный союз, принимать скоропалительных решений. Самое главное, в их сознании не работает семейный опыт многих поколений русского народа, нет соответствующих смыслов, ценностных установок на создание традиционной русской семьи и семейных отношений.

Необходимо отметить важный аспект, заключающийся в том, что проблема разводов в российском государстве и обществе существовала всегда, только масштабы были разные. В **дореволюционной России** разводы были большой редкостью.

Рассмотрим основные факторы и условия, которые определяли устойчивость института брака в дореволюционный период (до 1917 г.):

1. *Многовековые культурные традиции, касающиеся русской семьи, которые были глубоко укорены в общественном сознании русского народа, каждого его представителя.* Семья выступала первым союзом, определяющим устойчивость русского мира (родоплеменное сообщество), формирующим его духовно-нравственную основу и выступающим основой благополучия всего этнического сообщества, его устойчивого развития. Начиная с периода Древней Руси (30–40 тыс. лет) шел непрерывный процесс формирования русского мира, творения традиционной русской семьи, её традиций, смыслов и духовно-нравственных ценностей.

Люди русского мира всегда считали, что смысл всей жизни человека начинается с семьи и долг каждого человека стать добрым семьянином. Человек, не имеющий семьи, считался наказанным Всевышним за его грехи. Семья – это залог вечной жизни, благосостояния, значимости и уважения в русской общине. Семейные отношения между супругами всегда находились в органичной зависимости от сложившихся исторических социокультурных традиций русского мира, его национальных особенностей.

2. *Роль православной церкви в поддержании и развитии духовно-нравственных основ русского народа, в воспитании высокой духовной культуры русской православной семьи, негативному отношению к разводам, их осуждению.* Православие, пройдя почти тысячелетний путь вместе с российским государством и русским народом, образовала естественную национальную социальную общность (соборность). Русским обществом православие воспринималось не только и не сколько, как религиозная система, но как естественная социокультурная среда, как национальный образ жизни русского мира, как основа семейного союза, его благополучия. Многосотлетняя привязанность русского народа к православию, наложила глубокий и прочный отпечаток на его культуру и самосознание, оказала мощное

влияние на развитие духовности русского мира, формирование его ментальности, традиционной русской семьи.

Церковный брак во все времена существования православной России, выступал единственной формой брачного союза, признанной российским государством, православной церковью и русским обществом.

3. Проводимой российским государством семейной политики, касающейся своих подданных, поддержки православной церкви в отношении утверждения в русском народе традиций и норм семейных отношений, в основе своей опирающихся на ценности православия. Практически до начала XX века православие фактически являлось частью государственной идеологии царской России. Семейная политика государства в это время была направлена на сохранение традиционных семейных ценностей, исторически сложившихся условий жизни русской семьи, её особой автономности, которая выражалась в определенной независимости от государства (организация внутрисемейных отношений, быта, труда, пр.).

Несмотря на то, что Церковь занимала подчиненное положение в российском государстве, тем не менее, её законы оставались непреложными, как для всего православного русского (российского) народа, так и самого царствующего монарха. Именно глава государства выступал главным защитником и опорой православной веры, хранителем её традиций, а его семья выступала образцом православного семейного союза.

Основным документом, регулирующим все сложные социальные отношения в стране, включая семейные, выступал «Свод законов Российской империи» [7], где были зафиксированы особенности русской православной семьи, все права и обязанности супругов, которые были направлены на укрепление института брака и стимулирование рождаемости в стране.

В Своде законов Российской империи были четко прописаны все вопросы, связанные с функционированием русской (российской) семьи, взаимные и особенные обязанности и права супругов:

Во-первых, взаимное право и обязанность исполнения каждым супругом своего супружеского долга, хранение супружеской верности, взаимопомощи и всяческой поддержки (моральной и материальной).

Во-вторых, исходя из сложившихся культурных традиций в России, муж являлся главой семьи, в регулировании и защиты общих интересов наделялся решающим голосом, имел право требовать от жены послушания во всех семейных делах (деятельности как хозяйки дома, следовать за ним при перемене постоянного места жительства, давал разрешение на работу вне дома, пр.). Указывается, что он обязан любить свою супругу, жить с ней в согласии, уважать, защищать и содержать её в соответствии со своими возможностями.

В-третьих, жена, как верный союзник мужа, имела многие семейные права (носить фамилию мужа; преимущества состояния мужа, на получение содержания от мужа, его охрану и всестороннюю защиту, др.). Жена должна быть хорошей хозяйкой дома, воспитательницей своих детей, обязана повиноваться своему мужу, пребывать к нему в любви и почтении.

В-четвертых, взаимная поддержка супругов, указанная в Законе, представляла собой обязательное разделение труда по полу: муж обязан содержать семью, а жена вести домашнее хозяйство. Раздельное проживание супругов, при отсутствии для этого особых законных оснований запрещалось. В имущественной сфере наблюдалось полное равноправие супругов.

В-пятых, развод допускался только в трех случаях: доказанное прелюбодеяние одного из супругов или его неспособность к брачному сожитию; лишение одного из супругов всех прав состояния и его ссылка в Сибирь; безвестное отсутствие одного из супругов дольше 5 лет.

4. *Сложившийся традиционный социально-трудовой уклад русской семьи, где муж и жена организовывали общинное трудовое единство, когда благополучие семьи полностью зависело от их совместной деятельности.* Многотысячелетние формы традиционной семейной жизни русского народа были органично вписаны в экономические и социальные условия дореволюционной России, её земледельческого (крестьянского) хозяйства. Россия всегда была крестьянской страной с высокоразвитой крестьянской культурой. Большая семья в России являлась традиционной формой организации семейного брака у русского народа. Вплоть до революции (2017 г.) она продолжала сохранять характерные черты семейного уклада, который формировался многие столетия.

Русской семье принадлежало все крестьянское имущество (двор, живность, разная движимость, пр.), как перешедшая по наследству, так и нажитая общими трудовыми усилиями. Поддерживать благосостояние большой семьи требовало большого напряжения всех членов семьи, участие каждого её члена в посильном для него, как домашнем труде (организация домашнего быта, уход за домашней живностью, различные ремесла, пр.), так и деятельности вне дома (полевые работы, сбор ягод и грибов, договорные работы по найму, промыслы, пр.). В общий котел поступали все средства, заработанные всеми членами большой крестьянской семьи (старыми и малыми). Общее руководство большим крестьянским хозяйством оставалось за главой семьи (с полного согласия всех членов семьи), право приобретения имущества и его продажи.

В организации семейной жизни русского крестьянина явно просматривалась общинное начало, как историческая основа русского мира. Эта смысловая основа русской семьи выступала исторической традицией её сохранения. Она давала возможность развитию всего российского общества и государства.

На основе краткого анализа исторической ситуации, касающейся русской семьи, можно сделать следующий вывод: семейную жизнь в дореволюционной России регулировали следующие основные институты: русская православная церковь, российское государство, социокультурные традиции русского мира. Российское государство регулировало в основном имущественные отношения и законодательно поддерживало её целостность. Православная церковь регулировала личные отношения супругов, формировала и развивала духовно-нравственные основы семьи. Социокультурные традиции позволяли сохранять

преемственность в организации традиционного быта русской семьи, организовывать воспитание подрастающего поколения по заветам предков. В своем органичном единстве все три института поддерживали традиционные семейные ценности русского мира и, тем самым, создавали мощную основу для развития российского государства и общества.

Таким образом, можно утверждать, что вопрос возрождения традиционной русской семьи возможен лишь на основе социокультурных традиций русского мира, ментальности его народа, духовно-нравственных основ православия и соответствующей политики российского государства. Другого варианта просто не существует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Заозерский Н.А. Право Православной грековосточной русской церкви как предмет специальной юридической науки. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1888. – С. 33.
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 181.
3. Мардахаев Л.В. Проблемы и трудности становления молодой семьи // Семейная педагогика: традиции и инновации: матер. VII Междунар. конгр. «Российская семья» (М. – Курск, 20–21 мая 2010 г.). – В 2-ч. Ч. 1 / под науч. ред. В.И. Жукова. М.-Курск: Изд-во РГСУ «Союз», 2010. – С. 186–194.
4. Мардахаев Л.В. Воспитание ребенка в семье // Вопросы воспитания. – 2010. – № 3(4). – 15–22.
5. Ростовская Т.К., Егорычев А.М. Роль государственной семейной политики в формировании и развитии традиционных семейных ценностей: исторический аспект // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. № 1 (17). С. 52–57.
6. Ростовская Т.К., Егорычев А.М. Роль русской женщины в развитии социальной сферы государства // Человек в мире культуры. 2016. – № 2. – С. 31–38.
7. Свод законов Российской империи. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912.
8. Федосеева И.А. Семья как средовое явление современного общества // Ученые записки РГСУ, 2010. – № 7(83). – С. 32–35.
9. Источник: <http://2supruga.ru/brak/zakluchenie/statistika-brakov-i-razvodov-v-rossii.html> (Дата обращения: 06.04.2018).

REFERENCES AND SOURCES

1. Zaozerskaya N.. Greavette ius Orthodoxae russicae Ecclesiae, ut speciale obiectum legalis scientia. Moscow: Tipografiya M. G. Volchaninov, 1888. – S. 33.
2. Mironov B. N. Social history of Russian Imperium (XVIII – principio XX century). Vol. 1. SPb.: Saecula Quintum Et Sextum Bulanin, 1999. – S. 181.
3. Mardahaev L. V. Quaestiones, et difficultates in formatione iuvenes familia // Familia pedagogics: traditiones et novitates]. VII mezhhdunar. Congreve. "Russian familia" (Moscow – Kursk, 20–21 may 2010). – 2-h H 1 / sub nauch. ed. per V. I. Zhukov. M.-Kursk: libellorum domus RSSU "Coniunctio", 2010. – P. 186–194.

4. Mardahaev L. V. Educatione prolis in familia // problems of education. – 2010. – № 3(4). – 15–22.
5. Rostovskaya t.k. ut Egorychev A. M. Munus reipublicae familia consilium in formatione et incremento traditum, familia bona: historica ratione // sanitatem mentis Problems pueros et adulescentes. 2017. N. 1 (17). P. 52–57.
6. Rostovskaya t.k. ut Egorychev, A. M. Munus Russian mulieribus in socialem statu // Hominem in mundo culturae. 2016. – No. 2. – S. 31–38.
7. Leges in Russian Imperium. – SPb.: Russian libro Consociationis "Dux", 1912.
8. Fedoseeva I. A., Familia, ut environmental phaenomenon in hodierna societas, / / scientifica notis RSSU, 2010. – № 7(83). – Pp. 32–35.
9. Source: <http://2supruga.ru/brak/zakluchenie/statistika-brakov-i-razvodov-v-rossii.html> (die obuius: 06.04.2018).

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА СЕМЬИ

Мардахаев Л.В., доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник высшего образования РФ, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Ключевые слова. Воспитание, образ жизни, культура образа жизни, естественное воспитание, направленное воспитание, ситуативное воспитание.

Аннотация. В статье раскрываются место и роль семьи в воспитании ребенка, дается характеристика сущности и содержания социокультурной воспитательной среды семьи, а также ее основного содержания (компонентов). Выделяются такие явления как образ жизни и культура образа жизни семьи и их влияние на воспитание ребенка в семье. Раскрываются основы свободного (естественного) воспитания ребенка в семье через культуру образа жизни. Необходимость целенаправленного и ситуативного влияния родителя на воспитание ребенка, их сущность и содержание. Подчеркивается необходимость повышения искусства воспитания родителем своего ребенка в семье с учетом его возраста. Выделяются типичные ошибки воспитания ребенка в семье.

SOCIO-CULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE FAMILY

Mardakhayev L.V., doctor of pedagogical sciences, professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Russian State Social University, Moscow, Russia

Keywords. Education, way of life, lifestyle culture, natural education, directed education, situational upbringing

Abstract: The article reveals the place and role of the family in the upbringing of the child. It gives a description of the essence and content of the socio-cultural educational environment of the family, as well as its main content (components). There are isolated such phenomena as the way of life and culture of the way of life of the family and their influence on the upbringing of the child in the family. The foundations of free (natural) education of a child in the family through the culture of a way of life are revealed. Necessity of purposeful and situational influence of the parent on the upbringing of the child, their essence and content. The need to increase the art of parenting their child in the family, taking into account his age, is emphasized. Typical mistakes of raising a child in the family are highlighted.

Семья занимает особое место в воспитании подрастающего поколения. В ее функционировании и воспитательной деятельности родителей особое место принадлежит **социокультурной воспитательной среде семьи**. Изучение специальной литературы позволило выделить характерные факторы социокультурной среды семьи, к которым следует отнести:

– микроклимат (нравственно-психологический фон), который сложился в семье;

- образ жизни, сложившийся в семье и оказывающий существенное влияние на каждого ее члена;
- условия жизни в семье;
- дизайн (удобство и эстетическое оформление и поддержание), техническая оснащенность квартиры и их использование в интересах воспитания детей;
- образованность родителей;
- культура самопроявления родителей в семье;
- взаимоотношения в семье: родитель – родитель; родитель – ребенок; ребенок – родитель;
- семейные традиции, их нравственное богатство;
- культура отдыха членов семьи и пр.

Изложенное позволяет увидеть тот потенциал (положительный и негативный), который в той или иной степени может быть реализован в воспитании ребенка в семье. Особое место в семье принадлежит образу жизни, сложившемуся в семье и собственно воспитательной деятельности родителей, проявлением ими личной гигиены и культуры.

Исследования многих специалистов в области семьи, воспитания в семье убедительно свидетельствуют о том, что последствия воспитания детей в своей основе вытекают из тех проблем и той ситуации, которая складывается в семье и семейном воспитании.

Образ жизни, сложившейся в семье, во многом определяет направленность ее развития. Под ним понимается повседневное поведение членов семьи, обусловленное их своеобразием и воспитанностью, традициями народа, к которому принадлежит семья. Образ жизни в семье по своей сущности характеризуется сложившейся в ней культурой. Существует понятие – *культура образа жизни*. Для семьи, такая культура находит свое отражение: культуре питания, культуре быта, культуре досуга, культуре речи, культуре внешнего вида и культуре поведения тех. Одновременно, следует отметить, что культура образа жизни родителей может несколько отличаться от культуры образа жизни их детей в зависимости от возраста каждого ребенка. Чем меньше возраст, тем больше речь идет о становлении повседневной культуры образа жизни ребенка. Именно культура образа жизни воспитанника определяет, с одной стороны, как она влияет на его физическое здоровье, закаливая, укрепляя или разрушая его, продлевая или укорачивая жизнь с раннего возраста, с другой, – как повседневно проявляет себя во взаимодействии с другими (сверстниками, старшими, младшими), с третьей, – как работает над своим самосовершенствованием.

С раннего возраста через образ жизни в семье ребенок усваивает основы гигиены, физической культуры, одновременно у него идет формирование культуры речи, культуры внешнего вида, культуры поведения. Осмысление существа образа жизни семьи и его влияния на формирование в ней воспитанности детей свидетельствует о том, что оно способствовало становлению такого направления в воспитании, как – *свободное воспитание*. Основоположником идеи свободного воспитания выступает французский философ,

писатель, мыслитель эпохи Просвещения Жан-Жак Руссо (1712–1778); в России – известный русский писатель и мыслитель Лев Николаевич Толстой (1828–1910), создатель на практике школы свободного воспитания в Ясной поляне (1859–1862); российский мыслитель и педагог Константин Николаевич Вентцель (1857–1947), автор идей «Концепция о правах ребенка» (1918); русский и советский писатель, просветитель, педагог, редактор журнала «Свободное воспитание» (1907–1918) Иван Иванович Горбунов-Посадов (настоящая фамилия Горбунов) (1864–1940) и др.

Л.Н. Толстой, например, обращаясь к родителям, писал о том, что если родитель хочет воспитывать своих детей, о должен начинать с себя (воспитывать себя) и тогда не потребуется ему заниматься воспитанием детей. Воспитывая себя, родитель представляет пример жизнедеятельности, образа жизни и поведения, который естественным образом усваивается его ребенком. По существу речь идет о «стихийности воспитания» (неформальном, естественном характере воспитания ребенка в семье), в ходе которого культура образа жизни становится основой становления растущего человека (ребенка).

Изложенное диктует необходимость родителей учитывать важность неформального (естественного) характера воспитания своих детей, обеспечивая повышение культуры образа жизни всех членов семьи.

Следует подчеркнуть, что свободное воспитание действительно в большей степени стимулирует развитие волевых возможностей формирующейся личности. Однако, еще в 1912 г. российский педагог *А.М. Обухов* обращал внимание родителей на то, что свободное, это не значит вседозволенное воспитание. Анализируя взгляды теоретиков свободного воспитания, а также данные психологической науки и практиков, он отмечал, что у ребенка не могут быть только права. Они есть и у родителей, учителей, других детей независимо от их возраста. Каждый ребенок обязан уважать не только свои права, но и права других. Это требует направленности воспитательного воздействия на ребенка, с учетом складывающихся ситуаций как в самой семье, так и вне ее.

Воспитательное воздействие родителей имеет место, с одной стороны, в ситуациях поиска наиболее целесообразного влияния на ребенка в интересах стимулирования развития у него определенных качеств личности, а также содействия проявлению и развитию его позитивных потребностей, интересов, склонностей. Воспитательное воздействие на воспитанника, в складывающихся ситуациях представляет собой собственно воспитательную деятельность родителя, с учетом его своеобразия, направленности и действенности неформального (стихийного) воспитания, обусловленного образом жизни. Она определяет направленность воздействия на сознание воспитанника, мотивирование, поддержку его в чем-либо, регламентацию, стимулирование проявления в определенной деятельности, поведении и пр. с учетом того своеобразия, которое воспитанник получил в среде жизнедеятельности. Такая деятельность и характеризуется воспитательное искусство родителя. Его воспитательная деятельность позволяет определить, в какой степени он подготовлен к ней и ус-

пешно ее реализует по отношению к своему ребенку. По ней можно судить в какой степени она соответствует потребностям воспитания ребенка в семье, недостаточно соответствует или не соответствует.

Воспитательное воздействие на воспитанника может иметь место в ситуации неординарности его проявления. Эта неординарность может вызывать как позитивные, так и негативные последствия, что диктует необходимость со стороны родителя, оказавшегося в подобной ситуации, соответствующего педагогического действия, направленного на превращение ее в специально созданную (формальную). В этом заключается со-бытийность в воспитании. Как учил А.С. Макаренко, на каждое проявление воспитанника, воспитатель должен уметь найти адекватное воздействие в интересах воспитания. В этом случае, складывающаяся ситуация становится позитивно воспитывающей, а воспитательная деятельность – конструктивно со-бытийной. По существу речь идет об искусстве родителя умело создавать и конструктивно реализовывать в интересах воспитания своего ребенка, превращать складывающуюся ситуацию в со-бытийность, несущую в себе определенный воспитательный потенциал, положительно влияющий на него. Такая со-бытийность может существенно сказываться на изменении взглядов, интересов, поведение и последующее самопроявление воспитанника, а также на авторитетности воспитателя.

Нередко на образ жизни и воспитание детей существенно сказывается влияние бабушек и дедушек (прародителей). Традиционно им принадлежало особое место в воспитании детей в семье. К.Д. Ушинский называл их «природными педагогами». Мудрость возраста и опыт жизни – это величайшее богатство, которое они приобретают и в последствие делятся со своими детьми и внуками. Они более чутки и нежны к детям. Изучение опыта влияния старшего поколения на воспитание внуков и внучек показывает, что их социально-педагогические возможности достаточно разнообразны и включают:

- эмоциональную поддержку дочери в период беременности и воспитании ребенка, преодолении возникающих трудностей в воспитании;
- оперативную консультативную помощь в целесообразном уходе и воспитании ребенка;
- участие в роли авторитетного советчика в преодолении трудностей семейной жизни и воспитании ребенка;
- непосредственное участие в уходе и воспитании ребенка;
- подготовку ребенка к школе и помощь ему в адаптации к учебной деятельности и последующей учебе;
- сохранение семейных традиций и т.д.

В то же время, следует подчеркнуть, что имеют место факты, когда помощь бабушек несет в себе определенные проблемы и трудности в воспитании ребенка. Это связано с рядом факторов:

- личный опыт бабушки в воспитании единственного дитя может оказаться не достаточным для его реализации воспитании внука;
- опыт бабушки в основном ограничивался рождением дитя, а воспитанием занимались, либо домашние воспитатели, либо ее бабушка;

– любовь к внуку и внучке отличается от любви к сыну и дочке тем, что в ней смешиваются родительская любовь и жалость к ребенку из-за беспомощности и незащитности. Порой эта любовь может заглушить рациональность в оценке проявлений ребенка и его воспитании;

– встречаются факты потакания ребенку, попустительства по отношению к нему, его действиям и поступкам вследствие боязни, что он будет жаловаться и лишать бабушку возможности заниматься с ним, в чем она видит смысл своей жизни.

Особенно сложные проблемы во взаимоотношениях бабушки и ребенка складываются в подростковом возрасте. Этот период может оказаться особенно негативным в воспитательной деятельности бабушки, если в предшествующий период она была недостаточно продуктивна.

Изложенное свидетельствует о том, что следует корректно относиться к бабушке в процессе ее воспитательной деятельности, помогать ей и поддерживать в ее позитивных устремлениях.

Практика воспитания несовершеннолетних в семье убедительно свидетельствует о том, что не редко складываются в ней ситуации, негативно сказывающихся на воспитании ребенка, достаточно много. Их исследуют социологи, психологи, педагоги и социальные педагоги. Каждый специалист старается выявить характерные для него явления, которые несут в себе негативизм и существенно сказывающийся на воспитании ребенка. Причины их возникновения разные и они носят объективный и субъективный характер. Субъективность .

К наиболее существенным **типичным ошибкам семейного воспитания** относятся следующие:

– чрезмерное внимание родителей к единственному сыну (дочери), ведущее к гиперопеке. Тепличные условия, отстранение ребенка от любых жизненных проблем, от любой активной деятельности, способствующие формированию черствости, инфантильности и неспособности сопереживать человеческие трудности и трагедии, преодолевать жизненные трудности в критической ситуации. Такие дети имеют низкую адаптивность, легко поддаются влиянию других, становятся стадными людьми;

– стремление родителя (чаще матери) сделать так, чтобы у ребенка детство было беззаботным и легким, так как у него (нее) оно было трудным. В этом случае мать старается максимально обеспечивать материальное благополучие своего ребенка в ущерб личного. Чтобы это обеспечить она работает на пределе своих физических и психических сил, подрывая свои возможности. Такая позиция и действия родителя ведут к материальному извращению дитя. Ребенок привыкает у такого родителя к тому, что деньги и материальное благополучие его достаются легко и мать обязана их обеспечивать в том объеме, в каком проявиться его фантазия;

– нетребовательность родителей к сыну (дочери), не предъявление к нему (ней) необходимых требований из-за его (ее) болезни, боясь ухудшить здоровье. По своей сущности – это ничто иное, как гиперопека со всеми ее негативными последствиями;

- неумение пользоваться методами воспитания, особенно поощрением и наказанием; чрезмерная строгость (грубая родительская власть, применение физических наказаний) или попустительство;
 - противоречивость воспитательных воздействий (то чрезмерная строгость, то нетребовательность, попустительство, то запугивание, то завышенная строгость, то неуместные наказания и пр.);
 - отсутствие единства требований родителей в воспитании ребенка.
- В подобной воспитательной ситуации ребенок быстро адаптируется и начинает паразитировать. Он старается спекулировать на позиции того воспитателя, которая в большей степени его устраивает, сталкивая в конфликте своих родителей и многие другие.

Особенно важным фактором негативного влияния на ребенка в семье выступает не умение понимать и обеспечивать наиболее целесообразный пример для своего ребенка. Часто родитель думает, что его ребенок мал и ничего не понимает, или он родитель, значит ему все можно, а когда вырастит его ребенок, то и он сможет это себе позволить.

Как показывает практика недостатков и ошибок воспитания ребенка в семье много. В каждой семье они свои с учетом личного опыта родителей и стремлением к их выявлению, а главное критическому анализу того, что происходит в семье, в воспитании своего ребенка, своей роли в воспитании, личному поведению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Воспитание есть искусство, дело живое и творческое: матер. вторых междун. соц.-пед. калабалинских чтений, посв. А.С. Калабалину (Москва, 2 октября 2014 г.) / сост. и ред. Л.В. Мардахаева. – М.: Изд-во РГСУ, 2014.
2. Дриль Д.А. О применении принципа индивидуализации в деле воспитания // Самообразование. – 1902. – № 22. – С. 683–684.
3. Калабалин С.А. Педагогическое наследие и современность: матер. первых калабалинских чтений / сост. и ред. Л.В. Мардахаева. – М.: Изд-во РГСУ, 2013.
4. Калабалин А.С. Педагогические размышления: сборник / сост. и ред. Л.В. Мардахаев. – М.: Изд-во РГСУ, 2014.
5. Калабалина Г.К. Педагогические размышления: сборник / сост. и ред. Л.В. Мардахаев. – М.: Изд-во РГСУ, 2015.
6. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика: полный курс. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2015.

REFERENCES AND SOURCES

1. Suspendisse est ars, viva et efficax: mater. secundo gentium. SOC.-PED. korab-linsky lectiones, dedicavit. A. S. Kalabalin (Moscu, 2 Oct 2014) / primum sic proceditur. et editorship ex L. V. Mardahae. – M.: libellorum domus RSSU, 2014.
2. Exercitatio D. A. applicationem principium individualization in educatione // Sui. – 1902. – No. 22. – S. 683–684.

3. Kalabalin S. A. Paedagogica hereditatem et moderna]. primum korablinsky lectiones / primum sic proceditur. et editorship ex L. V. Mardahaev. – M.: libellorum domus RSSU, 2013.
4. Kalabalin A. S. Paedagogica considerationes: a scribendarum. et editorship ex L. V. Mardahaev. – M.: libellorum domus RSSU, 2014.
5. Kalabalina G. K. Paedagogica considerationes: a scribendarum. et editorship ex L. V. Mardahaev. – M.: libellorum domus RSSU, 2015.
6. Mardahaev L. V. Socialis paedagogia: totam quidem. – 6 ed., Rev. et extra – M.: yurayt, 2015.

ОТЦОВСТВО В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС

Ростовская Т.К., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора ИСПИ РАН по научной работе, зав. кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью РГСУ, Москва, Россия

Егорычев А.М., доктор философских наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодёжью Российского государственного социального университета, Москва, Россия

Зубанкова А.М., магистрант 2 курса ОРМ Российского государственного социального университета, Москва, Россия

Ключевые слова: русская культура и цивилизация, традиционная русская семья, отцовство, феномен отцовства.

Аннотация. Феномен отцовства является одной из наиболее важных и интересных областей родительства, одновременно наименее исследованных.

FATHERHOOD IN RUSSIA: HISTORICAL SOCIO-CULTURAL DISCOURSE

Rostovskaya T.K., dr. Sci. (Soc.) Prof., Deputy Acting Director of Institute Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences for scientific work, Head of the chair of social pedagogics and organization of work with young people of the Russian State Social University, Moscow, Russia

Egorychev A.M., doctor of Philosophy, Professor of the Department social pedagogy and work organization with youth RSSU, Moscow, Russia

Shubenkova A. M., master's student of the 2nd course of the Russian STATE social University, Moscow, Russia

Key words: Russian culture and civilization, traditional Russian family, fatherhood, phenomenon of fatherhood.

Abstract: The phenomenon of paternity is one of the most important and interesting areas of parenthood, while the least explored

Вопросы, связанные с феноменом отцовства, интересовали и интересуют многих отечественных ученых (Ю.Е. Алешина, М.Г. Воронцова, Т.А. Гурко, Н.М. Давыдова, Е. Здравомыслова, Б.И. Кочубей, И.С. Кон, Г. Крайг, З.Х. Саралиева, И.Г. Остроух, Л.М. Прокофьева, Г.Г. Филиппова, М.Ф. Валетас, Р.В. Овчарова, Л.Б. Шнейдер, др.).

Приступая к рассмотрению данной проблематики, необходимо учитывать, что феномен отцовства неразрывно связан с историей рождения и развития русской культуры и цивилизации, становлением традиционной русской семьи, ролью православной религии в утверждении духовно-нравственных основ русского общества.

Отцовство, как социокультурный феномен русского мира, исторически формировалось в динамике развития всех институтов и структур русской культуры, его народа, системе взаимодействия мужчины (мужа, отца) со всеми членами своей семьи, супругой, взаимоотношением с обществом. На его развитие оказал большое влияние традиционный уклад русского мира, исторически складывающийся русский быт. Исторически роль отца постоянно видоизменялась в зависимости от развития русской культуры, господствующей идеологии, социальных принципов и норм, преобладании смыслов и ценностей исторического периода, в рамках которой существовала русская семья.

Таким образом, феномен отцовства необходимо рассматривать как продукт непрерывного исторического процесса социализации мужчины в социокультурном пространстве своего национального сообщества.

В истории рождения, становления и развития русской культуры и цивилизации можно выделить четыре основных периода: *Древняя Русь*, *Православная Русь*, *Советский период*, *Современная Россия*, в рамках, которых, функционировала и развивалась русская семья, формировался и видоизменялся феномен отцовства.

Кратко обозначим и прокомментируем обозначенные периоды.

Древняя Русь (30–40 тыс. лет до принятия православия, 988 г.) – время рождения и становления русской культуры и цивилизации.

В современной науке существуют достаточно авторитетные и доказательные научные позиции о том, что возраст русской культуры и цивилизации исчисляется десятками тысяч лет (А.И. Асов, В.Н. Демин, Н.Р. Гусева, А.Г. А.М. Егорычев, Кузьмин, Ю.В. Мизун, Ю.Г. Мизун, Ю.Д. Петухов, С. Ляшевский, Б.Г. Тилак, др.).

К сожалению, от эпохи Древней Руси до нашего времени дошло мало прямых свидетельств о быте и жизни наших предков, системе общественных отношений, форме организации семьи и особенностях семейных отношений. Трудно судить о роли мужчины (мужа) в семье и его семейных функциях, но можно уверенно утверждать, что именно Древняя Русь явилась началом и основой рождения основ традиционной русской семьи, сложных социальных межпоколенных отношений, в целом – развития русской культуры и цивилизации. Накопленный опыт социального взаимодействия, организации семьи и четко отрегулированных семейных функций и отношений, составлял высшую ценность древнего русского мира, бережно сохранялся, оберегался, обогащался и находил выражение в устном народном творчестве – традициях, легендах, былинах, сказках, фольклоре, сложных магических ритуалах и преданиях.

Весь исторический путь социокультурного развития русского мира, начиная с родоплеменного сообщества, органично связан с процессом развития семьи как сложной общественной системы. Именно крепкая многодетная семья позволяла выживать русскому этническому сообществу, осваивать новые территории, уверенно прокладывать путь в будущее. Семья родоплеменного сообщества Древней Руси была большая, зачастую объединяла 2-3 и более поколений родичей: родителей сыны (деды и прадеды), мужа и жену,

многочисленных детей, иногда включала близких родственников (тетушки, племянники, др.).

Тщательный анализ истории Древней Руси, позволяет заключить, что существование и развитие крепкой многодетной семьи Древней Руси было возможно лишь при следующих основных условиях:

- её поддержке (административной, хозяйственной, защитной, др.) всем родоплеменным сообществом русского мира;
- наличие чувства любви и привязанности друг к другу всех членов большой русской семьи;
- руководящей роли мужчины (мужа) в семейных делах, признании и поддержке его авторитета всеми членами семьи и родоплеменного сообщества.

В своём органичном единстве, обозначенные три основных условия, позволяли уверенно строить и развивать русскую семью со своим традиционным укладом, внутрисемейными отношениями.

Хозяин (большак, муж, отец) принимал на себя все заботы по защите своей большой семьи, её материальному и нравственному благополучию. Все его решения и распоряжения подлежали обязательному исполнению. Исторически сложившаяся традиция распределения функций членов большой русской семьи, выполнения многочисленных хозяйственных дел, учитывала их пол, возраст и опыт. В выполнении хозяйственных дел по дому и хозяйству, которые распределял её глава, участвовали все члены семьи, включая всех детей.

Русская семья Древней Руси выступала:

- *основной ячейкой* родоплеменного союза русского мира, основой его выживания и развития;
- *хранителем* глубоких семейных традиций и коллективного опыта в организации семьи (семейных отношений) и родоплеменного хозяйства;
- *воспитателем* подрастающего поколения, его подготовки к жизни, созданию семьи, труду на благо своей рода и племени, формировала нравственные основы поведения и взаимодействия с окружающим миром, отношения к Высшим силам и Матушке-природе.

Вся сложная жизнь большой русской семьи была связана многочисленными семейными традициями и ритуалами, проникнута разнообразными духовными совместными практиками. В основе всех межпоколенных семейных отношений присутствовала исторически выработанная и утвержденная система социальных отношений, основанная на большом уважении к старшим (старикам, родителям, главе семьи). Именно такая иерархия позволяла нормально функционировать и развиваться русской семье, развиваться всему русскому сообществу.

Главным институтом воспитания в Древней Руси являлась семья, управление которой осуществлялась её главой (мужем и отцом). В процессе организуемой главой семьи хозяйственной деятельности, распределялись обязанности по её выполнению. Детей приобщали к выполнению разных семейных дел, начиная с раннего возраста. Отец строго следил, чтобы все дети были задействованы в общем семейном хозяйстве. В процессе совместной се-

мейной хозяйственной деятельности, участия в различных семейных традициях и ритуалах и происходило воспитание детей.

Необходимо отметить, что начиная с древних времён, на Руси воспитанием подрастающего поколения занимались также самые различные представители общественных структур родоплеменного сообщества: вожди, старейшины, жрецы, старые воины, охотники, специалисты по определённому виду деятельности (выделке шкур, изготовлению наконечников для стрел и копий, приготовлению пищи, сооружению жилища, нахождению и сбору съедобных и лекарственных растений, выполнению необходимых магических ритуалов, многому др.). Система их воспитательного воздействия определялась образом жизни рода и племени, а также теми нравственными нормами и представлениями, которые определяли мировоззрение древних русских (славянских) племён. Это было общественное воспитание, четко организованное и хорошо управляемое.

Наши далёкие предки прекрасно понимали, что всё благосостояние рода и племени, как материальное, так и духовное, зависит от основ, заложенных в сознание подрастающего поколения. Знания этих основ отражали великие законы природы и космоса, исполнение которых позволяло уверенно строить свой бытийный мир, формировать человека, соответствующего природной и космической гармонии, нравственным нормам русского мира.

Многотысячелетний опыт Древней Руси в жизненной организации русской семьи, бережно хранимый и передаваемый от поколения к поколению, позволил:

- создать уникальную русскую семейную культуру, включающую: систему семейных отношений всех её членов, основанную на любви и уважении, включая прекрасные семейные традиции, ритуалы и фольклор, которая содержала большой опыт воспитания подрастающего поколения на духовно-нравственных ценностях русского мира;

- сформировать в общественном сознании родоплеменного сообщества Древней Руси отношение к семье как необходимой норме жизнеосуществления русского человека;

- сформировать образ главы традиционной русской семьи, любящего мужа и заботливого отца, возложившего на себя всю ответственность за материальное и духовно-нравственное благополучие семьи.

Таким образом, подводя итог краткому анализу феномена «отцовство» в контексте развития русской культуры и семьи Древней Руси, можно говорить о том, что *отцовство*:

- являлось важным фактором, определяющим сплоченность социальной семейной общности и основой формирования культуры взаимоотношений, как в семье, так и во всем русском этническом сообществе;

- являясь важной частью мужской идентичности, выступало условием социальной самореализации мужчин, подтверждением его высокого общественного статуса и положения;

- выступало механизмом, активизирующим процесс формирования и развития основ норм семейной нравственности и семейного права, а также утверждения общественной и государственной власти.

2. Православная Русь (начало принятия православия, 988 г. – начало XX века).

Понятие семья, имеет глубокие исторические социокультурные корни, в древнерусском языке, оно обозначало членов рода, которые проживают на одной территории, и при этом, не имеют кровного родства. Русская семья и русское общество, выступали единой социальной общностью.

Необходимо отметить, что приоритет русской семьи, ценность ее в социальном воспитании и развитии человека и общества закреплялась во многих нормативных и законодательных актах. В российском социуме уже с XXII века, исторически сложилась система регуляции семейных отношений.. Была четко закреплена форма вступления в брак, определились условия для его заключения. Постепенно формируется бракоразводное право.

Основным законодательным документом на Руси в XVI–XVII веках, который регулировал семейно-брачные отношения, выступали документы, принятые Стоглавом (1551 г.). Были определены многие факторы и условия, которые регулируют брачный союз. Значимую роль также играл «Домострой» (XVI в.), сборник правил, распределение обязанностей и практических советов по всем направлениям жизнедеятельности русской семьи, написанным протопопом Сильвестром. В сборнике отражены многие хозяйственные, общественные, религиозные вопросы.

Необходимо отметить, что значительное влияние на развитие русского семейно-брачного права оказал Петр I. Его реформы позволили изменить характер обручения и подготовки к жизни подрастающее поколение.

Православная Церковь оказала огромное влияние на формирование духовно-нравственных основ русской семьи. Она объявила обручение обязательным священным ритуалом (таинством), придав ему форму нерасторжимого договора.

В дореволюционной России семейно-брачные отношения строились преимущественно на основе исторически сложившегося патриархального уклада жизни русского народа и православной веры. Венчание и рождение детей выступало основным смыслом жизни русского человека. Вся семейная жизнь русского человека была органично соединена с духовно-нравственными смыслами и ценностями православия, поддерживалось государством.

Православная церковь и русское государство этого периода (1917–1991 гг.), всей своей идеологией поддерживало и укрепляло традиционную русскую семью, авторитет отца и мужа.

3. Советский период (1917–1991 гг.) – период построения первого в мире социалистического государства, основанного на государственной и общественной собственности.

Основы советского законодательства, касающиеся семьи, были заложены сразу после Октябрьской революции декретом о расторжении брака и декретом о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния от 18 и 19 декабря 1917 г. А уже в сентябре 1918 г. эти декреты были введены в «Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве».

Настоящий Кодекс отражал новую идеологию строящегося социалистического государства и общества, которая устанавливала новые основы брачно-семейных отношений [5]: 1) единое брачное право на территории всей РСФСР.

2) полную добровольность брака;

3) гражданскую форму брака и развода, как и вообще всех актов гражданского состояния (религиозные обряды объявляются частным делом и не имеют никакого юридического значения, акты гражданского состояния ведутся государственными органами, оформление брака в этих органах путем регистрации обязательно, без такого оформления брака нет);

4) полное равноправие супругов;

5) свободу развода, который производится, если нет согласия обеих сторон, судом, а по заявлению обеих сторон – органом записи актов гражданского состояния (ЗАГСом);

6) полное уравнение правового положения детей, независимо от того, рождены ли они в браке или нет;

7) осуществление родительских прав исключительно в интересах детей,

8) взаимную обязанность алиментирования: а) родителей и детей, б) других восходящих и нисходящих, в) супругов, а также братьев и сестер (при условиях, указанных в законе);

9) раздельность имущества супругов.

Понятно, что новые подходы, положенные в основу в семейно-брачных отношениях, полностью исключали многие предыдущие положения до революционного семейно-брачного права:

– отменено обязательное согласие родителей или работодателей на брак;

– различие в вероисповедании или расовой принадлежности брачующихся перестало препятствовать заключению брака;

– перестало признаваться препятствием к заключению брака отдаленное родство и определенное свойство лиц, вступающих в брак;

– впервые закреплено равенство женщин и мужчин в сфере брака и семьи;

– установлен единственно допустимым – моногамный брак;

– уравнивались в правах дети, рожденные в браке и внебрачные;

– воспитание детей – общественная обязанность родителей, а не их частное дело;

– общество имеет право вмешиваться в воспитание детей;

– устанавливалась процедура признания отцом по заявлению матери в отношении внебрачных детей, чей отец не известен;

– появились алиментные обязательства перед нетрудоспособными и нуждающимися дедами, бабушками, внуками, братьями или сестрами трудоспособных родственников.

В декабре 1917 г. принят Декрет «О расторжении брака». С этого момента все дела о разводе, по которым окончательно не было принято решение духовными консисториями или Синодом, признавались ликвидированными, а развод должен был быть произведен в установленном Декретом порядке.

Таким образом, Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» (1917 г.) и в дальнейшем «Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» (1918 г.), закрепил основное положение новой советской идеологии о том, что законная форма семейного союза – гражданский брак. Согласие и одобрение церкви не требовалось. Более того, церковь признавалась ненужным социальным институтом и даже вредным для социалистического общества. Её учение о духовности и нравственности полностью заменяла социалистическая мораль.

В советский период (1917–1991 гг.) в России осуществлялась государственная политика, приоритетом которой было общественное воспитание подрастающего поколения.

Позицию коммунистической идеологии в воспитании детей в семье, рассматривались в трудах крупных советских политиков и ученых (Н.К. Крупская, П.П. Блонский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, др.). Взгляды на семейное воспитание посвящены также работы И.В. Гребенникова, Л.И. Гриценко, С.А. Литвинова, А.М. Прихожан, В.И. Смирнова, П.М. Якобсон, Н.Д. Ярмаченко, мн. др.

Роль первого места в воспитании детей, подростков и молодежи отводилось советской школе и детско-молодежным организациям. Семья в этой важной воспитательной функции, переместилась на второе место, что заметно повлияло на распределение семейных ролей и всю систему семейных отношений.

Активный процесс становления новой, социалистической семьи, основанной на гражданском браке, позволил сформировать равноправие мужчины и женщины во всех социальных сферах жизнедеятельности, включая семейные отношения, что повлияло на характеристику и роль отцовства. Отметим роль и основные функциональные обязанности мужа и отца в семье:

Во-первых, он призван показывать образец социалистического поведения для своей жены и детей, идеал проявления трудовой культуры и политической грамотности, нетерпимости ко всему антиобщественному и аморальному.

Во-вторых, создавать благоприятные семейные условия для формирования основ разносторонней деятельности (умственной, трудовой, спортивно-оздоровительной, др.) у своих детей и развития их самостоятельности.

Таким образом, произошедшая трансформация семейно-брачных отношений в советский период привела к существенным изменениям функций отца и мужа, его роли в семейных отношениях, значительно снизив его статус управленца, защитника, воспитателя и добытчика, а также стала причиной серьезных социальных последствий:

- разрушена многотысячелетняя модель традиционной русской семьи, с выверенной системой семейных отношений и традиций, руководящей ролью мужа и отца, защитника и воспитателя.

- практически вытравлена из памяти и сознания русского народа православная вера, которую предки несли многие столетия, творя Святую Русь.

Вышеобозначенное выступало её прочными скрепами.

Весь исторически накопленный опыт становления и развития русской (российской) семьи не исчез бесследно, согласно воззрениям К.Г. Юнга, он навечно вошел в архетип исторической памяти русского народа, сформировав его ментальность. Наступило новое время, Россия настойчиво ищет свой путь развития и достойное место в мировой цивилизации. Меняются социальные ориентиры, предаются забвению многие смыслы и ценности. Современный институт семьи находится в состоянии кризиса. Для России необходимо время для осмысления, как своего отечественного исторического социокультурного опыта, так и тех процессов и тенденций, которые начинают определять будущие ориентиры социокультурного пространства мировой цивилизации, где особую роль будет играть институт семьи. Для России эта проблема носит жизненный характер. Сохранение традиционных смыслов и ценностей российской семьи – есть непременное условия сохранения и развития духовных основ общества, воспитания подрастающего поколения, готового честно служить своей Отчизне. Это возможно лишь при сохранении и развитии полной семьи, с сохранением традиций отцовства, роли мужчины в укреплении семейного благополучия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Володина Л.О. Духовно-нравственные ценности семейной жизни крестьян Вологодской губернии конца XIX – начала XX века (по документам ГАВО) // Историческое краеведение и архивы: матер. област. научно-практич. конф. – Вологда, 2009. № 15. – С. 35–45.
2. Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX -начала XX века: монография / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева. – М.: Ладомир, 2004.- Кн. 1.- 756 с.
3. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи: монография. – М., 1974. – 311 с.
4. Эрих Фромм. «Искусство любить. Исследование природы любви». URL: <https://mybook.ru/author/erih-fromm/iskusstvo-lyubit/read/> (дата обращения: 01.04.2018)
5. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР: монография. – М.: Мысль, 1979. – 365 с.
6. Этнические стереотипы мужского и женского поведения: сб. статей / Отв. ред. А.К. Байбурин, И.С. Кон // АН СССР. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – СПб: Наука, 1991. – 400 с.
7. Юрина Т.В. Анализ социальных последствий политики советской власти в 1920-е гг. и 1930-е гг. в области семьи, материнства и детства // Исторические записки. – 2011.- № 15 – С. 236–260.
8. <http://lawbook.online/sovetskoe-zakonodatelstvo-kniga/sovetskoe-zakonodatelstvo-seme-40754.html> (Дата обращения: 22.04.2018 г.)

REFERENCES AND SOURCES

1. Volodina L. O. Spiritual and moral values of family life of peasants of the Vologda province of the end of XIX – the beginning of XX century (according to GAVO's documents) // Historical local lore and archives: mater. areas. scientific-practical. Conf. Vologda, 2009. No. 15.- P. 35–45.

2. Russian family and sexual culture through the eyes of historians, ethnographers, writers, folklore, legal scholars and theologians XIX-early XX century: monograph / Resp. N. L. Pushkareva. – Moscow: Lodomir, 2004.- kN. 1.- 756 p.
3. Semenov Yu. I. the Origin of marriage and family: monograph. – M., 1974. – 311 p.
4. Erich Fromm. "Art of love. Study of the nature of love". URL: <https://mybook.ru/author/erih-fromm/iskusstvo-lyubit/read/> (accessed: 01.04.2018)
5. Harchev A. G. Marriage and family in the USSR]. – Moscow: Mysl, 1979. – 365 p.
6. Этнические стереотипы мужского и женского поведения: сб. статей / Отв. ред. А.К. Байбурин, И.С. Кон // АН СССР. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – СПб: Наука, 1991. – 400 с.
7. Юрина Т.В. Анализ социальных последствий политики советской власти в 1920-е гг. и 1930-е гг. в области семьи, материнства и детства // Исторические записки. – 2011.- № 15 – С. 236–260.
8. <http://lawbook.online/sovetskoe-zakonodatelstvo-kniga/sovetskoe-zakonodatelstvo-seme-40754.html> (Дата обращения: 22.04.2018 г.)

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПИТАНИЯ В ОСЕТИНСКОЙ СЕМЬЕ: ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Дзуцев Х.В., доктор социологических наук, профессор, заведующий отдела Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г.Владикавказ, Россия

Ключевые слова: межпоколенная трансмиссия, культурная традиция, горец, горянка, религиозное воспитание, трудовое воспитание, военно-спортивное воспитание, природная среда, родственная солидарность, мужское достоинство и женская честь, народное творчество, магические действия, аталычество.

Аннотация. данная статья написана на материалах этнографической литературы и панельных этносоциологических исследованиях, проведенных в сельских (2013 г.) и городских (2014 г.) населенных пунктах. Объем выборки пропорциональный: по 250 человек в сельской и городской местностях. Исследование проведено Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, Институтом социально-политических исследований РАН и Северо-Осетинским госуниверситетом им. К. Л. Хетагурова.

EVOLUTION OF EDUCATION IN THE OSSETIAN FAMILY: ETHNOSOCIOLOGICAL ANALYSIS

Dzutsev Kh. V., doctor of sociology, Professor, head of the Department of the Institute of socio-political studies of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of sociology of political and social processes of the North Ossetian state University. K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia

Keywords: intergenerational transmission, cultural tradition, knotweed, Mountain Girl, religious education, labor training, military education and sports, natural environment, akin to solidarity, the dignity of men and women of honor, folklore, magic acts atalychestvo.

Abstract: This article is written on the materials of the ethnographic literature, and ethno-sociological panel studies conducted in rural areas (2013) and the city (2014 g) settlements. The sample size is proportional: 250 people in rural and urban areas. The study was conducted of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research. VI Abaeva, Institute of Socio-Political Research and the North Ossetian State University them. KL Khetagurova.

Большое значение в осетинской семье придавалось рождаемости и детности. Естественно, что не меньшее значение придавалось воспитанию детей, межпоколенной трансмиссии культурной традиции. Образец настоящего горца и настоящей горянки требовал всестороннего физического, трудового, нравственного, эстетического и религиозного воспитания. При этом в широких слоях населения большее значение придавали одним сторонам воспитания (например, трудовому), в – аристократических – иным (скажем,

военно-спортивному), но в принципе все семьи стремились к тому, чтобы воспитание было гармоничным. «Лучше совсем не иметь потомства, чем иметь плохое потомство», - гласит осетинская пословица.

В воспитании детей имелись два возрастных рубежа, соответствовавших приблизительно 6-8 и 10-12 годам и выявлявших традиционные половозрастные градации. Лет до 6-8 дети, независимо от пола, пользовались большой свободой. Все дети бегали, играли, непринужденно общались друг с другом. Запрещалось относительно немного: например, чтобы мальчики и девочки вместе купались в реке. Приобщение детей к труду сводилось к таким незначительным занятиям, как, например, подать какую-нибудь легкую вещь, но затем девочек начинали постепенно обособлять от мальчиков и, как правило, раньше привлекать к работам по хозяйству. «Уже к девочке 6-8 лет, – писал М.А. Мисиков начинают предъявлять более строгие требования, нежели к одноплеткам-мальчикам» [1, 69]. Ее посылали с поручениями, за водой, за хворостом, приучали к уходу за младшими детьми и к обслуживанию старших членов семьи. Привлекали ее к уборке дома и к приготовлению пищи, к работе на огороде и в особенности к различным женским домашним промыслам и рукоделиям: обработке шерсти, шитью, вязанию, вышиванию и т.д.

Лет в 10-12 наступал следующий возрастной рубеж. Обособление полов становилось более строгим. Из общего помещения дома, где дети могли спать вместе с родителями или старшими членами семьи, мальчиков переводили спать в гостевое помещение – кунацкую, а если была возможность – в отдельную комнату. В это же время подростки получали новый, более полный комплект одежды, а на девочек надевали корсет. Теперь девочка, даже если она еще не развилась физически, должна была вести себя как девушка. Ей не разрешалось покидать дом с наступлением темноты, уходить далеко от дома, оставаться наедине с посторонними подростками, юношами или мужчинами, которым до нее нельзя было притронуться пальцем. В то же время не возбранялись типично девичьи игры, такие, как, например, «в классики».

С того же времени воспитание мальчиков, которое до сих пор в основном находилось в руках женщин, становилось главным образом делом мужчин. Подростков из широких слоев населения начинали всерьез приучать к крестьянскому труду [2, 9]. Их учили работать в поле – погонять тягловых животных, а затем выполнять все другие земледельческие операции, пасти и гонять на водопой лошадей, обрабатывать на горных пастбищах молочные продукты, делать мужские работы по дому – заготавливать дрова и сено, строить и ремонтировать дом, изготавливать и чинить домашний сельскохозяйственный инвентарь. «В 13-14 лет мальчик, – отмечал К.Л. Хетагуров, - становился помощником отца во всех отраслях хозяйства, а к 16-ти годам свободно управлялся с сохой, владел топором, серпом и косой. С этих лет он делался взрослым, с правом голоса, членом семьи» (3, 340–341).

В процессе трудовой деятельности подростки закаливались физически, но такой подготовкой не ограничивались. В соответствии с традициями патриархальнофеодального быта большое внимание уделялось также и тому, чтобы сделать из подростка хорошего джигита.

Уже ребенком мальчика учили верховой езде, поощряли в нем любовь к физическим играм и состязаниям. Таких игр у осетин, как и у соседних народов Северного Кавказа, было великое множество, и характер их зависел не столько от этнокультурных традиций, сколько от природной среды. В горах мальчиков учили скалолазанию и переходу через горные потоки (вброд, вплавь, с шестом и т.д.), ходьбе по льду в особой, мехом наружу, обуви; на плоскости – скачкам и джигитовке; повсеместно – лазанию, бегу, перетягиванию каната, умению карабкаться по гладкому, смазанному жиром столбу или промасленному канату. Важной составной частью такого воспитания были обращение с холодным оружием и стрельба по цели, сперва из лука или пращи, а затем и из огнестрельного оружия. Повсеместно же были распространены борьба, подъем и метание тяжелых камней и т.п. (4).

Нередко подросток уже имел коня и оружие и участвовал не только в конноспортивных состязаниях, но и в вооруженных схватках. «Гимнастические упражнения,- писал М. Венедиктов о детях, – много способствуют укреплению физического их организма. Оттого они редко подвергаются болезням при самом суровом образе жизни... Дети, пока не в состоянии владеть огнестрельным оружием, стреляют в цель из лука. Для сего лук натягивается двойною тетивою, посредине коей двойная бечевка соединена ремешком, куда вкладывается камень. Этим способом они так метко бросают камешки, что убивают на высоких деревьях птиц. Приучаясь таким образом определять расстояние и приобретая навык и твердость в руке, впоследствии они очень метко стреляют из ружей и пистолетов» (5, 36–37).

Конечно, уже во второй половине XIX в. прежней необходимости в военной подготовке не было – она исчезла где-то в середине столетия вместе с феодальными раздорами и набегами. Однако традиции такой подготовки поддерживались еще сохранявшимися обычаями грабительских набегов и кровомщения, а также конноспортивными состязаниями, которые оставались излюбленным праздничным развлечением народа.

Подросших девочек иногда также учили верховой езде и умению обращаться с оружием, но в пореформенное время это уже выходило из обыкновения. Зато теперь, когда большие семьи все чаще превращались в малые, значительное внимание уделялось приобщению девушек к домашнему хозяйству. В больших семьях, как мы уже знаем, главными работницами были невестки, а дочерям только прививались хозяйственные навыки, чтобы они могли использовать их по выходе замуж; в родительском доме их преимущественным занятием было рукоделие. В малых же семьях подросшим дочерям приходилось во всем помогать матери. По свидетельству И.Д. Канукова, «до 11-12 лет осетинка нянчит своих младших братьев и сестер, участвует вместе с матерью в полевых работах, носит воду с речки в кувшинах и тяжелых деревянных ведрах, загоняет домой скот, вернувшийся с пастбища; еле прикрытая старыми лохмотьями и почти босая, она бежит за матерью на мельницу и возвращается назад голодная и холодная. После 12 лет на плечи осетинской девочки ложатся более трудные домашние дела, а к 15 годам она уже выполняет всю работу по дому, которая до этого лежала на матери».

Из прививавшихся детям нравственных качеств особое значение придавали чувству долга и родственной солидарности, дисциплинированности и вежливости, сознанию мужского достоинства и женской чести. Человек из хорошей семьи, с хорошей репутацией не мыслился без знания народных обычаев и правил этикета – «ирон æгъдæуттæ». Помимо досконального знания норм взаимоотношений между старшими и младшими в семье, о чем уже говорилось раньше, дети должны были хорошо усвоить нормы поведения в обществе. Они должны были помнить, что каждый взрослый вправе попросить их об услуге, и отказаться в ней нельзя. Им полагалось помнить все знаки внимания, оказываемые мужчиной женщине, а женщиной мужчине. Нужно было в совершенстве изучить законы гостеприимства и его изощренный этикет и т.д. и т.п.

В эстетическом воспитании главную роль играло народное художественное творчество. Своего рода очагами художественной культуры были кунацкие, где по стенам висело не только оружие, но и музыкальные инструменты, а мужчины собирались не только при приеме гостей, но и в будничные свободные вечера. Здесь слушали заезжих сказителей и певцов и показывали свое собственное искусство. Здесь была своего рода высшая школа эстетического, да и нравственного воспитания. «Сын всякого горца, – писал по этому поводу И.Д. Кануков, – а в особенности сын лица высокопоставленного в народе, проводил все свое детство в кунацкой. Там была вполне его школа. Тут, вращаясь среди гостей, он научался народным обычаям, научался уважать гостей и стариков, каковые качества характеризуют вполне благовоспитанного юношу (6, 372).

И мальчиков, и девочек учили игре на музыкальных инструментах и танцам, одаренного подростка могли послать на выучку к известному в народе поэту или певцу. Широкое участие принимали подростки в театрализованных свадебных и календарных обрядах, инсценировках и т.д. Немалое художественное воздействие на подрастающее поколение оказывали изделия прикладного искусства, распространенные в быту даже небогатых семей. Девочки развивали свой художественный вкус, обучаясь вышиванию и златоткачеству, для чего их даже нередко собирали в домах искусных мастериц. Для мальчиков такую же роль играла резьба по дереву, а в семьях ремесленников – художественная обработка камня и металла.

Весь уклад жизни осетинской семьи способствовал религиозному воспитанию детей. Практически все дети носили амулеты и были свидетелями, а по мере подрастания – и участниками семейных и общественных культов. Немногие религиозные обряды и праздники обходились без участия подростков, а в некоторых они даже играли самую активную роль. Вот несколько примеров. У осетин одним из самых значительных праздников годового цикла, так же как и у других народов, был праздник Нового года – «ногбон» (буквально «новый день», по-дигорски «анзисæр» – «голова года»). Существенным моментом этого праздника было внесение огромного новогоднего полена, которое называлось «ногбоны кьодах» или «дæрнæн хъæд». Его вносили после заката солнца и ставили в центре очага. К моменту вноса полена

хозяйка приготавливала три пирога, затем ставила их на полено, которое зажигали. Хозяин дома произносил молитву, чтобы внесение полена оказалось к добру, чтобы семья его от года к году не знала недостатка в дровах и пище. Мальчики должны были перепрыгивать через зажженное полено, что, по мнению осетин, стимулировало рождение в семье в наступающем году мальчиков. Перепрыгнувшие считались предохраненными от прыщей и других заболеваний в течение будущего года. А чтобы в наступающем году скот давал приплод женского рода, через полено должны были прыгать девочки. В то же время взрослым мужчинам и женщинам переходить через ««дæрнæн хъæд»» не разрешалось.

Д. Фрээр (7,124) связывал обычай зажигания рождественского полена с древним языческим праздником огня, который устраивали в честь зимнего солнцестояния. Этот обычай был широко известен во всей Европе, но особой популярностью пользовался во Франции, Англии, у южных славян. До половины XIX в. обычай зажигания рождественского полена сохранялся в центральной Германии, где его ставили у основания очага. Везде, где существовал этот обычай, полену приписывали способность защищать жилье в течение целого года от молнии, увеличивать урожай, исцелять скот от болезней, ограждать от ведьм, дьяволов. Южнославянские крестьяне верили, что у хозяйки дома будет столько телят, ягнят, поросят, козлят, сколько искр вылетит из загоревшегося полена. Огню в народных поверьях приписывалась животворная и плодотворная сила, и человеческая плодовитость, по мнению Д. Фрэзера, в известной мере зависела от благодатного действия этих огней.

Праздничному новогоднему ужину предшествовал обряд, по которому глава семьи в сопровождении детей отправлялся в хлев, взяв с собой три пирога, три свечи, водку и масло в маленькой миске, которым он мазал спины скоту и молил, чтобы они были такими жирными, как это масло. Затем опять в сопровождении детей шел на ток и молил, чтобы в будущем году на току было изобилие.

Перед Новым годом с приношением и молением ходили в старый дом «зæронд хæдзар», который использовали для хозяйственных целей. Делали это для того, чтобы традиции старого «бынаты хицау» («домового») жили и в новом доме.

К новогодней ночи заблаговременно старались заготовить сухого хвороста, кукурузной соломы. И в новогоднюю ночь на улице напротив каждого дома из этого хвороста мальчики выстраивали пирамиды и поджигали их почти одновременно. Затем, когда костер уже заметно уменьшался, мальчики брали горящие головешки и устраивали уличные бои. Дети с увлечением собирали также высохшие прутья синеголовника исполинского – «сырхы хос». Этим лекарственным растением осетины лечили рожистые воспаления, ожоги. Детей же в этом растении привлекали не лечебные свойства, а то, что оно очень эффектно горело. При горении трава сильно трещала, и от нее во все стороны разлетались искры. Осетины считали, что от того, кто первым придет поздравить семью с Новым годом, зависело благополучие семьи в текущем году. Поэтому чаще всего в роли поздравителей выступали мальчики.

В Северной Осетии колядки назывались «хæдзаронтж», а дети – и «хæдзаронтæ», и «басылгур» – «просящие басыл» (изображение человеческой фигуры, выпеченной из теста). Надев маски, они отправлялись колядовать и поздравлять с Новым годом из дома в дом, обходя стороной лишь те дома, в которых в течение года случалось несчастье. Существовал и другой вариант поздравления. Мальчики набирали в дровяном сарае хозяев как можно больше щепок и, входя в дом, рассыпали их по полу со словами: «Дай вам Бог столько счастья, да застанут вас будущие годы в лучшем виде». Поздравителям давали угощение (выпеченные из теста «басылтæ») и просили сплясать.

Утром нового года во дворе каждого семейства разжигали костры. Дети жарили на костре шашлык из жирного мяса и восклицали: «Жир, жир, да сгорят глаза колдуна». Нередко это был не шашлык, а куски жира, которые нанизывали на палку и держали над огнем. Когда жир трещал, дети кричали: «Хин, кæлæн чи кæны уый цæстытæ ацы арты басудзæнт» («Пусть сгорят в этом огне глаза хитрецов и колдунов»).

В феврале осетины праздновали масленицу – «цæрвкъахæн». Этот праздник считался преимущественно праздником Святого Аларды, и в эти дни старались умиловить его. Каждый мог есть масла сколько угодно. Мальчики, играя в альчики или другую игру, старались выиграть друг у друга порцию масла.

Перед днем Святого Тутыра (одно из главных божеств в осетинской мифологии, властелин, хозяин волков, покровитель людей, ворующих скот) осетины соблюдали пост. Перед этим посуда, где готовили жирную пищу, тщательно вычищалась. Если в доме не было маленьких детей, то хозяйка просила «почистить» столы соседских ребятишек. Интересно, что дети, особенно пастушки, также должны были поститься. Чтобы удержать их от соблазна съесть недозволенное, родители пугали их тем, что у тех, кто съест, перекривится рот. Обычай поститься в дни Тутыра обязан своим возникновением вере в магическую силу подражательных действий, в данном случае – твердому убеждению в том, что, отказываясь от пищи, человек мог заставить волка голодать, то есть не трогать стада скота.

Таким образом, в основе этого обычая лежат имитативные магические действия. В день Святого Тутыра делали амулеты, которым суеверие осетин приписывало особую силу. В дни празднования Святого Тутыра детей водили в кузницу, и кузнец, положив их ручки на наковальню, слегка ударял по ладоням, приговаривая: «Уас-хуас, уас-хуас» («Пусть Тутыр будет вашим покровителем»). Считали, что отданным таким образом под покровительство Святого Тутыра детям ничто не должно было угрожать.

Осенний праздник «Хоры бон или Хоры Уацилла» («хлебного Ильи») был днем запашки озимых и ставил своей целью обеспечить урожай для будущего года. К этому дню готовили человеческие фигурки из теста, жарили зерна проса, варили зерна кукурузы и готовили напиток «къуымæл» (брага, квас). Все это расставляли на столах и старший в семье произносил молитву. К нему подносили зерно в чашке или в блюде и высыпали ему в полу. Все младшие и женщины приготавливали свои полы и шапки для зерна. Старик брал в руки

горсть зерен и спрашивал: «Чего вы просите?» Мальчики кричали: «Хлеба, Хлеба!» И тогда старик через очаг бросал зерна со словами: «Да даст вам Бог хороший урожай!» И это повторялось до тех пор, пока не кончались зерна у старика. Затем дети грызли зерна и мазали друг друга в этот день тестом.

Когда осетины праздновали пасху, для детей готовили «гуыл» – продолговатую лепешку, начиненную сыром, варили яйца. Пирог и вареные яйца клали у изголовья детей. В день пасхи, на рассвете, матери будили их, приговаривая: «Вставай скорее, была тут пасха на хромой лошади. Она поела сыр твоего пирога, оставила тебе корки, съела желток яйца, оставила тебе только белки».

В первый четверг после пасхи осетины отмечали «великий четверг» – праздник «дзуаров» (святых) и мертвых. В этот день во многих местах родители приводили малолетних детей к «дзуарам» и просили покровительствовать им. Специально для этого дня варили пиво, откармливали и потом закалывали барана. В великий четверг собирались сельчане на «куывд», посвященный детям, и угощались. В Куртатинском ущелье, когда мальчику исполнялось три года, в этот день над ним совершали так называемый обряд «цæуæггаг» (дословно «в честь того, кто начинал ходить»). Под этим названием, по одним сведениям, подразумевалось то, что мальчик с этого возраста мог посещать свадьбы, похороны (разумеется, в сопровождении взрослых), по другим сведениям – этот обряд означал как бы прочное становление на ноги, принимая во внимание смертность детей в раннем возрасте. В день совершения этого обряда мальчику шили и надевали полный комплект мужской одежды со всеми его деталями, включая и сделанный из дерева кинжал. В доме готовили угощение, приглашали односельчан. Мальчика в сопровождении молодежи отправляли к святилищу Матери Марии. Сюда же собирались все остальные, однако только в том случае, если детей этого возраста набиралось в селе несколько человек. Детям делали деревянные стрелы, на острие которых нанизывались пестрые кусочки ткани, предпочтительнее шелковой. Если такой ткани не оказывалось в доме, то просили у кого-нибудь. После произнесения молитвы мальчикам, над которыми совершали этот обряд, обнажали головы и выстригали волосы в виде креста.

За неделю до пасхи, в воскресенье, праздновали «къутугæнæн» – приготовление «къуту» (сапетки для хранения зерна). В этот праздник для мальчиков дома выпекали булочки в виде конусообразных сапеток или различных фигур животных. Сами мальчики запасались к этому дню луком и стрелой. Каждый желающий принять участие клал на заранее условленном расстоянии свою булку и стрелял в нее. Тот, кто попадал в булку («къуту»), пользовался правом откусить от нее сколько мог в один прием.

К ноябрю относили праздник Цыппурс. Справлялся этот праздник мальчиками 10-12 лет. Условившись вместе праздновать, мальчики с тремя пирогами отправлялись к пастуху и просили у него козла. Затем они собирались в какой-нибудь кунацкой и приносили каждый с собой пироги, сыр, яйца. Приглашали более старшего мальчика зарезать козла. После того, как козла отваривали, шли с его головой и шкурой к какому-нибудь хозяину, от-

давали их ему, а взамен получали мед. Возвратившись в кунацкую, они продолжали пиршество.

Среди многочисленных поминок, которые устраивали осетины, был и так называемый «лæппуты хист» («поминки для мальчиков»). Ко дню поминок готовили квас, пекли хлеб, варили зерна пшеницы, кукурузы или фасоли. Собирали мальчиков- односельчан и раздавали им все это. В Дигории на похоронах устраивали состязания «бырæнхъил» (дословно – «шест для лазания»), в которых принимали участие юноши до 15 лет. На конце длинного шеста, густо смазанного салом или жирным бульоном, привязывали какой-нибудь предмет из одежды умершего, или деньги. Кто первым достигал конца шеста и снимал с него предмет, тому он и доставался. Взбиравшемуся разрешали брать с собой под рубашку золу. Золой мальчик натирал шест, чтобы руки не скользили. Достигнув вершины, он снимал шапку и надевал ее на вершину шеста, высота которого достигала 6-8 м.

Мы привели несколько наиболее ярких примеров такого религиозного воспитания детей, в котором сквозь поверхностный слой мировых религий проглядывает толща вообще свойственных осетинам домонотеистических верований и обрядов. Но в действительности религиозное воспитание этим не ограничивалось. В христианских селениях дети вместе со старшими родственниками ходили в церковь, в мусульманских – лет с двенадцати совершали намаз и посещали мечеть.

Общеобразовательному обучению детей и подростков осетины придавали гораздо большее значение, чем, скажем, ряд соседних народов Северного Кавказа, но при всем этом оно оставалось все же ограниченным. Правда, уже в 1830-х годах в христианской Осетии появились первые церковно-приходские школы, в 1860-х годах – женское училище, в 1870-х годах – уже средние учебные заведения. Однако учились в них преимущественно дети состоятельных родителей, как сообщалось в одной из газетных заметок, «наиболее зажиточных жителей» (8). Осетины-мусульмане, по большей части принадлежавшие к верхушечным слоям населения, посылали мальчиков в общеобразовательные школы, девочек же нередко в Кабарду, где они еще и учились читать Коран.

Как уже упоминалось, в больших семьях, или таких усложненных малых семьях, которые включали стариков, воспитанием детей из-за обычаев избегания занимались не столько родители, сколько старшее поколение дома, а также братья и сестры. Особенно много внимания уделяли им бабушка и дед, имеющие больше свободного времени, с любовью отдаваемого внукам. Старики заботились о детях, ласкали их, делали им подарки, брали с собой в гости и на праздники, рассказывали им сказки и предания, передавали свои знания народных обычаев, направляли их первые шаги в трудовой деятельности. Считалось, что заметное участие в детях должны принимать их дядья, в том числе по материнской линии. Как отметил З.Н. Ванеев (9, 133), от осетина можно было услышать, что «к дяде по матери он питает большую родственную близость, чем к отцу». Здесь перед нами, несомненно, остатки древнего обычая авункулата, по которому в матрилокальных обществах

главным мужчиной в семье считался не отец, а брат матери. Традиция авункулата получила отражение в сказании о святом Уастырджи. Как-то он посетил на сенокосе трех братьев-бедняков. Желая им помочь, Уастырджи спросил, чего бы они хотели просить у Бога. Два старших брата высказали свои желания, а младший ответил: «Прошу у тебя, дорогой гость, дозволения сбежать за советом к братьям моей матери, от которых только одних и можно получить истинный родственный совет» (10, 4, 5).

В обычных малых семьях воспитание было делом родителей и имевшихся в доме старших детей. Однако и в этом случае считалось, что обязанность воспитания лежит также и на всех близких родственниках, мужчинах и женщинах. Доля участия тех и других зависела от пола и возраста детей и подростков. Как мы уже знаем, обычно девочек до самого совершеннолетия воспитывали преимущественно женщины, мальчиков лет с 6-8 – главным образом мужчины.

Семейное и семейно-родственное воспитание дополнялось еще более широким общественным. Ни один сосед и вообще житель селения не оставался равнодушным к замеченному им проступку ребенка и в зависимости от степени вины делал замечание сам или рассказывал родителям. А поскольку жизнь детей и тем более подростков протекала не только в ограде двора, но и на улицах, обрядовых сборищах и т.п., роль общества в формировании подрастающего поколения была очень заметной. Семья в этом отношении, как и во многих других, находилась под неформальным контролем родни и односельчан. Отчасти дело обстояло так и в городах, где сходную роль играл городской квартал.

На детей старались воздействовать не столько угрозами и наказаниями, сколько уговорами, урезониванием и прежде всего добрым примером. У осетин есть поговорка: «Дон кæстæрæй нуазынц» (воду пьют, начиная с младшего). Этим отказом от обычных привилегий старшинства младшим демонстрировали пример терпения и выдержки. Таких примеров в повседневном быту подавалось великое множество. К обычным детским проступкам относились снисходительно. Если ребенок шалил, то мать или бабушка останавливали его словами или легким шлепком. Даже грубый окрик в случае неповиновения воспринимался как позор и для того, на кого кричали, и для того, кто кричал. В более серьезных случаях вмешивались отец или дед. Виновного лишали ожидаемой обновки, не разрешали садиться на лошадь, посылали вне очереди пасти скот. Телесные наказания применялись очень редко. Те, кому приходилось прибегнуть к такой крайности, просили никогда больше не доводить их до этого и предпочитали ничего не говорить односельчанам. Объясняли это так: если человеку приходится бить своего ребенка, то, значит, он не сумел его воспитать, а стало быть, должно быть стыдно не столько ребенку, сколько ему самому.

В то время как просвещенные представители осетинской верхушки общества уже отдавали детей, преимущественно мальчиков, в общеобразовательные заведения, менее просвещенные еще практиковали древний обычай воспитательства. В русской, особенно кавказоведческой, литературе он извес-

тен под названием «аталычество» (от тюркского аталык -- «как бы отец»). Воспитательство было широко распространено в раннесредневековом мире: оно известно как у кельтов, германцев, славян, в Боспорском царстве, так и у тюрков, монголов и т.д. На Кавказе аталычество под этим названием практиковалось почти повсюду, кроме, видимо, чеченцев и ингушей. У осетин воспитателя и воспитанника называли особыми, также тюркскими именами: первого «æмцег» («сосок»), второго «хъан» («кровь»). Классификационно оно занимало промежуточное положение между семейным и общественным воспитанием: ребенок воспитывался в семье, но не в собственной, а в чужой.

Обычай состоял в том, что семьи, принадлежавшие к высшим сословиям, воспитывали детей в крестьянской среде. Существовала и такая разновидность аталычества, при которой осетинские феодалы отправляли своих детей в семьи феодалов соседних народов (чаще всего кабардинцев), сами же брали на воспитание их детей. В первом случае феодал расширял круг зависимых от него крестьян, а те приобретали сильного покровителя, защищавшего их от притеснений других феодалов. Во втором случае знать устанавливала или упорочивала феодальные союзы, усиливала свое влияние, укрепляла власть. Один из авторов второй половины XIX века писал о дигорских баделятах: «Баделяты как люди ловкие старались сблизиться с кабардинцами: брали на воспитание княжеских детей, то есть делались аталыками князей» (11, 1865).

Основные черты аталычества хорошо известны по литературным описаниям. Обычно, как только становилось известно о появлении в знатной семье ребенка, претенденты на звание аталыка спешили предложить свои услуги. Их было тем больше, чем знатнее, влиятельнее и богаче была семья новорожденного. Чтобы опередить других, ребенка, случалось, крали. В других случаях воспитанник переходил от одного аталыка к другому. В то же время считалось, что аталык должен отдавать все свое время ребенку, а стало быть – брать не больше одного воспитанника. Кормилицей была жена аталыка или же одна из его родственниц, специально для этой цели приглашенная в дом.

Воспитание ребенка в семье аталыка в принципе не отличалось от воспитания в родительском доме. Разница была лишь в том, что, по обычаю, аталык должен был воспитывать ребенка с еще большим вниманием, чем собственных детей. Последние могли питаться как угодно, ходить в чем угодно, а воспитанник всегда должен был быть сыт, одет и обут. И сейчас, когда осетины хотят подчеркнуть очень хорошие условия жизни ребенка в семье, они говорят: «Живет как воспитанник» («хъаны цард ын ис»). Оставался воспитанник у аталыка обычно лет до 6-10. Однако, если возникшим отношениям по искусственному родству придавалось особенно большое значение, воспитание могло продолжаться и дольше, как это было у соседних кабардинцев – лет до 13, а то и 16-17. В последнем случае, по сообщению А.Ардасенова и Е. Есиева, «аталык принимал на себя обязанности женить своего хъана, выбирал девушку соответствующего происхождения, просил ее руки у родителей и платил выкуп» (12, 18).

За годы аталыческого воспитания ребенок виделся с родителями не более одного-двух раз. При этом родители, следуя обычаям избегания, при

свидании никак не проявляли своих чувств и даже делали вид, что не узнают своего сына. Тот, со своей стороны, зачастую даже не знал, кому его привезли показать. Поэтому «хъан» возвращался в родительский дом как в чужую семью, и должны были пройти годы, прежде чем он привыкал к своей кровной родне. Между братьями, которые всегда воспитывались у разных аталыков, сохранялась отчужденность. Напротив, семья аталыка для воспитанника была роднее родной.

Возвращался воспитанник самым торжественным образом. Если он был уже подростком или юношей, то его наряжали в черный парадный костюм, дарили кинжал, пистолет и лошадь. Его окружали сверстники, которые всю дорогу джигитовали и пели. По приезде их ждало празднество с угощением, песнями и плясками. Воспитанник (а тем самым и воспитатель) должен был публично показать все, чему его научили. Вернувший воспитанника аталык получал богатые подарки, вплоть до земельных наделов.

В чем исторический смысл своеобразного обычая аталычества? В старой и новой этнологической литературе на этот вопрос даются самые разнообразные ответы. В свое время голландский исследователь С.Р. Штейнметц насчитал полтора десятка трактовок, но с развитием науки все они отпали как не соответствующие ни фактам, ни логике исторического процесса. В отечественной литературе особое внимание аталычеству уделили Г.А. Кокеев, М.О. Косвен и В.К. Гарданов. Первый из них обратил внимание только на поздние функции аталычества: установление отношений сюзеренитета-вассалитета в феодальной среде и расширение отношений зависимости и эксплуатации между феодалами и крестьянами. Это объяснение правильно, но недостаточно: оно не вскрывает более ранних корней аталычества. М.О. Косвен давал аталычеству чисто эволюционистское объяснение, усматривая в нем пережиток авунку-лата: некогда при матрилокальном поселении все дети переходили жить к своим матрилинейным дядьям (что действительно имело место, особенно в Западной Африке), а со временем этот обычай сохранился у феодализирующейся и феодальной знати. Однако: вторая часть гипотезы никак не вытекает из первой и не объясняет социальной сути аталычества (13). Трактровка В.К. Гарданова близка к фантастической: из упоминаемой в одном из писем Энгельса «первобытной общности жен» он сделал вывод о первобытной общности также и детей, связав с этим воспитание ребенка не в своей, а в чужой семье (14).

Сейчас мнения отечественных этнологов по поводу происхождения аталычества разделились. Одни усматривают в нем старинный порядок установления искусственного родства, необходимого в условиях уже рвущихся родовых, но еще не сложившихся соседских связей и тем самым возводят его к эпохе классового образования (15; 16;). Другие тесно связывают аталычество с наездничеством, видя в первом школу второго (17; 18). Вторая точка зрения уязвима в том отношении, что для обучения наездничеству незачем было брать на воспитание младенца. Истинные школы наездничества были известны только чеченцам и ингушам, у которых прославленному воину отдавали учиться сформировавшихся подростков (19).

Аталыческое воспитание, на которое у осетин передавались только мальчики, ушло в прошлое уже к пореформенному времени. Даже в знатных и богатых семьях дети стали воспитываться дома, а частично, как уже говорилось, также в учебных заведениях. Но воспитание по-прежнему было неодинаковым в разных слоях населения: в народных массах – с упором на предстоящую трудовую жизнь, в верхушечных слоях – с акцентом на организаторско – управленческую деятельность и изысканные манеры. Неоднозначно фиксировалось и совершеннолетие. В крестьянской среде юноша в 16 лет совершал свой выход на сенокос, становился к плугу, получал в семье право голоса и мог вступать в брак. В среде дворян, богатых крестьян и особенно зародившейся интеллигенции также в какой-то мере давало себя знать традиционное осознание этого рубежа. Но образованные люди шире приобщились к таким новым веяниям, как более поздние браки и распоряжение имуществом не по адатам или шариату, а по законам Российской империи. Закон же устанавливал другой возраст полной гражданской зрелости – 21 год.

В советское и постсоветское время многое, связанное с воспитанием детей, существенно изменилось. Эти перемены нельзя оценить однозначно. По большей части это были изменения к лучшему, но кое-что – едва ли.

Перемены в воспитании детей в семье во многом связаны с влиянием школы, а отчасти и детских общественных организаций. Уже в начале 1930-х годов, раньше чем в большинстве других республик Северного Кавказа, в Осетии было осуществлено всеобщее начальное обучение. Подростки привлекались к учебе в школах второй ступени. Такие школы имелись во всех селениях и при них создавались интернаты. Но девочек родители отпускали туда неохотно, по большей части тогда, когда их можно было поместить у родственников, или когда вместе с ними ехал учиться кто-нибудь из родственников – подростков постарше. Тем не менее к концу 1930-х годов число мальчиков и девочек в осетинских школах второй ступени в основном сравнялось. В школах постоянное общение мальчиков и девочек в классах, на собраниях, в кружках, в художественно-самодельных и спортивных коллективах делало невозможным их традиционное разобщение, заставляло их, а за ними и их родителей, постепенно переосмысливать представления о приличиях. Все больше девочек надевали спортивные костюмы, занимались физкультурой вместе с мальчиками, танцевали с ними, держались за руки (20). В дальнейшем с введением всеобщего среднего образования был преодолен еще один психологический барьер: то, что уже допускалось для девочек-подростков, было допущено для девушек. Школа ломала такие традиции прежнего воспитания, как неравное положение мальчиков и девочек и раннее обособление полов (21, 99).

Но у этого положительного нововведения оказалась своя отрицательная сторона. Часть подростков стала развязнее. Мальчики начали менее бережно относиться к девочкам, девочки – вести себя менее скромно. К тому же все это проникло за стены школы, на улицы городов и селений, а зачастую – и в семейный быт. Тем не менее, как показали материалы этносоциологического исследования 2013–2014 гг., и в наше время отношения между детьми и родителями, детьми между собой в основном не выходят из традиционных рамок

поведения в осетинской семье. На вопрос «Соблюдаются ли в вашей семье следующие нормы поведения?» мы получили следующие ответы (табл.1):

Таблица 1

Соблюдаются ли в Вашей семье следующие нормы поведения?

1.1. Родители и дети не сидят за одним обеденным столом (В %)

	Все опрошенные	Место проведения опроса		Пол		Возраст		Род занятий	
		г.Владикавказ	село	муж	жен	до 30	свыше 30	умств. труд	физич. труд
Да	39,0	42,1	37,0	35,7	41,3	33,3	42,7	37,5	37,6
Нет	58,7	52,9	62,6	63,6	55,3	63,0	55,9	57,9	61,8
Иногда	2,3	5,0	0,5	0,7	3,4	3,6	1,4	4,6	0,6
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

1.2. Младшие дети подчиняются старшим братьям и сестрам (В %)

	Все опрошенные	Место проведения опроса		Пол		Возраст		Род занятий	
		г.Владикавказ	село	муж	жен	до 30	свыше 30	умств. труд	физич. труд
Да	75,7	73,9	76,9	79,9	72,8	75,7	75,7	72,7	82,5
Нет	14,9	14,5	15,1	9,7	18,4	16,9	13,6	19,3	7,6
Иногда	9,4	11,6	8,0	10,4	8,7	7,4	10,7	8,0	9,9
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

1.3. Братья и сестры женятся (выходят замуж) по старшинству (В %)

	Все опрошенные	Место проведения опроса		Пол		Возраст		Род занятий	
		г.Владикавказ	село	муж	жен	до 30	свыше 30	умств. труд	физич. труд
Да	35,3	23,4	43,1	46,2	27,8	32,8	36,9	27,0	38,6
Нет	49,7	62,0	41,7	42,0	55,1	58,2	44,4	58,8	43,3
Иногда	14,9	14,6	15,2	11,9	17,1	9,0	18,7	14,2	18,1
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

1.4. Мальчики и девочки занимаются разными видами хозяйственной и бытовой деятельности (В %)

	Все опрошенные	Место проведения опроса		Пол		Возраст		Род занятий	
		г.Владикавказ	село	муж	жен	до 30	свыше 30	умств. труд	физич. труд
Да	88,2	89,1	87,7	89,5	87,3	84,3	90,7	85,8	90,1
Нет	5,5	4,4	6,2	4,9	5,9	6,7	4,7	6,1	5,3
Иногда	6,3	6,6	6,2	5,6	6,8	9,0	4,7	8,1	4,7
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В то же время воспитание сохраняет свои особенности, характерные для городской и сельской среды. В городских семьях с их преимущественно потребительским характером круг обязанностей подрастающего поколения становится однообразнее. В сельских семьях, сохранивших намного больше хозяйственных функций, по-прежнему уделяется большое внимание воспитанию в детях и подростках трудовых навыков с их традиционной половозрастной регламентацией. Городская семья в меньшей, а сельская – в большей степени продолжает воспитывать в молодежи почтительное отношение к старшим, сдержанность в общении с лицами противоположного пола, скромность в семье и за пределами дома. И там, и здесь по-прежнему большое значение придается знанию и соблюдению правил этикета, но в городах с их сутолокой для этого меньше возможностей. То же относится к такой традиции, как интерес к поведению детей и участие в их воспитании. (22).

Подводя итоги, можем сказать, что значительное внимание в современных осетинских семьях уделено воспитанию детей, в котором раскрываются ее культурно воспитательные функции. В этой области функционирования семьи на первый план выдвигались физическое, трудовое, нравственное, эстетическое и религиозное воспитание. Издавна в осетинской семье важное значение придавали военной и физической подготовке, которая отличалась разнообразием форм и приемов. Из прививавшихся детям нравственных качеств важнейшее значение приобретали чувство долга и родственной солидарности, уважение к старшим, вежливость, сознание мужского достоинства и женской чести. В эстетическом воспитании главная роль отводилась народному художественному творчеству. Весь уклад жизни традиционной осетинской семьи способствовал религиозному воспитанию детей.

Примечательным в воспитании детей было то, что осетины оценивали значимость общеобразовательной подготовки детей гораздо выше, чем многие соседние народы. Не случайно в Осетии уже в 60–70 гг. XIX в. появились первые средние учебные заведения и даже женское училище.

Семейное и семейно-родственное воспитание дополнялось общественным. У осетин, как и других горских народов, издавна практиковался и такой древний обычай воспитательства, как аталычество. Основные его черты достаточно хорошо известны по разным источникам. Но несмотря на то, что аталыческое воспитание ушло в далекое прошлое, мнения отечественных этнологов касательно истоков его социальной роли существенно расходятся. В советское и постсоветское время многое, связанное с воспитанием детей, серьезно изменилось. И все же эти перемены не поддаются сегодня однозначной оценке и нуждаются в солидной теоретической проработке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Мисиков М.А. Материалы по антропологии осетин. Одесса, 1916.
2. Голод С.И., Клецин А.А. Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. С.-Пб., 1994.
3. Хетагуров К.Л. Особа.: Собр. соч. в 5-ти томах. М., 1961. Т.4.

4. Тайсаев К.У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа АДД. М., 1997.
5. Ведеников М. Взгляд на кавказских горцев // Сын отечества. 1837. Ч.188.
6. Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
7. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980.
8. «Новое обозрение». 1898, №42–46.
9. Ванеев З.Н. Родовой строй в Осетии // ИЮОНИИ. Цхинвали, 1946. №5.
10. Осетинские народные сказания. ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.
11. Красницкий К.И. Кое-что об Осетинском округе и о правах туземцев его // Кавказ. 1965. №№ 29–33.
12. Ардасенов А., Есиев А. Высшее сословие осетин Куртатинского общества. М., 1892.
13. Косвен М.О. Аталычество // СЭ 1935. № 11.
14. Гарданов В.К. Аталычество. IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1973.
15. Першиц А.И. Из истории патриархальных форм брака (нахава-ортокузенный брак у арабов) // Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. Вып.24.
16. Смирнова Я.С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа формы и эволюции // Кавказский этнографический сборник. 1989. №9.
17. Туганов М.М. Материалы по изучению осетинского народа // ИЮОНИИ. Цхинвали, 1958. Вып. 9.
18. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994.
19. Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный 1990. 12.1.
20. «Пролетарий Осетии» от 22.12.1934
21. Пчелина Е.Т. Родильные обряды у осетин. // СЭ 1937. №3.
22. Дзуцев Х.В. Эволюция семьи и межсемейных отношений. М, РОСПЭН. 2001.

REFERENCES AND SOURCES

1. Misikov M. A. materials on anthropology of Ossetians. Odessa, 1916.
2. Golod S. I., Kletzin A. A. Status and prospects of development of the family. Theoretical and typological analysis. S.-Pb., 1994.
3. K. L. Khetagurov Person.: SOBR. Op. in 5 volumes. M., 1961. Vol. 4.
4. Taysaev K. U. Ethnography of the traditional sports of the peoples of the North Caucasus, ADD. M., 1997.
5. Vedernikov M. Look at the Caucasian mountaineers // son of the Fatherland. 1837. Part 188.
6. Magometov A. H. Culture and life of the Ossetian people. Ordzhonikidze, 1968.
7. Fraser John. Golden bough. M., 1980.
8. "The new review". 1898, No. 42–46.
9. Vaneev Z. N. Tribal system in South Ossetia // IUOII. Tskhinvali, 1946. No. 5.
10. Ossetian folk tales. SSCG. Tiflis, 1873. Vol. VII.
11. Krasnitsky Ki something about the Ossetian district and the rights of the natives of his / / / Caucasus. 1965. No. 29–33.

12. Ardasenov A., A. Aseev upper class Ossetians Kurchatovskogo companies. M., 1892.
13. Kosven M. O. Fosterage // SE 1935. No. 11.
14. Gardanov V. K. Fosterage. IX international Congress of anthropological and ethnographic Sciences. M., 1973.
15. Persic A. I. From the history of Patriarchal forms of marriage (nahawa-artacademy marriage among the Arabs) // Cu. report. Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences. Vol.24.
16. Smirnova Ya. s. Artificial kinship among the peoples of the North Caucasus form and evolution // Caucasian ethnographic collection. 1989. No. 9.
17. Tuganov M. M. materials for the study of the Ossetian people // IUOIL. Tskhinvali, 1958. Vol. 9.
18. Kazharov V. Kh. Traditional social institutions of Kabardian people and their crisis in the end of XVIII – first half of XIX century. Nalchik, 1994.
19. Aliroev I. U. Language, history and culture Vainakhs. Terrible 1990. 12.1.
20. "Proletarian of Ossetia" from 22.12.1934
21. Bee E. T. the Birthing ceremonies of the Ossetians. // SE 1937. No. 3.
22. Dzutsev H. V. Evolution of the family and interfamily relations. M, ROSPEN. 2001.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ ПОКОЛЕНИЙ 80-х И СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Попова И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Храброва К.Г., ассистент кафедры социальной политики Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Ключевые слова: семейные ценности, семейно-брачные отношения, иерархия ценностей, социальный институт семьи.

Аннотация. В данной статье приведен сравнительный анализ семейных ценностных установок молодежи различных поколений с 1980-х годов по настоящее время. Показана динамика изменений иерархии ценностей и места в ней семейных ценностных установок. Обосновывается идея о том, что под влиянием социокультурных факторов в иерархии ценностей произошли изменения. Авторы акцентируют внимание на том, что самым существенным фактором, влияющим на семейно-брачные отношения, является трансформация семейно-брачных отношений, основанная на радикальных изменениях в системе ценностных ориентаций современной молодежи. Целью данной статьи является, на основе эмпирических данных, показать, как процесс трансформации системы ценностей молодых поколений сказывается на состоянии семейно-брачных отношений. Опираясь на методологические подходы, отработанные в рамках социологии семьи прошлых лет, получены результаты исследования, позволяющие провести сравнительный анализ состояния семейных ценностей разных поколений молодежи. Особое внимание в статье уделено состоянию системы ценностей современной молодежи. Приведены результаты опроса молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет по репрезентативной для г. Ярославля выборке.

COMPARATIVE ANALYSIS OF FAMILY VALUES OF YOUNG PEOPLE OF THE 80s AND MODERN RUSSIAN YOUTH

Popova I.V., doctor of Sociology, Professor at the Department of Social Technologies P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Khrabrova K.G., assistant of the Department of Social Policy, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Keywords: family values, marital relations, hierarchy of values, social institution of the family.

Abstract: This article presents a comparative analysis of family values of young people of different generations from the 1980s to the present. The dynamics of changes in the hierarchy of values and the place in it of family values are shown. The idea that under the influence of socio-cultural factors the hierarchy of values has changed has been

substantiated. The authors emphasize that the most significant factor influencing family-marriage relations is the transformation of family-marriage relations, based on radical changes in the system of value orientations of modern youth. The purpose of this article is, based on empirical evidence, to show how the process of transforming the value system of young generations affects the state of family-marriage relations. Based on the methodological approaches worked out in the sociology of the family of previous years, the results of the research are obtained, which allow to carry out a comparative analysis of the state of family values of different generations of young people. Particular attention is paid to the state of the value system of modern youth. The results of a survey of young people between the ages of 18 and 30 on a representative sample for Yaroslavl are presented.

Состояние современных семейно-брачных отношений характеризуется ростом количества разводов, неполных семей и повторных браков, увеличивается число одиноко проживающих мужчин и женщин, снижается уровень рождаемости, интенсифицируются сексуальные отношения вне института брака. Социально-демографическая статистика и результаты социологических опросов не позволяют поставить под сомнение реальность этих тенденций. Несмотря на внушительность накопленных данных о трансформационных процессах в семейно-брачной сфере, на теоретическом уровне нет социологических концепций, связывающих сущность процессов семейно-брачной сферы с изменениями в социокультурной сфере общества.

На наш взгляд, самым существенным фактором, влияющим на семейно-брачные отношения, является трансформация семейно-брачных отношений, основанная на радикальных изменениях в системе ценностных ориентаций.

Качество трансформирующихся отношений во многом определяется прошлой траекторией развития общества. Источником кризиса традиционной семьи является трансформация патриархальной системы общества в целом. Отношения господства-подчинения сменяются паритетными отношениями, которые, прежде всего, привлекательны для женщин, получивших возможность самостоятельной реализации собственной субъектности. Формирование современных семейных ценностей и отношений происходит под влиянием ряда факторов цивилизационного, социокультурного, глобализационного, государственно-политического и личностно-субъективного характера, в результате чего происходит изменение качественных параметров развития семьи в российском обществе. Вследствие пересмотра современным обществом традиционных установок на брак и приобретение эгалитарного типа семьи, где преследуется равноправие полов и «демократизация» семейных отношений, в семье как социальном институте происходят процессы, которые вызывают интерес с точки зрения их последствий для общества.

Целью данной статьи является, на основе эмпирических данных, показать, как процесс трансформации системы ценностей молодых поколений сказывается на состоянии семейно-брачных отношений.

У истоков зарождения интереса к проблематике молодой семьи, в частности – советской студенческой семьи, содержанию представлений моло-

дежи о семейной жизни, вопросам профессиональной самореализации молодых супругов, рассмотрению проблем и сложностей в молодой семье и путей их решения стояли такие исследователи, как И.В. Бестужев-Лада [2], Б.И. Говако [3], В.Т. Лисовский [12], А.Г. Харчев, М.С. Мацковский [22], внесшие огромный вклад в развитие социологии семьи в нашей стране.

Ценностные ориентации молодых людей, их духовный мир, место семейных ценностей в структуре ценностей молодежи изучали В.В. Бодрова [15], В.Т. Лисовский [11], М.С. Мацковский [13], А.А. Русанова [18], Г.А. Сингатуллина [20].

Особенностям брачно-семейных отношений молодежи, изучению моделей современной семьи, трансформации супружеских ролей в семье посвятили работы Т.И. Агинская [1], Т.М. Дадаева [6], С.И. Голод [4], Т.А. Гурко [5], Ю.С. Задворнова [7], Т.Е. Карташова [8], Е.А. Кондрашова [9], Ю.Г. Миронова, Т.К. Ростовская [16, 17], Н.А.Тырнова [14], А.В. Курамшев [10].

Отправной точкой анализа динамики ценностных ориентаций мы берем иерархию ценностей, зафиксированную в исследованиях В.Т. Лисовского в 80-е годы в среде студенческой молодежи.

На вопрос: «Какие ценности являются для вас главными?» советские студенты ответили следующим образом:

- 1 место – интересная любимая работа 89, 0 %
- 2 место – дружба 85,6 %
- 3 место – порядочность 84,9 %
- 4 место – любовь 82,1%
- 5 место – семья 65,9 % [12, с. 234]

Результаты социологических исследований, проведенных сотрудниками НИИ комплексных социальных исследований (НИИКСИ) СПбГУ в 2006 году объектом которых была молодежь (старшие школьники, студенты, работающие молодые люди) Санкт-Петербурга, в возрасте до 30 лет. Исследования показали, что главными жизненными ценностями молодежи являются:

- семья – 83,5%
- здоровье – 70,25%
- друзья – 67,2%
- справедливость – 53,75
- интересная работа – 48,25%
- деньги – 31,5%
- религиозная вера – 19,25% [19, с. 37]

По результатам нашего исследования, проведенного в 2017 году по репрезентативной для г. Ярославля выборке, путем выделения из общего объема выборки группы молодежи от 18 до 30 лет, иерархия ценностей выглядит следующим образом:

- Здоровье близких – 94,4%
- Свое здоровье – 88,4%
- Отношения с родителями – 84,4%
- Создание семьи – 81,6%
- Наличие детей – 77,2%

Любовь – 77,0%
Интересная работа – 74,7%
Дружба – 70,5%
Получение образования – 66,5%
Возможность реализовать себя – 65,3%
Уважение окружающих – 52,1%
Свободное время для себя – 46,0%
Карьера – 40,2%
Социальное положение в обществе – 35,3%
Религия – 21,9%

Таким образом, говоря о динамике трансформации семейных ценностей молодежи 80-х и современной молодежи, можно видеть, что такие ценности как создание семьи, наличие детей и любовь у современной молодежи опередили такие ценности как интересная работа, карьера и порядочность.

По сравнению с 2006 годом ценность интересной работы для молодежи возросла, приблизившись к семейным ценностям и ценности здоровья своего и близких, которые находятся во главе структуры ценностей современной молодежи.

В полученном результате есть видимое противоречие: при том, что семейные ценности в иерархии ценностей молодежи стоят на первых позициях, неуклонно растет количество разводов, особенно в молодых семьях. Понимание важности создания семьи, наличия детей – есть, но сам процесс ее создания не получается. С нашей точки зрения одной из причин является трансформация характера взаимоотношений между мужчинами и женщинами в российском обществе.

Еще один важный, с точки зрения задачи исследования, вывод по иерархии ценностей заключается в том, что личное превалирует над общественным. Такие общественные ценности как уважение окружающих и социальное положение в обществе, находятся на последних местах в иерархии ценностей. Система ценностей только тогда управляет социальной жизнью общества, когда она не зависит ни от каких обстоятельств и не делится на ценности для общества и ценности для себя.

Результаты исследования свидетельствуют об опасной тенденции формирования системы ценностей, основанной на прагматизме в среде молодых поколений. Разрушение нормативной модальности происходит по-разному в разных возрастных группах. Те группы, которые сформировались в переломную, стихийно развивающуюся эпоху, сильно отличаются от старших поколений в сторону отчуждения от общественного пространства. Индивидуализация, меркантилизм, утрата общественно значимого – это новая реальность, о которой нужно говорить как о серьезном факторе, определяющем будущее развитие общественных отношений. Это опасные последствия, которые могут оказывать негативное влияние на развитие семьи, как социального института.

Изменения в экономических отношениях, произошедшие за последние годы повлекли за собой существенные деформации в семейно-брачных отношениях. В молодежной среде произошел резкий рост положительного от-

ношения к добрачным связям и меняется модель семейно-брачных отношений. По результатам нашего исследования эта модель меняется под воздействием факторов социокультурной среды. (см. табл. 1)

Таблица 1

Представления молодежи о семейно-брачных отношениях
(% от числа опрошенных)

Поступок	Считаю недостойным при любых обстоятельствах	Считаю возможным в чрезвычайных обстоятельствах	Иногда считаю возможным	Считаю нормальным	Затрудняюсь ответить
Вступить в брак по расчету	25,4	33,6	25,2	8,9	6,8
Иметь любовника (любовницу)	62,1	12,6	16,4	1,9	7,0
Заклучить брак с человеком намного старше (возраста родителей)	21,7	19,8	30,7	13,4	14,4
Заклучить брак с человеком намного младше (возраста своих взрослых детей)	25,5	19,0	32,3	9,4	13,8

Таким образом, объединив близкие по смыслу варианты ответа получаем: 67,7% допускают брак по расчету; 37,9% – допускают иметь любовника (любовницу); 78,3% – допускают брак с человеком возраста своих родителей; 74,5% – допускают брак с человеком возраста своих взрослых детей. Что касается добрачных сексуальных отношений, здесь есть необходимость сравнить эту точку зрения с поколением родителей и бабушек и дедушек. (см. табл. 2)

Таблица 2

Разница во взглядах различных поколений на добрачные сексуальные отношения
(% от числа выбравших данный вариант ответа)

По варианту	До 30 лет (дети)	От 40 до 60 лет (родители)	Старше 60 лет (бабушки, дедушки)
Положительно, считаю это нормальным	32,1	31,7	5,8

Данный результат дает представление о том, насколько радикально изменились эти взгляды на протяжении жизни трех поколений. Родители не отличаются во взглядах от детей так как это уже те поколения, которые начинали свою семейную жизнь с гражданского брака. По полученному результату можно сказать, что в сознании молодежи параллельно с традиционной моде-

лью семейно-брачных отношений функционирует и является востребованной либеральная модель. Данное явление можно считать деструктивным по отношению к социальному институту семьи, и к общественной системе в целом. Объясняется это тем, что уже несколько десятилетий наблюдается раннее психофизиологическое развитие молодежи; нет особых ограничений в трансляции соответствующих ориентаций в средствах массовой информации; в большинстве семей на лицо ослабление сексуального контроля и семейного воспитания [15, с. 208].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в системе ценностей российской молодежи произошли существенные изменения, что оказывает влияние на состояние семьи, как социального института и семейно-брачных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Агинская, Т.И. Эволюция брака как социального института и гендерной системы: социологический анализ современных тенденций в среде студенческой молодежи [Текст]: дис. ... канд. социологич. наук: 22.00.04: защищена 23.06.2011/ Агинская Тамара Ивановна. – Екатеринбург, 2011. – 195 с.
2. Бестужев-Лада, И.В. Семья вчера, сегодня, завтра [Текст]: монография. – М.: Знание, 1979. – 96 с.
3. Говако, Б.И. Студенческая семья [Текст]: монография. – М.: Мысль, 1988. – 158 с.
4. Голод, С.И. Современная семья: плюрализм моделей [Текст] / С.И. Голод // Социологический журнал. – 1996. – № 3–4. – С. 99–108.
5. Гурко, Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия [Текст] / Т. А. Гурко // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 99–110.
6. Дадаева, Т.М. Кто выносит мусор, или Парадоксы гендерного разделения труда [Текст] / Т.М. Дадаева // Социологические исследования. – 2005. – №6. – С. 120–126.
7. Задворнова, Ю.С. Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье [Текст] / Ю.С. Задворнова // Женщина в российском обществе. – 2013. – № 2. – С. 32–40.
8. Карташова, Т.Е. Динамика и структура брачно-семейных установок современной молодежи [Текст] / Т.Е. Карташова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 132. – С. 336–341.
9. Кондрашова, Е.А. Распределение ролей в семье и семейные конфликты [Текст] / Е.А. Кондрашова // Труды СГА. – М.: Издательство СГУ, 2011. – №6. – С. 68–81.
10. Курамшев, А.В. К трансформации семейных ролей в современном российском обществе [Текст] / А.В. Курамшев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2002. – Вып. 2. – С. 130–138 с.
11. Лисовский, В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России [Текст]: учеб. пособие для вузов / В.Т. Лисовский. – СПб: СПб ГУП, 2000. – 508 с.
12. Лисовский, В.Т. Советское студенчество: Социологические очерки [Текст]: науч.-попул. / В.Т. Лисовский. – М.: Высш. Шк., 1990. – 304 с.

13. Мацковский, М.С. Ценность семьи в сознании различных слоев населения [Текст] / М.С. Мацковский, В.В. Бодрова // Семья в представлениях современного человека. – М.: ВЛАДОС-М, 1990. – С. 154–166.
14. Миронова, Ю.Г., Тырнова Н.А. Особенности брачно-семейных отношений современной молодежи [Текст] / Ю.Г. Миронова, Н.А.Тырнова //Апробация. – 2014. – №8. – С.74–78.
15. Попова, И.В. Гражданский брак как социальная проблема [Текст] / И.В. Попова, А.А. Касаткин // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. – 2013. – N 1. – С. 207–212.
16. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Семья – важная составляющая ценностного ядра молодых россиян Ценности и смыслы, №1 (47), 2017. С.121–134.
17. Ростовская Т.К., Заярская Г.В. Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде, Журнал «Женщина в российском обществе», 2017, № 1, стр. 75–85.
18. Русанова, А.А. Семья как ценность и институт социального самоопределения студенческой молодежи [Текст] / А.А. Русанова // Современные исследования социальных проблем [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.sisp.nkras.ru> (11.01.2018).
19. Семенов, В.Е. Ценностные ориентации и проблемы воспитания современной молодежи [Текст] / В.Е. Семенов // Социологические исследования. – 2007. – №4. – С. 37 – 43.
20. Сингатуллина, Г.А. Ценностные ориентации и мотивационная сфера подростков и молодежи, приобретения опыта социально значимой деятельности [Текст] / Г.А. Сингатуллина // Вестник МГУ, – 2002. – Серия
21. Социология и политология. – №3. – С.58–163.
22. Харчев, А.Г., Современная семья и ее проблемы [Текст]: социально-демографическое исследование / А.Г. Харчев, М.С. Мацковский– М.: Статистика, 1978. – 224 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Aginskaya, T. I. evolution of marriage as a social institution and gender system: sociological analysis of modern trends among students [Text]: dis. ... kand. sociologist. Sciences: 22.00.04: protected 23.06.2011/Aga Tamara. – Ekaterinburg, 2011. – 195 p.
2. Bestuzhev-Lada, I. V. Family yesterday, today ,tomorrow [Text]: monograph. – Moscow: Znanie, 1979. – 96 p.
3. Govco, B. I. Student family [Text]: monograph. – Moscow: Thought, 1988. - 158 C.
4. Golod, S. I. Modern family: pluralism of models [Text] / S. I. Golod // Sociological journal. – 1996. – №3–4. – P. 99–108.
5. Gurko, T. A. New family forms: tendencies of distribution and concepts [Text] / T. A. Gurko // Sociological researches. – 2017. – No. 11. – P. 99–110.
6. Dadaeva, T. M. Who takes out garbage, or Paradoxes of gender division of labour [Text] / T. M. Dadaeva // Sociological researches. – 2005. – No. 6. – S. 120–126.
7. Zadvornova, Yu. s. trends of the transformation of gender roles in modern Russian family [Text] / Y. S. Zadvornov // Woman in Russian society. – 2013. – No. 2. – P. 32–40.
8. Kartashov, I.e. Dynamics and structure of marriage and family attitudes of modern youth [Text] / ie Kartashov // Izvestia Russian state pedagogical University. A. I. Herzen. – 2011. – No. 132. – P. 336–341.

9. Kondrashova, E. A. Distribution of roles in the family and family conflicts [Text] / E. A. Kondrashova // Proceedings of the SGA. – Moscow: Publishing house of SSU, 2011. – No. 6. – S. 68–81.
10. Kurashev, A. V. transformation of family roles in contemporary Russian society [Text] / A. V. Kurashev // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. H. And. Lobachevsky. Ser. Social sciences. – 2002. – Vol. 2. -P. 130–138 C.
11. Lisovskiy, V. T. Spiritual world and value orientations of Russian youth [Text]: studies. manual for universities / V. T. Lisovsky. – SPb: SPb GUP, 2000. – 508 p.
12. Lisovsky, V. T. Soviet students: Sociological essays [Text]: nauch.- popul. / V. T. Lisovsky. – M.: Higher. SHK. 1990. – 304 p.
13. The Value of the family in the minds of different segments of the population [Text] / M. S. Matskovsky, V. V. Bodrova // Family in the views of the modern man. – Moscow: VLADOS-m, 1990. – P. 154–166.
14. Mironov, Yu. G., Of Town N.. Especially marriage and family relationships today's youth [Text] / Y. G. Mironova, N..Turnovo //Testing. – 2014. – No. 8. – P. 74–78.
15. Popova, I. V. Civil marriage as a social problem [Text] / I. V. Popova, A. A. Kasatkin // Vestnik of Kostroma state University. H. A. Nekrasov. Scientific and methodical journal. – 2013. – N 1. – P. 207–212.
16. Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. Family is an important component of the value core of young Russians of Values and meanings, №1 (47), 2017. C. 121–134.
17. Rostovskaya T.K. , G. V. Zarskaya family setting and family practices in modern Russian students, Journal "Woman in Russian society", 2017, No. 1, pp. 75–85.
18. Rusanova, A. A. Semya as a value and Institute of social self-determination of students [Text] / A. A. Rusanova // Modern research of social problems [Electronic resource] – access Mode: URL: <http://www.sisp.nkras.ru> (11.01.2018).
19. Semenov, V. E. Value orientations and problems of education of modern youth [Text] / V. E. Semenov // Sociological researches. – 2007. – No. 4. – S. 37–43.
20. Singatullina, G. A. Value orientations and motivational sphere of teenagers and youth, gaining experience of socially significant activity [Text] / G. A. Singatullina // Vestnik MGU, – 2002. – Series
21. Sociology and political science. – No. 3. – P. 58–163.
22. Harchev, A. G., the Modern family and its problems [Text]: socio-demographic study / A. G. harchev, M. S. Matskovsky– M.: Statistics, 1978. – 224 p

БАЗОВЫЕ ФУНКЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ «НОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

Черкашина Т.Т., доктор педагогических наук, профессор, РГУ им. А.Н.Косыгина, Москва, Россия

Новикова Н.С., кандидат филологических наук, доцент, РУДН, Москва, Россия

Ключевые слова: социально-экономические условия, функциональная и дисфункциональная формы существования института семьи, аксиологические трансформации лексем «мать» и «отец», «родитель № 1» и «родитель № 2».

Аннотация. В статье базовые функции семьи рассматриваются сквозь призму ценностных трансформаций, которые остро переживает западное и российское общество в рамках «новой культуры». Авторы делают акцент на гендерный фактор как наиболее уязвимый в формате глобализационных процессов современного мира. В статье исследуются лексемы «мать», «отец» в концептуальном плане и в сопоставлении с лексемами «родитель № 1», «родитель № 2». Отмечая консервативность традиционного института семьи, авторы анализируют системные аксиологические трансформации, которым подвергаются семейные отношения сегодня. В статье сопоставляются функциональная и дисфункциональная формы современной семьи, что выводит авторов на социокультурный анализ комплексных форм существования семьи и позволяет сделать вывод о перспективах сохранения традиционных, национально окрашенных моделей современной семьи.

BASIC FUNCTIONS OF THE FAMILY INSTITUTE IN THE CONTEXT OF «NEW CULTURE»'S AXIOLOGICAL TRANSFORMATIONS

Cherkashina T.T., doctor of Pedagogics, Professor, Kosygin's Russian State University (Technology. Design. Art), Moscow, Russia

Novikova N.S., PhD of Philology, Assistant Professor, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Key words: socio-economic conditions, functional and dysfunctional forms of the family institution's existence, axiological transformations of the lexemes «mother» and «father», «parent number 1» and «parent number 2».

Abstract: The article contains analysis on the basic functions of the family through the prism of value transformations, which are acute in Western and Russian society within the framework of the «new culture». The authors emphasize the gender factor as the most vulnerable in the globalization processes of the modern world. The article analyze the words «mother», «father» in their comparison with the lexemes «parent number 1» and «parent number 2». Noting the conservatism of the traditional family institution, the authors analyze the systemic axiological transformations to which family relations are exposed today. The article compares the functional and dysfunctional forms of the modern family, which leads the authors to the socio-cultural analysis of complex forms of family existence and allows to draw a conclusion about the perspectives of preserving traditional, nationally painted models of a modern family.

«Всякая социальная доктрина, пытающаяся разрушить семью, негодна и, кроме того, неприменима. Семья – это кристалл общества», – утверждал Виктор Мари Гюго. За многовековую историю своего существования семья как основной социальный институт не претерпела столь серьезных трансформаций, которые обрушились на нее в конце прошлого и начале нынешнего столетия. Семья не только ячейка общества, но, как правильно заметил В. Гюго, это кристалл, в котором отражается уровень культуры социума. Семья в разных социально-экономических условиях выполняла и продолжает традиционно выполнять следующие функции: репродуктивную, воспитательную, обучающую, коммуникативную, эмоциональную, экономическую, статусную, духовно-психотерапевтическую, развлекательно-рекреативную, сексуально-эротическую, первичного социального контроля, социализации, защитную, хозяйственно-бытовую, объединения усилий. Причем в разные периоды жизни семьи удельный вес каждой из названных функций меняется, однако неизменным остается их функциональность. Семью, адекватно выполняющую большинство возложенных на нее функций, называют функциональной. В случае нарушения или забвения приоритетных, аксиологически значимых функций семью принято называть дисфункциональной. Так, Г. Нвайтис [14] обращает внимание на важную особенность функций семьи – комплексность. Действительно, каждую потребность всякий человек может удовлетворить и вне семьи, но только такая ячейка общества, как семья, позволяет удовлетворить их в комплексе, и только в полноценной семье можно вырастить самодостаточного и уверенного в себе человека. Раздробление или перераспределение традиционных социальных ролей в семье ведет, на наш взгляд, к системным сбоям выработанных человечеством культурных норм.

Нормы поведения людей, как разрешительные, так и запретительные, очерчены условными границами, в которых обозначено, как человек может и должен действовать, чтобы его поведение не получило отрицательной оценки общества. К примеру, соглашение о том, по какой стороне дороги ездить, левой или правой, культурно обусловлено: 66 % населения Земли ездят по правой стороне и 34 % по левой, в первую очередь за счет населения Индии, Индонезии, Пакистана. 72 % всех дорог правосторонние и 28 % – левосторонние.

Выделяют культуры со строгой системой норм (например, страны Востока) и культуры, в которых норма более подвижна (например, в европейских странах). Вопрос о создании общечеловеческих норм остается дискуссионным. Культура устанавливает, координирует и регулирует действия людей посредством норм. Так, в некоторых странах Востока, к примеру, не отменены нормы судопроизводства в отношении воров: по законам шариата им отрубают руки. В Китае столетнюю войну с наркотиками завершили, приняв в 1950 году закон о публичном расстреле наркоторговцев: по официальным данным, 80 000 человек, причастных к торговле опиумом, было арестовано, каждый сотый из них – расстрелян. КНР доказала миру, что это зло не носит мистического характера и столетняя система организованной наркоторговли оказалась сломана. В горных районах Дагестана девушкам и сегодня нельзя переписываться с парнями даже при помощи SMS: такое пове-

дение считается аморальным и может привести к трагическим последствиям, к примеру таким, какие описаны в публикации А. Гнединской «Я вас породил, я вас и убью» [5]: отец расправился со своей дочерью, обнаружив в ее телефоне непристойные, с его точки зрения, SMS.

Безусловно, каждый народ формирует свою иерархию ценностей, хотя существует и инвариантный, универсальный набор общечеловеческих ценностей: *здоровье, безопасность, свобода, добро, зло, красота* и др. Выбор ценностей – это критерий отбора хорошего от плохого, истины от заблуждения, справедливого от несправедливого, допустимого от запретного и т.д. К примеру, беженцы из мусульманских стран, огромным потоком хлынувшие в Европу, никогда не смогут стать европейцами: они не примут однополые браки, которые в Европе с недавнего времени официально разрешены. Они вряд ли будут есть свинину и употреблять алкогольные напитки, в противном случае они перестанут быть мусульманами. По данным портала ANN.Az, Епископальная церковь США станет первой из основных церквей страны, которая будет благословлять однополые браки. Так что «руки доброй женщины, обвившиеся вокруг шеи мужчины» (Джером Клапка Джером), перестают быть «спасательным кругом, брошенным ему судьбой с неба».

С точки зрения логики, обряд благословения однополых браков возможен: если есть люди, значит, должны существовать и их права. Америка декларирует свободу и права человека, но права для кого и свободу от чего? Применима ли слепая логика к реальной жизни? Есть люди, которым нравится убивать, воровать. Но значит ли это, что их выбор должен быть закреплен законом? Для человека, для его духовного мира есть грань, черта, которую он не имеет права переступать, если он человек, потому что есть «божий суд», есть природа, и она выше логически безупречных законов: однополые браки, прежде всего, уничтожают человека как биологический вид. Приемный ребенок, выросший в такой семье, никогда не сможет стать полноценным человеком, потому что у него вместо мамы и папы есть «родитель № 1» и «родитель № 2». В соответствии с законами, принятыми в ряде стран Европы, из официальных документов исчезли слова *отец* и *мать*. Что последует за этим, можно только предположить, потому что данные лексемы – не просто наименование объектов реальной действительности, это энергетически мощные слова-концепты: «Мама – это самое красивое слово, произнесенное человеком» (Петер де Вриес); «*Будущее нации – в руках матерей*» (Оноре де Бальзак); «*Вы действительно не понимаете человеческую природу, если не знаете, почему ребенок на карусели машет своей маме на каждом круге и почему его мама машет ему вслед*» (У. Таммеус); «Мать вне ряда. Место ее в нашей жизни совершенно особое, исключительное. Материнство выходит за пределы обычных форм человеческих связей: профессиональных, дружеских, любовных и тому подобное. И в то же время содержит все их зерна, потому что мать несет в себе идею человека. Мать создает новые жизни и тем самым передает эстафету рода человеческого. Она, можно сказать, источник возобновляющихся сил природы» (И.Ф. Гончаров). Недаром данное слово входит в такие стандартные словосочетания как *Родина – мать, мать – сыра земля* и т.п., а термины род-

ства, четко разграничивающие данные концепты, оказываются в числе наиболее древнего пласта слов в каждом языке [13].

Устранение из лексикона слов *мама* и *papa* – это не только языковая «потеря»: во-первых, культура строится на различии, а не на унификации; во-вторых, отказ от слов *мама* и *papa* не устранил «арифметическое» преимущество «родителя № 1» перед «родителем № 2». Между тем, по словам императрицы Екатерины Великой, «всякий родитель должен воздерживаться при детях своих не только от дел, но и от слов, клонящихся к несправедливости и насилию, как-то: брани, клятвы, драк, всякой жестокости и тому подобных поступков, и не позволять и тем, которые окружают детей его, давать им такие дурные примеры». За сохранение института семьи ратовала и британский премьер-министр, «железная леди» Маргарет Тэтчер: «Общества как такового не существует: есть только мужчины и женщины. Ах да, ещё семьи... Петух, может быть, хорошо кукарекает, но яйца все-таки несёт курица».

Парадоксальность гендерного фактора в цивилизованной Европе, легализацией противоестественных отношений между полами, к сожалению, не исчерпывается. Малолетних детей учат «правильной любви»: в июне 2017 года, например, в канадской провинции Онтарио был принят закон, предписывающий изымать детей у родителей, которые критикуют нетрадиционные браки и гендерную идеологию ЛГБТ. Более того, теперь «правительственные учреждения Канады получили право запрещать «традиционным семьям» воспитывать или усыновлять детей... Данный закон либералы протаскивали под лозунгом «защиты права всех детей Канады пробовать гомосексуальные отношения». А так как детям экспериментировать запрещают «верующие» или «традиционные» родители, то именно от таких «ретроградов» законодатели вознамерились защитить всех малышей и подростков страны» [15]. Детям прививают жестокость, принуждая "стойко" наблюдать за публичным расчленением животных: так, в 2014 году весь Интернет был взбудоражен убийством молодого жирафа Мариуса, содержавшегося в копенгагенском зоопарке, который стал широко известен тем, что был убит выстрелом из скотобойного пистолета и скормлен львам того же зоопарка. Обоснованием для эвтаназии стало то обстоятельство, что селекционеры старались не допустить инбридинга – скрещивания животных в пределах одной популяции (а Мариус родился в результате скрещивания близких родственников). Процедура забоя Мариуса была представлена как детский образовательный проект, поэтому мероприятие было заранее анонсировано, и на него пришли родители с детьми [19]. За этим последовала расправа над волком в Музее естественной истории г. Орхуса, второго по величине г. Дании; затем – дельфина и т.д.

Легализация новой морали превращается в опасную систему. Все это напоминает реальный закат Европы, о котором предупреждал О. Шпенглер [23].

В основе критериев, которые до сих пор не давали масштабных сбоев в массовом сознании и служили для общества маркерами, разделяющими добро и зло, божественное и сатанинское, лежали природные инстинкты самосохранения и продолжения рода. На кого равняться современному человеку, чтобы не ошибиться в своих поступках, в выборе, который ему приходится делать?

Ответ очевиден: на выработанные веками национальные культурные ценности и нравственные законы; на оценочный взгляд Иисуса и пример Пророка Мухаммада. Это то, что пока «держит» мир, не давая ему стать объектом Содома и Гоморры, двух городов, в которых процветали мужеложество, праздность, гордость, эгоизм. Согласно библейской притче, Господь наказал жителей этих городов за непослушание и несоблюдение житейских законов.

Сегодня социологи и психологи изучают способность человека к браку, рассматривая такие качества личности, как способность сочувствовать, сопереживать, высокая этическая культура, стремление к диалогу, к снисходительности, великодушии и проч. Учитывая экономические сложности, неустроенность, молодые люди не стремятся связывать себя узами брака. Согласимся с С.В. Ковалевым [9], который подчеркивает важность и необходимость формирования у юношей и девушек адекватных брачно-семейных отношений. Результат анкетного опроса «Твой идеал» среди студенческой молодежи показал, что любовь при выборе спутника жизни оказалась на четвертом месте. Меркантилизация и рационализм в оценке брачных отношений современных молодых людей превалирует над «всевластием» любви как чувства, толкающего молодого человека к «безрассудным» поступкам, от которых появляются дети. У большого числа как девушек, так и юношей отмечены завышенные требования к будущей избраннице или избраннику на роль мужа или жены. Данные, полученные В.И. Зацепиным [7], показывают нереалистичность запросов молодых людей одного социального круга. Сегодня не только в Европе, но и в России женщины детородного возраста откладывают рождение первенца, объясняя это стремлением карьерного роста. Социологи, психологи [1-4, 6, 8, 10-12, 16-17, 20-22] подчеркивают: современный мир ждет не женщин, а мужчин, которые не уйдут в декретный отпуск, не будут связаны необходимостью отдавать себя воспитанию детей и сохранением семейного очага.

Семья, которая, по утверждению Д. Сантаяны [18], «один из шедевров природы», по-прежнему остается едва ли не единственной надеждой на сохранение культурных ценностей национальной культуры, поэтому согласимся с О. де Бальзаком: "Семья всегда будет основой общества".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева Т.В. Семейная психология. СПб.: Изд-во "Питер", 2014. 336 с.
2. Антонов А.И. Предмет социологии семьи // Социология семьи / Под ред. А.И. Антонова. М.: ИНФРА-М, 2007. 640 с.
3. Бойко В.В. Малодетная семья: социально-психологический аспект. М.: Мысль, 1988. 231 с.
4. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
5. Гнединская А. Я вас породил, я вас и убью / «Московский комсомолец» от 21 марта 2016 г., № 61 (246), С.11.
6. Голод С. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования, 2008 г. №1. С.46-53.
7. Зацепин В.И. О регуманизации психологии / Труды Ярославского методологического семинара / Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С.132-143.

8. Игебаева Ф.А. Семья в трансформирующемся российском обществе. // Социологические исследования, 2014. № 9. С.73 – 76.
9. Ковалев С.В. Семейные основы. Сверхполезная психология! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KcmS-7GnmUw>
10. Кучмаева О.В., Ростовская Т.К. Новые тенденции в формировании жизненных стратегий членов молодых семей в современном российском обществе (анализ Всероссийского социологического исследования) / Вестник Академии права и управления, 2016, №2. С. 113–122.
11. Майерс Д. Социальная психология: Интенсивный курс. СПб.: Олма-Пресс, 2004. 510 с.
12. Мацковский М.С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989. 117 с.
13. Мейе А. Общеславянский язык / Пер. и примеч. проф. П.С. Кузнецова. М.: Изд-во УРСС, 2001. 492 с.
14. Навайтис Г.А. Семья в психологической консультации. Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. 224 с.
15. Онойко П. В Канаде принят закон, позволяющий изымать детей у родителей-противников ЛГБТ. URL: <https://rua.gr/news/sobmn/obschestvo/21755-v-kanade-prinyat-zakon-pozvolayayushchij-izymat-detej-u-roditelej-protivnikov-lgbt.html>
16. Орехова Е.Я., Шайденко Н.А., Подзолков В.Г. Проблемы семьи и воспитания: библиографический очерк зарубежной литературы / Научное мнение. Международный научный журнал. СПб: Санкт-Петербургский университетский консорциум, 2016, № 6–7. С.23–28.
17. Пьянов А.И. Социальный институт семьи как структурный и ценностно-нормативный компонент социума. URL: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/41.htm
18. Сантаяна Дж. Характер и мировоззрение американцев. М.: Идея-Пресс, 2003. 176 с.
19. Тарасевич Г. Жираф Мариус и ценности XXI века. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2014/06/zhiraf-marius-itsennosti-xxiveka/
20. Черкашина Т.Т., Новикова Н.С. Аксиология педагогики высшей школы: лингвопрагматический и дидактический аспекты/ Известия Тульского государственного университета. Педагогика. Тула: ТГУ, 2017, №2. С. 127–139.
21. Черкашина Т.Т., Новикова Н.С. Возрождение духа античной пайдеи: поиск смысла ценностей в высшем образовании / Диалогическая этика. Материалы II Международной научно-практической конференции. Армавир: АГПУ, 2017. С.16–19.
22. Черкашина Т.Т. и др. Язык деловых межкультурных коммуникаций. М.: ИНФРА-М, 2017.
23. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т.1. М.: Айрис-Пресс, 2003. 522 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Andreeva T. V. Family psychology. SPb.: Peter publishing house, 2014. 336 p.
2. Antonov A. I. Subject of family sociology / / Sociology of the family / edited by A. I. Antonov. Moscow: INFRA-m, 2007. 640 p.
3. Boyko V. V. having a small family: socio-psychological aspect. M.: Thought, 1988. 231 p.

4. Giddens, E., Sociology. M.: editorial URSS, 1999. 704 p.
5. Gadinsky A. I have created you, I and will kill you / "Moskovsky Komso-molets" on March 21, 2016, No. 61 (246), p. 11.
6. Golod S. Sociological and demographic analysis of the state and evolution of the family // Sociological research, 2008 №1. P. 46 – 53.
7. Zatsepin V. I. On rehumanization psychology / Proceedings of the Yaroslavl methodological seminar / Subject of psychology. Yaroslavl: MAPN, 2004. C. 132–143.
8. Igebaeva F. A. Family in the transforming Russian society. // Sociological re-search, 2014. No. 9. P. 73 – 76.
9. Kovalev S. V. family Foundation. Super-useful psychology! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KcmS-7GnmUw>
10. Finally O. V., Rostov because of a New trend in the formation of life strate-gies of members of young families in contemporary Russian society (analysis of the all-Russian sociological research) / Bulletin of the Academy of law and management, 2016, No. 2. C. 113–122.
11. Myers D. Social psychology: an Intensive course. SPb.: OLMA Press, 2004. 510 p.
12. Matskovsky M. S. Sociology of the family: problems of theory, methodology and methods. Moscow: Science, 1989. 117 p.
13. Meye A. common Slavic language / Per. and remarkable. prof. p. S. Kuznetsova. Moscow: Publishing house URSS, 2001. 492 p.
14. Navaytis G. A. Family counseling. Voronezh: publishing house of NGO "MODEK", 1999. 224 p.
15. Onoyko P. In Canada passed a law allowing the seizure of children from par-ents-opponents of the LGBT community. URL: <https://rua.gr/news/sobmn/obschestvo/21755-v-kanade-prinyat-zakon-pozvolayushchij-izymat-detej-u-roditelej-protivnikov-lgbt.html>
16. Smith E. J., Sidenko N. A. Podzolkov V. G. problems of family and educa-tion: a bibliographic essay foreign literature / Scientific opinion. International scientific journal. St. Petersburg: St. Petersburg University consortium, 2016, № 6–7. C. 23–28.
17. Pianov AI Social Institute of the family as a structural and value-normative component of society. URL: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/41.htm
18. Santayana George. Character and Outlook of Americans. M.: Idea-Press, 2003. 176 p.
19. Tarasevich G. Giraffe Marius and values of the XXI century. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2014/06/zhiraf-marius-itsennosti-xxiveka/
20. Cherkashina T. T., Novikova N. S. Axiology of higher school pedagogics: linguistic and didactic aspects / proceedings of Tula state University. Pedagogy. Tula: TSU, 2017, No. 2. C. 127–139.
21. Cherkashina T. T., Novikova N. With. The revival of the spirit of the ancient Paideia: the search for the meaning of values in higher education / Dialogical ethics. Proceedings of the II International scientific and practical conference. Armavir: agpu, 2017. C. 16–19.
22. Cherkashina T. T. et al. Language of business intercultural communication. Moscow: INFRA-M, 2017.
23. Spengler O. decline of Europe: Essays on the morphology of world history. Vol.1. M.: Iris-Press, 2003. 522 p.

КРОССКУЛЬТУРНАЯ СЕМЬЯ В РОССИИ XXI ВЕКА В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Тихонова Е.В., кандидат исторических наук, доцент Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Ключевые слова: кросскультурный брак, межнациональный брак, этническая самоидентификация, религиозная самоидентификация, прагматизм, гедонизм.

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия института кросскультурной брачности современной молодежью. 243 представителя ведущих российских вузов приняли участие в исследовании, посвященном заявленной проблематике. Отвечая на вопросы исследования, его участники, в большинстве своем, продемонстрировали несоответствие когнитивного восприятия феномена кросскультурного брака, с его эмоциональной оценкой, что свидетельствует об отсутствии четко сформировавшейся позиции и преобладании глубоко прагматического подхода к возможности вступления в подобный социальный микроорганизм.

CROSS-CULTURAL FAMILY IN RUSSIA OF XXI CENTURY IN THE PERCEPTION OF STUDENT'S YOUTH

Tikhonova E. V., PhD of history, associate Professor peoples ' friendship University of Russia, Moscow, Russia

Keywords: cross-cultural marriage, interethnic marriage, ethnic self-identification, religious self-identification, pragmatism, hedonism.

Annotation: The article is devoted to the analysis of the institute of cross-cultural marriage perception by the modern youth. 243 representatives of the leading Russian universities took part in the study devoted to the stated problems. Answering the research questions the participants, for the most part, demonstrated a discrepancy between the cognitive perception of the phenomenon of cross-cultural marriage and its emotional assessment, which indicates the absence of a clearly formed position and the predominance of a deeply pragmatic approach to the possibility of such a social microorganism participating.

Семью традиционно воспринимают в качестве института выполняющего воспитательную функцию, регламентирующего бытовой уклад и демографические процессы, способствующего, тем самым, экономическому и социальному развитию общества. Вместе с тем, на современном этапе развития общества место брака в системе его социально-ценностных ориентиров значительно девальвировалось.

В течение длительного исторического промежутка брак означал собой стабильность, ограничение сексуальной свободы супругов и ориентацию последних на прокреацию. Во многих странах вступление в брак реализовывалось под сенью религиозных установлений. Сегодня брак представляет собой подвижную систему, не имеющую обязательную целевую установку на безус-

ловную незыблемость и биологическое воспроизведение родителей. Ключевым фактором новой концепции брака выступили эмансипация женщины, стремление общества к гедонизму и крайний практицизм современного мировосприятия. Существенное изменение модели матримониального поведения привело не только к большей свободе отношений между полами, отмиранию ряда религиозных и светских запретов, но и, во многом, способствовало распространению социально- и этнически-гетерогенных и кросскультурных браков.

Указанные тенденции в наибольшей степени характерны для молодежной среды, интериоризирующей социальные трансформации практически в режиме реального времени. Целью данного исследования является локализация места кросскультурного брака в иерархии социокультурных ценностей студенчества Москвы.

Модель кросскультурного брака объединяет семейными узами представителей различных социокультурных слоев общества, имеющих свои особенности культуры и системы ценностей [Мельниченко, Плотников, Ростовская, 2005, с. 50].

В России принято выделять следующие типы кросскультурных браков:

1. пары, где один из супругов является представителем титульной национальности данного региона, а другой – русский;
2. один из супругов представитель титульной национальности данного региона, другой – любой иной национальности, кроме русской;
3. украино-русские пары, выделяемые как наиболее распространённые;
4. пары, включающие русских и представителей других национальностей;
5. любое сочетание представителей других национальностей [Горкин, 2000, с. 85].

Согласно концепции Т.К. Ростовской [Ростовская, Ростовская, 2017], становление кросскультурного брака имеет длительную историю. Своим становлением кросскультурные браки обязаны феномену династических браков в Царской России. Последние были призваны способствовать стабилизации и укреплению отношений между государствами, являлись символом роста международного авторитета России.

Октябрьская революция 1917 г. знаменовала второй этап развития института кросскультурного брака, снискавшего популярность уже и у простого населения страны. Факторами, способствовавшими популяризации кросскультурного брака стали частые миграции населения, многонациональный состав населения государства и отмена юридических формальностей, препятствующих подобным бракам. В 1920–1930-е гг. кросскультурный брак становится одним из инструментов уклонения от репрессий: представители различных национальностей заключали кросскультурные браки с целью сокрытия своей национальности (например, этнические немцы активно практиковали такие браки).

Третий этап развития кросскультурных браков традиционно соотносят с периодом существования СССР, характеризующийся ростом числа подобных браков в среде русских, живущих в инациональном окружении. Инте-

ресно, что постепенно доля кросскультурных семей в городе и на селе практически сравнялась. Безусловными лидерами по числу кросскультурных браков выступали русские, украинцы и белорусы. Из 100 кросскультурных семей лишь 2–3 не включали представителей этих народов, при этом в более чем в половине кросскультурных семей один из супругов был русским [Ростовская, Ростовская, 2017].

Преимущественное проживание в однонациональной титульной среде приводило к минимализации числа кросскультурных браков, тогда как в случае проживания в союзных республиках, среди других народов, кросскультурная брачность оказывалась высокой. Политика государства в советский период развития истории имела вектор на развитие межнациональных отношений и интернационализацию общества, в рамках которого рост числа кросскультурных браков мыслился эффективной моделью интеграции народов советского социалистического общества.

XXI век стал свидетелем протекания четвертого этапа развития института кросскультурной семьи. Распад Советского Союза, трансформация экономического и геополитического статуса России негативно повлияли на заключение кросскультурных браков. При этом, в результате обострения межнациональных и межэтнических принципов самоидентификации, межэтническая и межнациональная брачность существенно снизилась, актуализируя религиозно-культурные модели семьи.

Развитие института кросскультурного брака породило две взаимно противоположные тенденции: межнациональную и межкультурную интеграцию, параллельно с усилением национальной дифференциации. Указанные процессы имеют как объективные (глобальная экономика и усиливающая мозаичность глобального социума), так и субъективные причины (степень толерантности супругов, культура, обычаи супругов, мотивация супругов к браку [Макарова, 2016]).

Существенное влияние на процессы межэтнической и кросскультурной брачности определяет принцип гомогамии – тенденции иметь личностные отношения с себе подобными. В сфере семейно-брачных отношений принцип гомогамии реализуется в распространенных установках вступать в брак с представителями собственной национальности [Зейтунян, 2006]. Социальные стереотипы так же являются факторами, зачастую нивелирующими популярность подобных браков. Не случайно, отсюда, межэтнические браки всегда были гораздо менее распространены, чем браки мононациональные.

Институт кросскультурного брака сегодня переживает состояние кризиса в общемировом масштабе: увеличивается количество разводов, гражданских браков, растет число неполных семей. Кросскультурная брачность испытывает дополнительное давление вследствие межэтнической напряженности и конфликтности как в ряде регионов бывшего СССР, так и на международном уровне.

Каждая кросскультурная семья представляет собой этнокультурный феномен, с определенной уникальной самобытностью. Маркеры этнокультурного развития этого микросоциального коллектива обусловлены выбором языка

общения между членами семьи, колоритом культурно-бытового уклада. Готовность к заключению кросскультурного брака определяется наличием, характером и продолжительностью общения с представителями иных этносов и культур. Социально-профессиональная деятельность и уровень образования индивида представляются важными факторами, определяющими кросскультурный климат общества.

Различные ценностные установки юношей и девушек (женщины доминируют в ориентациях на брак, любовь, престижность отношений и удовлетворение любопытства, доминанты у мужчин – самоутверждение, эмоциональное удовлетворение и удовольствие) влияет на формирование определенных брачных ориентаций. Интересно, что мотивы ухаживания у молодых людей разных национальностей достаточно близки, тогда как отношение к браку разное. Для русской молодежи более характерно стремление к акцентированию эмоциональных компонентов, для молодежи иных национальностей – инструментальных составляющих [Зейтунян, 2006].

Проблема жизнедеятельности кросскультурных браков фундируется характером взаимоотношений между супругами, восприятием другой культуры. Ключевой является и религиозная проблематика [Тихонова, 2015]. На волне влюбленности супруги декларируют свою готовность принять не только религиозные убеждения партнера, но, по прошествии времени, эта декларация становится зыбкой на фоне обостряющегося чувства утраты своего «я» вместе с отказом от норм и традиций своей этнической культуры и присущей ей религиозной доктрине. Ключевой является и проблема самоопределения ребёнка в кросскультурных браках [Ростовская, Сулейманов, 2017]. Определяя свою принадлежность к культуре и религии, он опасается обидеть кого-то из родителей. Принимая решение о национальности своего ребенка, родители исходят из многих обстоятельств, ключевым из которых является "престижность" той или иной этничности в данных условиях и в данное время, либо же твердое желание, чтобы ребенок продолжил этническую родословную родителя.

Особое место в системе общественных отношений занимает студенческая молодежь. Специфика нахождения в образовательной среде, постоянное личностное и интеллектуальное развитие, достаточно открытый и динамичный образ жизни студентов способствует расширению межнациональных и этнокультурных контактов и активизирует компоненты межэтнического развития индивида в обществе. Глобальность современного мира, «открытость» его социумов порождают у молодежи веру в потенциальную возможность стать космополитом; стремление «попробовать себя» в ситуации проживания за рубежом; расширить свои горизонты, превращают этнокультурный брак в орудие реализации заявленных желаний, наделяют его ореолом «таинственности», «неизведанности» и делают весьма притягательным.

В целях диагностировать отношение российской молодежи к институту кросскультурного брака, весной 2018 года в ряде ведущих российских вузов было проведено авторское исследование, в котором приняли участие 243 студента (134 юноши и 109 девушек) в возрасте от 17 до 23 лет. 10% респондентов на момент исследования состояли в браке. Этническая при-

надлежность участников была достаточно широкая: русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, осетины, чеченцы, болгары, узбеки, казахи, ингуши, осетины. По своим религиозным воззрениям реципиенты причислили себя к атеистам (32%), христианам, мусульманам, буддистам. Около 8% участников не указали свою религиозную принадлежность. 2% участников назвали себя сектантами.

Всем участникам было предложено заполнить анкету с открытыми и закрытыми вопросами. Для верификации полученных данных использовалось заключительное интервьюирование респондентов.

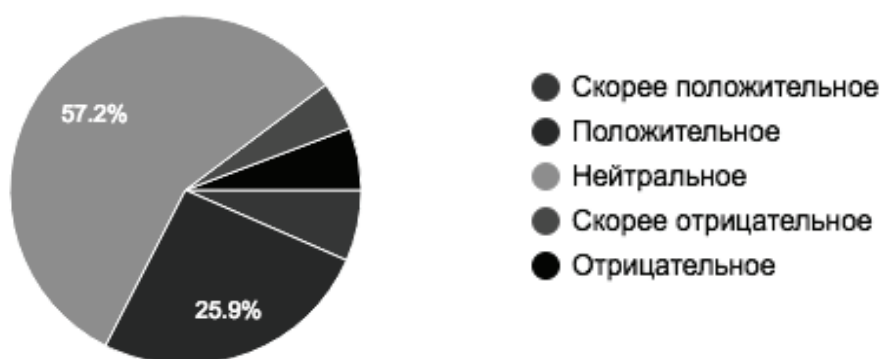
Участникам было предложено оценить свое отношение к кросскультурным бракам (См. Диаграмма 1). Согласно полученным данным, 57% участников охарактеризовали его как нейтральное, 26% – как положительное, остальные критерии оценки получили приблизительно равное количество голосов.

Диаграмма 1.

Отношение респондентов к кросскультурным бракам

Оцените Ваше отношение к межнациональным бракам

243 responses

Выбирая утверждения, которые в наибольшей степени характеризуют отношение участников исследования к кросскультурным бракам, они уже не казались столь единодушными. 47% участников отметили, что этническая принадлежность и культурная детерминированность супругов не имеет принципиального влияния на успешность их брачного союза. 12% опрошенных заявили, что кросскультурные браки влияют на формирование подлинной толерантности. 12,8% отметили их обогащающее влияние на общечеловеческую культуру. Вместе с тем, 14,4% реципиентов полагают, что подобные браки могут иметь место, но не должны становиться массовыми. По мнению 10% – кросскультурные браки ведут к обострению этнонациональных принципов самоидентификации, а потому потенциально конфликтны. 9,9% заявили, что подобная брачность не должна приветствоваться в принципе. Интересно, что в интервью ключевыми комментариями по данным утверждениям выступили фразы: «вступление в подобный брак – личное дело каждого, но я отношусь к ним строго отрицательно»; «моя жена

должна следовать моей религии, а её этническая принадлежность меня не интересует»; «вступать этнокультурные браки можно только с представителями сходных культур»; «мне все равно».

Комментируя факторы, имеющие определяющее влияние на формирование позиции респондента по отношению к кросскультурному браку (См. Диаграмма 2), лидирующими оказались опыт взаимодействия с представителями различных этнокультурных групп и семейное воспитание. Культурные традиции, этническая и религиозная принадлежность респондентов оказали значительно меньшее воздействие.

Диаграмма 2.

Критерии, определяющие отношение респондентов к кросскультурным бракам

Укажите, что из нижеприведенного в большей степени влияет на Ваше отношение к кросскультурным бракам

243 responses

Свое отношение к другим этническим группам (См. Диаграмму 3) участники исследования маркировали как преимущественно нейтральное или скорее положительное (58,4 и 33,7% соответственно). Примерно такой же паритет сохранился и в отношении религиозной принадлежности потенциального супруга (60,9 и 16,5% соответственно).

Вместе с тем, достаточно существенным оказалось и число относящихся к этим структурным компонентам кросскультурной брачности «скорее отрицательно» или «отрицательно, зачастую с агрессией» (См. Диаграмму 4).

Абсолютное число респондентов (70,8%) считает для себя возможным вступление в кросскультурный брак (См. Диаграмму 5), независимо от реакции семьи на их решение (70,4%).

Несмотря на то, что участники преимущественно убеждены в своей способности принять решение о вступлении в кросскультурный брак (См. Диаграмма 6) независимо от этнической принадлежности потенциального супруга и мнения родителей, в процессе интервью многие отметили, что подобное влияние способны оказать друзья и отношение общества к данному феномену.

Диаграмма 3.

Отношение респондентов к представителям других этнических групп

Как Вы относитесь к представителям других этнических групп

243 responses

Диаграмма 4.

Отношение респондентов к представителям различных религиозных групп

Как Вы относитесь к представителям других религиозных групп

243 responses

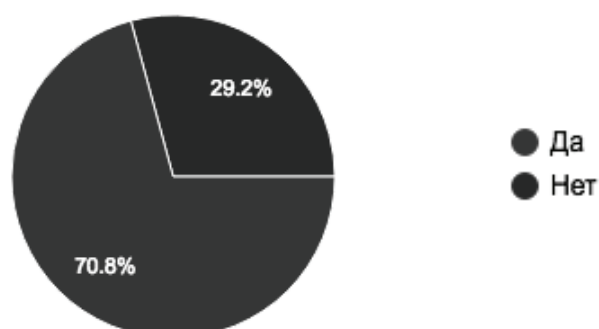

Диаграмма 5.

Отношение респондентов ко вступлению в кросскультурный брак

Считаете ли Вы возможным вступление в кросскультурный брак

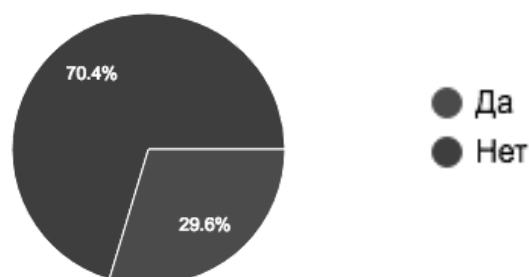
243 responses

Влияние отношения родителей к этнической принадлежности партнера на вступление в кросскультурный брак

Повлияет ли отношение Ваших родителей к национальности Вашего партнера на Ваш выбор?

243 responses

Последующее интервьюирование, вместе с тем, позволило выявить ряд противоречий в достаточно однозначных и толерантных ответах на вопросы анкеты. Лишь 17% опрошенных не усмотрели никаких отрицательных сторон в развитии и популяризации института кросскультурной брачности. Подавляющее большинство ответивших указали на «размывание культур», «разное воспитание», «смешение языков и потерю языковой идентичности», «появление большого числа иммигрантов», «конфликт интересов», «разногласие», «необходимость слишком многое терпеть», «разногласия у родителей», «утрата собственных этнических и культурных ценностей» и др. Вполне очевидно, что общая риторика ответов противоречит рассудочно выбранным вариантам ответа в анкете. К числу положительных последствий анализируемого института стабильно были отнесены «красивые дети», «возможность жить за границей», «развитие терпимости». Значительно менее внушительный список, нежели в ответе на предыдущий вопрос.

Примечательными являются ответы участников исследования на вопрос о культурной, религиозной и этнической принадлежности детей, родившихся в кросскультурных браках. Несмотря на зафиксированный преобладающий положительно-нейтральный фон в отношении самого института подобного брака, 93% участника заявили о своем однозначном желании, чтобы их ребенок унаследовал именно их этно-культурные ориентиры. Отсюда, представляется, что в восприятии студенчества речь идет не об интеграции и воспитании толерантности внутри кросскультурной семейной ячейки общества, а о сосуществовании и терпимости.

Гендерная стратификация, равно как и религиозная принадлежность респондентов, не оказали преимущественного влияния на характер зарегистрированных ответов, а потому анализ по их критериям не реализовывался.

Институт брака теряет свою популярность в силу радикальной трансформации своей природы. При этом, несмотря на заявления о принятии кросскультурного брака и его уместности в современных реалиях, существенная часть студенческой молодежи ориентирована на мононациональный брак, по-

лагая его кросскультурную модель приемлемой, но менее желанной. Молодые люди воспринимают перспективу подобного брака в качестве захватывающего опыта, возможность попробовать что то новое без необходимости его восприятия в качестве незыблемой модели. Их отношение к кросскультурному браку зачастую меняется на диаметрально противоположное в различном контексте обсуждения проблематики, что характеризует общую потребительскую модель большей части современного молодежного социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Алексахина Н.А. Тенденции в изменении национальной идентичности народов России // Социологические исследования. – 1998. – № 2. – С. 49–54.
2. Горкин А.П. Социальная энциклопедия. М., 2000.
3. Зейтунян М.А. Межэтнический брак в системе социально-ценностных взаимодействий студенческой молодежи Республики Адыгея: Авт. на соиск. уч. ст. к.с.н. – Майкоп, 2006.
4. Макарова И.А. Межнациональные браки в современных условиях: особенности, факторы, мотивы формирования (на примере Забайкальского края): Авт. на соиск. уч. ст. к.с.н. – Улан-Удэ, 2016.
5. Мельниченко И.И., Плотников А.Д., Ростовская Т.К. Создание моделей деятельности и организации работы по формированию у подростков и молодёжи правильного репродуктивного поведения и установок на образование семьи как основы возрождения традиционных моральных ценностей. – М., 2005.
6. Ростовская Т.К., Ростовская Н.А. Кросскультурные браки в молодежной семье: проблемы, тенденции // Культурное наследие России. – 2016. – № 2. – С. 78–83.
7. Ростовская Т.К., Сулейманов А.Д. Жизнеспособность кросскультурных браков в России и Азербайджане // Вестник ВЭГУ. – 2017. -№ 2(88). – С. 110–116.
8. Тихонова Е.В. Стереотипизация и дискриминация этнокультурных групп: «отмывание информации» и «язык вражды» новых медиа // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации: сб. науч. тр. – М.: РУДН, 2015. – С. 485–503.

REFERENCES AND SOURCES

1. Aleksakhina N. A. Trends in changes in the national identity of the peoples of Russia // Sociological research. – 1998. – no. 2. – S. 49–54.
2. Gorkin A. P. Social encyclopedia. M., 2000.
3. Zeytunyan, M. A. Interethnic marriage in the system of social and value-based interactions of students of the Republic of Adygea: Ed. on competition of a scientific degree. academic article PhD – Maykop, 2006.
4. Makarova I. A. International marriages in modern conditions: features, factors, motives of formation (by the example of the TRANS-Baikal territory): a Bus. on competition of a scientific degree. Uch. St. K. s. n. – Ulan-Ude, 2016.
5. Melnichenko, I. I., Plotnikov A. D., Rostov since the Creation of the working models and the organization of work on formation of adolescents and youth the right to reproductive behaviour and attitudes to education of the family as the basis for the revival of traditional moral values. – M., 2005.

6. Since Rostov, Rostov N.. Cross-cultural marriages among young family: problems, tendencies // the Cultural heritage of Russia. – 2016. – No. 2. – S. 78–83.
7. Rostov T. K., Suleimanov, A. D. the Viability of cross-cultural marriages in Russia and Azerbaijani // Bulletin vegu. – 2017. – No. 2(88). – P. 110–116.
8. Tikhonova E. V. Stereotyping and discrimination ethno-cultural groups: "money information" and "hate speech" the new media World of cultural-linguistic and political space: innovations in communication: collection of scientific works. Tr. – Moscow: RUDN, 2015. – P. 485–503.

МНОГОПОКОЛЕННАЯ СЕМЬЯ РОССИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР

Безвербная Н.А., младший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия

Ключевые слова: социология семьи, многопоколенная семья, структура семьи, семейные отношения, Российская Федерация, США.

Аннотация: В данной статье автор анализирует опыт многопоколенной семьи в двух странах: России и США. Автору статьи кажется актуальным исследование не только российского опыта семейных отношений и многопоколенной семьи, но и американского. Во-первых, существует ряд исследований, проведенных в Америке, результаты которых заслуживают внимания, во-вторых, опыт многопоколенной семьи в США свидетельствует о поддержке семейных отношений, несмотря на ряд проблем, с которыми семья сталкивается, в том числе экономического характера. Таким образом, целесообразно исследование опыта американской и российской многопоколенной семьи.

MULTIGENERATION FAMILY OF RUSSIA AND USA: COMPARATIVE REVIEW

N.A. Bezverbnaya, junior researcher Institute of Socio-Political Research of the RAS, Moscow, Russia

Keywords: family sociology, multigeneration family, structure of family, family relations, Russian Federation, USA.

Abstract: In this article the author analyzes experience of multigeneration family in two countries: Russia and USA. The research not only the Russian experience of the family relations and mnogokopokolenny family, but also American seems to the author of article relevant. First, there is a number of the researches conducted in America which results condemn attention, secondly, experience of multigeneration family in the USA demonstrates support of the family relations, despite a number of problems which the family faces, including economic character. Thus, the research of experience of the American and Russian multigeneration family is expedient.

Семья – важнейший социальный институт, формирующий личность человека. Взаимодействие с ближайшим окружением обеспечивает заимствование социального опыта. Начало развития установок и моделей происходит в детском возрасте, когда усвоение ролей проходит практически бессознательно, в семейном кругу [2]. В разрезе названного социального института важное место занимает исследование межпоколенной семьи и отношений в ней, но не только в России, но и за ее пределами.

Согласно определению, многопоколенная семья включает по меньшей мере два поколения взрослых (родители со своими детьми, которые уже стали взрослыми, взрослые со своими родителями, которые не в состоянии жить без

посторонней помощи, или бабушки-дедушки, живущие со своими внуками). Если говорить об институте семьи в целом в отношении России, то можно наблюдать ярко выраженную нуклеаризацию: традиционная многопоколенная семья замещается нуклеарной [3]. Тренды демографического поведения и семейных отношений в России и США, как нам кажется, в значительной степени совпадают: искажение традиционной семейной идентичности, активное старение населения, увеличение доли не вступающих в брак мужчин и женщин, тенденции к сепарации семьи, увеличение доли матерей-одиночек, увеличение среднего возраста женщины при рождении первого ребенка и т.д. Именно в этой связи нам кажется целесообразным исследовать российский и американский опыт многопоколенной семьи [2].

Прежде всего, считаем целесообразным обратиться к исследованиям AARP Public Policy Institute analysis of Current Population Survey Data и Integrated Health Interview Series, которые отмечают увеличение количества многопоколенных семей в Соединенных Штатах Америки. Например, если в 2000 г. насчитывалось 5 млн домашних хозяйств, относящихся к расширенной семье, что составляло 4,8% от всех домашних хозяйств, то данный показатель увеличился в 2008 г. до 5,3%, т.е. до 6,2 млн многопоколенных семей в Америке. В 2010 г. количество многопоколенных семей увеличилось до 7,1 млн, что составляет 6,1% от общего количества семей. Все вышеназванное отражено на рисунке 1. [1; 6]

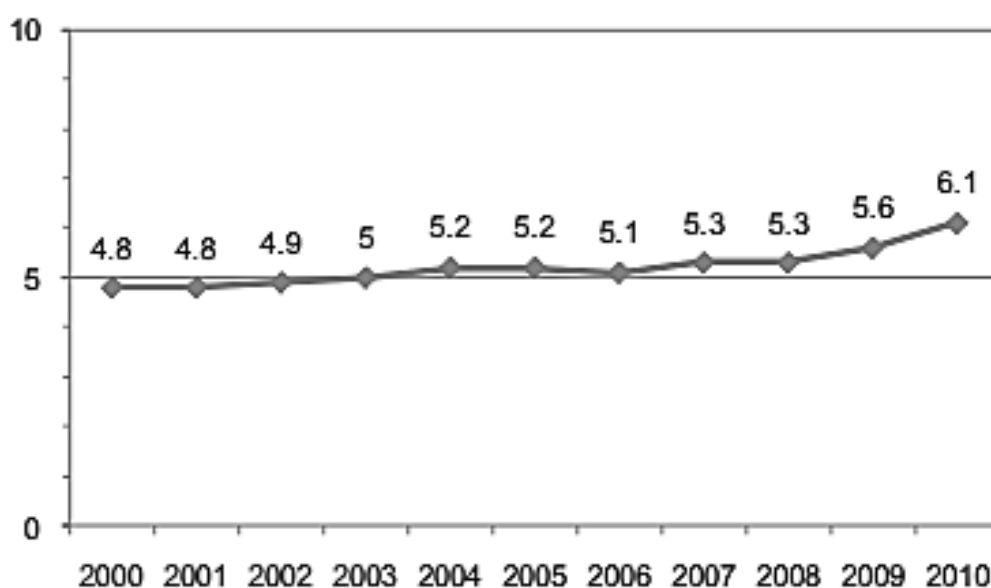

Рис. 1. Динамика роста расширенной семьи в Америке с 2000 по 2010 гг. (данные в % от общего количества семейных домохозяйств)

Необходимо отметить, что Pew Research Center, проанализировав полученные данные, пришел к выводу, что в 2008 г. 49 млн американцев, а это составляет 16% от общей численности населения страны, проживали в расширенной семье, что свидетельствует о значительном росте данного типа семьи, начиная с 1980 г., но замечено, что росту количества многопоколенной семьи

способствует ухудшение экономической ситуации, т.е., затронув все этнические группы, кризис 2007 и 2008 гг. увеличил количество расширенной семьи [6]. Положительным или отрицательным явлением это окажется для института семьи в целом – еще предстоит выяснить научной среде.

На рисунке 2 представлена динамика роста многопоколенной семьи (указана линией синего цвета) по отношению к однопоколенной (указана линией красного цвета), начиная с 1998 по 2013 гг. включительно. Несмотря на то, что мы располагаем данными до 2013 г., тем не менее, как нам кажется, динамика роста многопоколенных семей в Америке остается положительной.

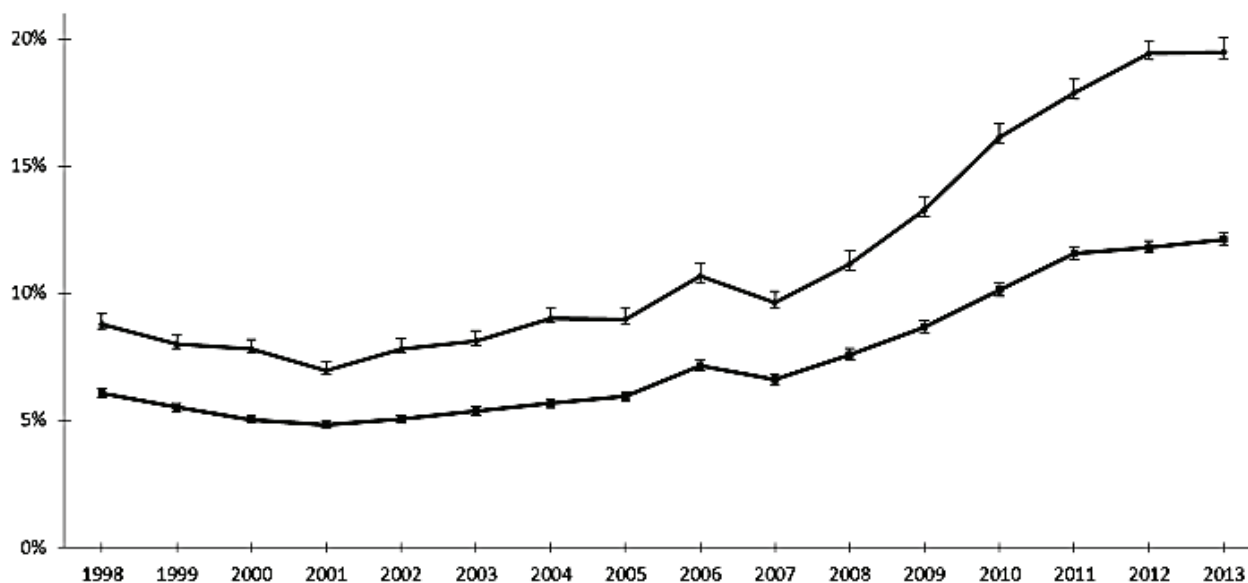

Рис. 2. Соотношение многопоколенной семьи по отношению к однопоколенной с 1998 по 2013 гг. [6]

Исследователь Дамон Ж. отмечает три тенденции, которыми вызван рост многопоколенных семей в США:

1. Многопоколенные семьи могут образовываться вынужденно ввиду активного старения населения, которое довольно часто оказывается в зависимом состоянии;
2. Молодежи становится все сложнее жить отдельно от родителей, что вызвано ростом стоимости получения высшего образования, вынуждая молодых людей дольше жить с родителями;
3. Указывая третью тенденцию, автор ссылается на явление «детей-бумерангов», т.е. в данном случае речь идет о тех, кто уже пытался вести самостоятельную жизнь, переехав от родителей, но экономические трудности заставили их вернуться к ним [1].

К вышеназванным можно добавить следующие тенденции, характерные для расширенных американских семей в целом: велика доля семей с двумя поколениями по сравнению с семьями других типов, относящихся к многопоколенным. Кроме того, семьи с двумя поколениями стимулируют появление семей, состоящих также из нескольких поколений (детьми наследуется модель семьи).

Таким образом, можно отметить общую корреляцию в отношении причин образования многопоколенных семей и в России, и в США, а именно: нерешенные жилищные и экономические проблемы, безработица, низкое социальное обеспечение (нехватка свободных мест в яслях и детских садах), старение населения, объективные факторы, приводящие к неспособности зрелого населения заботиться о себе. Но, кроме того, мы рассматриваем многопоколенную семью в России, как тот социальный институт, который не только образуется вынужденно по экономическим причинам. Необходимо отметить, что для таких семей характерна межпоколенческая преемственность, передача ценностей, нивелирование экономических и социальных трудностей.

Конечно, семья, в которой есть представители трех поколений – является классической воспитательной средой в России. С другой стороны, для многопоколенных семей характерны специфические внутрисемейные конфликты, например, одновременное воспитание детей двумя поколениями (что может привести к напряженности во взаимоотношениях), разность взглядов, опыта, методов воспитания и прочее может спровоцировать серьезные конфликты [3]. Но, как нам кажется, недостаток межпоколенных контактов отрицательно воздействует на все возрастные группы в семье, учитывая тенденции к разобщению и нетерпимости.

Если обратиться к статистике, то можно заметить, что уровень разводов в России остается стабильно высоким: по данным Росстата на 1000 заключенных браков в 2016 г. пришлось 895 разводов, в 2017 г. – 829 [4; 5]. На наш взгляд, наряду с теми специфическими конфликтами, которые были указаны выше, именно в рамках межпоколенной семьи возможна передача традиций, семейных ценностей подрастающему поколению, определенной семейной модели поведения, и в дальнейшем дети, воспитывавшиеся в межпоколенной семье, будут способны создать и сохранить семью – это во-первых, а во-вторых, в межпоколенной семье легче избегать и купировать конфликтные ситуации, в этих семьях есть понимание и эмоциональная поддержка, что, конечно, может предотвратить распад семьи, что в итоге положительным образом скажется на демографических показателях.

Таким образом, подводя итоги, можно отметить, с одной стороны, очевидную положительную динамику формирования расширенных семей в Америке, но эта динамика вызвана, в частности, негативными экономическими факторами, с другой стороны, можно отметить неоднозначные аспекты трансформации семейной структуры в российском обществе, а именно: тенденцию к сепарации и нуклеаризации. Таким образом, образование многопоколенной семьи может иметь разнонаправленные последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Дамон Ж. Многопоколенные семьи в США. DAMON J. Les foyers multigénérationnels aux États-Unis // *Futuribles*. – P., 2016. – N 415. – Pp. 156–157.
2. Кризис института семьи в США. Н. Хвыля-Олинтер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rusrand.ru/events/krizis-instituta-semi-v-ssha> (дата обращения : 07.04.2018).

3. Лакарова, Е.В. Гармонизация межпоколенных отношений в семье: история и современность [59–62]. Материалы научно-практической конференции «Семья в системе ценностей поколений» 5 декабря 2016: Сборник научных статей / Под ред. Т.К. Ростовской, С.Н. Фоминой, – М.: «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. – 162 с.
4. Федеральная служба государственной статистики. Данные по возрастам жениха и невесты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# дата обращения : 08.04.2018.
5. Федорова, М.Д., Ростовская Т.К. Влияние межпоколенной семьи на формирование и создание благополучной молодой семьи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ovv.esrae.ru/pdf/2017/6/1195.pdf> Дата доступа : 22.03.2018.
6. Pilkauskas NV. Three Generation Family Households: Differences by Family Structure at Birth [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3765068/> (date of access: 08/04/2018).

REFERENCES AND SOURCES

1. Damon Ж. Многопоколенные семьи в США. Дамон Ж. Le multigénérationnels фойе ОКС панорамный Юнис // Futuribles. – П., 2016. – N 415. – ПП. 156–157.
2. Кризис института семьи в США. Н. Хвыля-Liter [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rusrand.ru/events/krizis-instituta-semi-v-ssha> (дата обращения : 07.04.2018).
3. Лейкерс, Е.В. Гармонизации межпоколенных отношений в семье: история и церемонии [59–62]. Материалы научно-практической конференции «Семья в системе ценностей мешке» 5 декабря 2016: Сборник научных статей / Под ред. Т.К. Ростовской, С.Н. Я., – М.: «ПЕРСПЕКТИВА» 2017,. – 162 с.
4. Федеральная служба государственной статистики. Данные по худшему жениха и невесты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ дата# обращения : 08.04.2018.
5. Федорова, М.Д., Ростовская Т.К. Влияние межпоколенной семьи на формирование и создание благополучной молодой семьи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ovv.esrae.ru/pdf/2017/6/1195.pdf> Дата доступа : 22.03.2018.
6. Pilkauskas NV. Семейные домохозяйства трех поколений: различия по структуре семьи при рождении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3765068/> / (Дата доступа: 08/04/2018).

Раздел III

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Section III

SOCIO-DEMOGRAPHIC DYNAMICS FAMILY INSTITUTION

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЬИ КАК ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ К НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Каменева Т.Н., доктор социологических наук, доцент, Курский государственный университет, Курск, Россия

Ключевые слова: трансформация, семья, адаптация, функции семьи, формы семьи.

Аннотация. В статье проанализированы изменения форм и функций семьи в условиях общества риска. Обосновано, что трансформируясь, семья способна адаптироваться к новым условиям, продуцирующим многообразие семейных форм и способов реализации функций семьи

TRANSFORMATION OF THE FAMILY AS A PROCESS OF ADAPTATION TO A NEW SOCIO-CULTURAL REALITY

Kameneva T.N., doctor of Sociology, Associate Professor, Kursk State University, Kursk, Russia

Key words: transformation, family, adaptation, family functions, family forms.

Abstract: The article analyzes the changes in family forms and functions in the context of a risk society. It is justified that the family is able to adapt to the new conditions, transforming the family forms and ways of realizing the functions of the family.

На протяжении последних десятилетий состояние семейно-брачной сферы характеризуется ростом количества разводов, неполных семей и повторных браков, увеличивается число одиноко проживающих мужчин и женщин, интенсифицируются сексуальные отношения вне института брака. К основным социокультурным детерминантам трансформации семьи в первую очередь следует отнести риски современного общества. Последствия стихийных бедствий и техногенных катастроф, экономических спадов и политических кризисов, бесконтрольного применения современной техники и технологий, террористических актов и ошибочных решений в управлении не обходят стороной ни одну семью. Именно риски, выражающиеся в ожидании определённых событий, и необходимость прогнозировать возможность их проявления, просчитывать последствия обуславливают изменения в социальных практиках индивидов, в том числе и в семейно-брачной сфере. Общество риска стало своего рода условием трансформации семьи, а происходящие изменения в сфере семьи и брака ответной реакцией на вызовы рискогенной реальности и адаптацией института семьи к существованию в ней.

Наблюдающиеся в семейно-брачной сфере явления можно отнести к признакам эволюции семьи как социального института. Во всех подсистемах семьи – домохозяйстве, супружестве, родительстве и родстве – наблюдаются необратимые трансформационные сдвиги, которые характеризуются вариативностью семейных форм, изменением функций семьи и трансформацией семей-

но-брачных практик. Следовательно, суть процесса трансформации семьи лежит во взаимосвязи изменения её форм, функций и практик.

Семейно-брачные практики, в свою очередь, выступают в качестве системы устойчивых и массовых социальных действий и взаимодействий в сфере семьи и брака и обеспечивают функционирование института семьи.

Целевой функцией семьи, характеризующей ее как социальный институт, является детовоспроизводство – рождение, воспитание, поддержание ребенка до момента включения в процесс социокультурного воспроизводства. Базовые функции позволяют поддерживать целостность семьи в условиях нарастания рисков. К ним следует отнести репродуктивную, хозяйственно-бытовую, социализирующую и стабилизирующую (родственную). Данные функции реализуются в соответствующих подсистемах семьи: супружестве, домохозяйстве, родительстве и родстве.

Форма семьи представляет собой внутреннюю организацию, устойчивую взаимосвязь между членами семьи, которая существует благодаря семейным практикам. Форма семьи определяется её структурой. Ядром структуры семьи принято считать супружескую пару (мужчину и женщину), и формы семьи выделяются в зависимости от добавления к «ядру» детей, родственников, родителей супругов и других близких.

В качестве базового типа следует рассматривать патриархальную семью (большая семья). Это «семья, состоящая из нескольких поколений ближайших родственников, ведущих совместное хозяйство, с абсолютной властью мужчины как главы семейства» [4]. Сегодня подобие патриархальной семьи, может быть обусловлено недостаточностью финансовых средств для отделения семей взрослых детей. Например, молодая пара не может жить отдельно от родителей, так как не в силах купить или снять квартиру. Когда вместе с супружеской парой и их детьми под одной крышей живут родственники или эти родственники поддерживают тесные и длительные отношения, то говорят о расширенной семье. Достаточно распространенный вариант – семьи с бабушкой, дедушкой и другими родными. Значительные изменения следует отметить и в сфере распределении ролей «кормильца» и «добытчика» семьи. Результаты социологических исследований констатируют факт, увеличения числа супружеских союзов, где женщины ответственны за материальное обеспечение семьи, а также с выраженным принципом гендерного равенства в сфере бюджета и власти в семье.

Наиболее распространенным типом семьи является партнерская нуклеарная семья с равноправными отношениями. Замещение физического труда новыми технологиями сделало возможным полноценное участие женщины в общественном производстве, позволило им самостоятельно обеспечивать себя в материальном плане, мужчинам развитие сферы услуг дало возможность быть независимыми в быту без снижения их работоспособности. На стабильность семьи влияет качество отношений между супругами. Повышается роль личностных факторов в жизни членов семьи. В результате она утрачивает устойчивость, так как подобные мотивы слабее традиционных экономических, когда связующими были материальная зависимость супругов друг от друга, чаще женщины от мужчины и социально-бытовая мужа от жены.

В настоящее время нуклеарная и патриархальная семьи теряют свою монополию на организацию совместного проживания граждан и воспитание детей, все большее распространение получают именно «семейные формы», например, как сожительства, неполные семьи, бездетные семьи, сводные семьи, открытые браки, коммуны, гомосексуальные пары, гостевой брак, брак без объединения домашних хозяйств, сознательное одиночество [2, 3, 6, 8].

Все больше появляется консенсуальных семей или внебрачных семей, хотя никаких правовых последствий они не несут. Важным критерием таких союзов является проживание супругов в совместном домохозяйстве. Консенсуальная семья при отсутствии официальной регистрации для подсистемы супружества, сохраняет характеристики других подсистем семьи, основанной на официальном браке, а именно: совместный быт, ведение хозяйства, совместный бюджет, совместное воспитание детей.

Наиболее распространены консенсуальные семьи в молодежной среде. В них, согласно данным социологических исследований, проживают 57,7% студентов [7]. Молодые люди стремятся увериться в своих чувствах, не возлагая на себя никакой ответственности, пытаются оценить свои возможности на совместную жизнь, апробировать совместимость, однако процесс может затянуться и не закончиться свадьбой. Распространенность консенсуальных семей способствует откладыванию вступления в брак и повышению возраста первых браков. Кроме того, в таких семьях женщины сами себя обеспечивают материально, что сказывается на способах реализации хозяйственно-бытовой функции. Если пары живут вместе без юридической регистрации, их родственники не общаются и могут не знать друг друга, что способствует снижению эффективности стабилизирующей функции.

Еще одной формой семейно-брачных отношений выступает сожительство. От консенсуальной семьи оно отличается тем, что партнеры не состоят в официальном браке, живут вместе, имеют сексуальные отношения, но не ведут общего домохозяйства. Именно в таких союзах часто один из человек определяет свой статус как семейного, а второй может полагать, что он свободен.

Сожительства характерны не только для молодежи, но и для зрелых, и даже пожилых. Люди, привыкли жить одни или со своими детьми, и не хотят менять уклад жизни, рассматривая партнера и внимание к нему как дополнительную нагрузку и ответственность. В сожительствах партнеры не обещают хранить верность друг другу. Отношения в своем большинстве краткосрочны, что ведет к частым сменам партнеров. При сожительстве стороны предоставляют друг другу возможность не только быть ответственным за собственное материальное обеспечение, но и самостоятельно заниматься воспитанием детей. Отличие сожительства от консенсуальной семьи определяется отсутствием взаимной ответственности партнеров, что ведет уже к изменению всех функций семьи.

Неопределенность отношений в таких союзах продуцирует разовую рождаемость, рост внебрачных рождений, или бездетность. Следовательно, появление сожительства как семейной формы способствует снижению репродуктивной функции семьи.

В таких семьях реализация социализирующей функции ведет к формированию у детей набора специфических проблем, связанных с правовым статусом, пониманием ими родительских отношений и формированием образа собственной будущей семьи. Таким образом, консенсуальная семья и сожительство минимизируют потенциал целевой функции – детовоспроизводства, поскольку базовые функции не могут выполняться полностью в результате понижения согласия и сплоченности в семье.

Неполные семьи с несовершеннолетними детьми, как материнские, так и отцовские в значительной степени уступают в вопросах выполнения базовых функций, а значит, и затрудняют реализацию целевой функции семьи. По статистике, в Российской Федерации 30,1% от общего числа семей – это неполные семьи с детьми, из них 26,8% – матерей-одиночек, 3,3% – одиноких отцов. В таких семьях отсутствует подсистема супружества, что затрудняет выполнение репродуктивной функции [11].

В современной социокультурной реальности тенденция ориентации на раздельное проживание супругов, иногда в разных городах и даже странах. Партнеры могут, как состоять в юридически оформленных отношениях, так и нет. Такая форма отношений европейскими специалистами обозначена как LAT («living apart together» – порознь, но вместе), то, что прежде называли визитным или гостевым браком. Муж и жена время от времени встречаются друг с другом, проводят вместе свободное время, могут воспитывать детей совместных или от предыдущего брака. Подобная форма, как и сожительство является «новой и может получить в условиях глобализации и миграции широкое распространение, в частности, среди супругов-профессионалов» [12]. Супруги бывают вынуждены уезжать на заработки в другой регион или даже страну и жить в разных домохозяйствах. Особенности рынка труда, нехватка рабочих мест и достойной оплаты способствуют появлению подобных союзов. Так, В.М. Целуйко [9] пишет, что так называемые «функционально неполные семьи. В этой семье двое родителей, но профессиональные или другие причины оставляют одному из них мало времени для семьи. Общение с детьми обычно оказывается возможным только по выходным дням, да и в эти дни ограничивается несколькими часами».

Следует отметить, что гостевые браки закладывают основу полигамным отношениям, появлению «временных семей» при наличии постоянных. По статистике, в России на 33,207 тыс. мужчин, состоящих в браке, приходится 33,258 тыс. женщин. Одна из жен (юридическая) живет с детьми по месту жительства мужчины, другая становится фактической женой по месту его работы [10].

Среди молодых разведенных родителей практикуются нетипичные с юридической точки зрения «неполные семьи». Например, матери-одиночки проживают с отцами своих детей, не регистрируют не только брак, но и отцовство. Возможно, в приоритет здесь ставится получение льгот со стороны государства, например, устройство ребенка в детский сад, – юридическое закрепление чувств их интересует в последнюю очередь.

С другой стороны, в России достаточно много фиктивных семей, признаками которых являются отсутствие совместного проживания супругов и ведения общего хозяйства, интимной близости и, как следствие, совместных детей, заботы друг о друге и многое другое. Такие семьи не выполняют ни одну из базовых функций [5].

Как правило, фиктивные семьи создаются для решения имущественных вопросов, например, прописки, документов на право проживания в России. Статистика такова, что сегодня «80% иностранцев, обратившихся в ФМС за получением документов на временное проживание, подают запрос на основании заключения брака. И примерно 15% из них, скорее всего, заключили фиктивный брак». Признаками этого могут быть, весьма большая разница в возрасте супругов, асоциальный образ жизни россиянина, разные регионы, где проживают супруги. В этом случае фиктивная семья является не только негативным явлением в семейной сфере, но и способом незаконного получения социальных гарантий [1].

Достаточно противоречивой тенденцией современного общества выступает рост числа людей, осознанно выбирающих одинокое проживание.

В конце XX – начале XXI в. сформировался новый «тип одиночества». В современном обществе значительное количество людей предпочитают жить обособленно от родни, тем самым пытаясь перейти на более высокий и совершенный уровень жизни. Это своего рода попытка жить ярко и насыщенно. Осмыслить данное явление достаточно сложно. По мнению Э. Кляйненберга, одинокое проживание становится желанным и ценным для представителей разных возрастных групп. Молодежь стремится отделиться от родителей и стать самостоятельными. Среднее поколение, которое в результате разводов и расставаний живет в одиночку, берет тайм-аут, для обдумывания своей дальнейшей жизни. Представители старших возрастных групп остаются одни в своих домах, чтобы не потерять независимость.

Сегодня, можно отметить некий парадокс: семейные люди чаще бывают одинокими, чем те, кто ведет одинокий образ жизни. Семейная жизнь способствует сокращению некоторых внешних контактов, и в ней не всегда присутствуют общие интересы. Если привычки и взгляды на жизнь у партнеров значительно разнятся, то совместное проживание предполагает период согласования тезаурусов и габитусов, а пережить этот период бывает сложно. Таким образом, одинокое проживание является способом разрешения сложившегося противоречия. Современные люди сначала хотят найти свое собственное жизненное пространство, недоступное остальным, а затем, уже утвердившись в нем, налаживать контакты с обществом.

Однако, одиночество не реализует ни одной из базовых функций семьи в полном объеме и с должным качеством: экономико-бытовая функция реализуется только для себя, стабилизирующая функция – единственным членом семьи, а социализирующая и репродуктивная – не реализуются. Одиночество опасно для индивида. Например, реализация экономико-бытовой функции для себя в ситуации, когда индивид становится безработным, ведет к финансовым проблемам, тяжесть которых усиливается при отсутствии супруга или супруги,

которые могли бы разделить материальные трудности или оказать моральную поддержку. Кроме того, одиночество порождает ряд социальных проблем – изоляция, недостаточность ухода за слабыми и больными одинокими людьми, утрата должных контактов с социальным миром.

Трансформация системы ценностей привела к появлению еще одной семейной формы, которая все настойчивее начинает признаваться – партнерств геев и лесбиянок. В некоторых странах Европы и Северной Америки разрешены однополые браки. В России они не признаются, и любые другие формы таких союзов законодательством не предусмотрены. Поэтому поставить партнерства геев и лесбиянок в шкалу семейных форм, в зависимости от уровня реализуемых функций весьма затруднительно. Данные партнерства могут рассматриваться как формы договорных отношений, не имеющих институциональной поддержки. Следовательно, их можно относить к консенсуальным семьям или к сожительству с вытекающими отсюда особенностями выполнения функций.

Таким образом, трансформация семьи представляет собой изменение численного состава, способов взаимодействия между ее членами с целью адаптации к социокультурным условиям. Семья, трансформируясь способна адаптироваться к новым условиям, продуцирующим многообразие семейных форм и способов реализации функций семьи [5]. Уже сегодня видны попытки реализации новых форм существования семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Белый, М. Российские женихи и невесты по договорной цене [Электронный ресурс]// Русская служба BBC. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/05/110523_russia_false_marriages.shtml, свободный.
2. Белоусов, О.А. К вопросу текущей статистики семейных структур населения современной России / О.А. Белоусов, В.М. Жеребин // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2014. – № 13. – С. 164–170.
3. Голод, С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. – СПб. : Петрополис, 1998. – 271 с.
4. Добренъков, В.И. Социология: в 3 т. / В.И. Добренъков, А.И. Кравченко. – М. : Социол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003–2004.
5. Каменева Т.Н. Трансформация семейно-брачных практик в российском обществе риска: автореф. дис. доктора социол. наук : 22.00.04. – Белгород, 2016. – 39 с.
6. Константинова, Т.Н. Изменение форм семьи на севере: региональное измерение // Теория и практика обществ. развития. – 2014. – № 7. – С. 27–30
7. Стельмах, А.М. Практики семейно-брачных отношений в студенческой среде: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Саратов, 2011. – 147 с.
8. Фабрика, А.А. Альтернативные формы семейной жизнедеятельности: институционально-социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. – М., 1997. – 119 с.
9. Целуйко, В. М. Психология современной семьи. – М. : Владос, 2006. – 287 с.

10. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. / Федер. служба гос. статистики. – М. : Статистика России, 2013. – Т. 10, кн. 1: Рождаемость. – 869 с.

11. Live births outside marriage: Births, where the mother's marital status at the time of birth is other than married [Electronic resource] // European Commission: Eurostat. – URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>.

12. Trost, J. LAT relationships now and in future // The family: Contemporary perspectives and challenges / K. Matthijs (ed.). – Leuven University Press, 1998. – P. 210.

REFERENCES AND SOURCES

1. Belyi, M. Russian nurus et grooms pretium Ostium [Electronic resource]// Russian servitium Bi-bi-si. – Modus accessum: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/05/110523_russia_false_marriages.shtml liberum.

2. Belousov O. A. current statistics de familia structurae multitudo in Russia hodierna / O. A. Belousov, V. M. Zherebin // Novum in scientia et usu: testing hypotheses et research results. – 2014. – No. 13. – S. 164-170.

3. Golod S. I. Familia et matrimonium: historica et inquisitiones nibh. – SPb. : Petropolis, 1998. – 271 cum

4. Dobrenkov, V. I. Sociologiae: in 3 volumina / V. I. Dobrenkov, A. I. Kravchenko. – M. : Sociologia. FAK. MSU M. V. Lomonosov, 2003-2004.

5. Kameneva T. N. transmutatio de maritali exercitia in Russian periculum societatis: auctor. dis. medicus, sociologiae. Scientiarum : 22.00.04. – Belgorod, 2016. – 39 S.

6. Konstantinova, T. N. Mutatis formis familia in Aquilonem: regionis ratio // Theoria et praxi de societatibus. progressionem. – 2014. – No. 7. – S. 27-30

7. Stelmakh, A. M. de Usu et familia maritali in discipulo environment: dis. kand. sociologiae. Scientiarum: 22.00.04. – Saratov, 2011. – 147 C.

8. Fabrira, A. A. Alternative formae familia vitam: cornelii et inquisitiones analysis: dis. kand. sociologiae. Scientiarum : 22.00.04. – M., 1997. – 119 p

9. Tseluyko V. M. Psychologia hodierna familia. – M. : Vlado, 2006. – 287 S.

10. The results of The national census 2010: 11 t / Feder. servitium de statu arcu. – Moscow : Statistics Of Russia, 2013. – Vol. 10, vol. 1: Fertilitatem. – 869 p.

11. Live births outside marriage: Births, where the mother's marital status at the time of birth is other than married [Electronic resource] // European Commission: Eurostat. – URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>.

12. Trost, J. LAT relationships now and in future // The family: Contemporary perspectives and challenges / K. Matthijs (ed.). – Leuven University Press, 1998. – P. 210.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ (2012–2017 гг.)

Шелуханова Л.В., научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

Ключевые слова: демографическая результативность, демографическая политика, социально-демографическая политика региона, Концепции и программы помощи семьям с детьми, рождаемость, смертность.

Аннотация. В данной статье проанализированы основные меры демографической политики Республики Татарстан. Проводится подробный анализ статистических показателей изменения демографической ситуации в республике. Сделаны выводы о том, что благодаря реализации активной демографической политики республики, естественная убыль населения сменилась естественными приростами, увеличилась продолжительность жизни.

A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE DEMOGRAPHIC IMPACT OF FEDERAL AND REGIONAL PROGRAMS OF ASSISTANCE TO FAMILIES WITH CHILDREN (2012–2017 gg.)

Silujanova L. V., research associate of the family and demography Center of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

Key words: demographic performance, demographic policy, social and demographic policy of the region, Concepts and programs of assistance to families with children, birth rate, mortality.

Abstract: This article analyzes the main measures of demographic policy of the Republic of Tatarstan. A detailed analysis of the statistical indicators of changes in the demographic situation in the Republic is carried out. It is concluded that due to the implementation of the active demographic policy of the Republic, the natural decline of the population was replaced by natural increases, life expectancy increased.

В условиях существенных изменений в обществе все актуальнее становится анализ тех факторов, которые могут способствовать оптимальному формированию социально-демографического капитала российской семьи, с одной стороны, с другой – изучение условий и стратегий инвестиционных практик передачи ресурсов социально-демографического капитала семьи.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что дети, являясь основным объектом инвестиций в семье, не могут контролировать накопление ресурсов социально-демографического капитала, поскольку решения принимают родители и государство. Здесь при решении об инвестициях в будущий капитал детей, родители сталкиваются с материальными, временными ограничениями и системой собственных предпочтений и ценностей. К примеру, с финансовыми возможностями семьи напрямую связано состояние здоровья как детей (снижение смертности, улучшение качества питания и медицинского обслуживания), так и самих родителей (выбор места жительства в благоприятных экологических условиях, доступность качественного отдыха и медицинских услуг).

Социально-демографический капитал современной семьи – это набор определенных ресурсов, которые наращивает и утрачивает индивид в течение жизни, а также передает своим детям, с одной стороны, а также совокупность государственных ресурсов обеспечения материальных и социальных благ семьи, с другой.

По нашему мнению, социально-демографический капитал – это набор определенных ресурсов семьи, это определенная форма ее жизнедеятельности, основанная на ее социально-биологическом, культурном, социальном, экономическом потенциале, которая при соответствующих государственных инвестициях и собственных издержках способна активно содействовать формированию, развитию и накоплению социально-демографического капитала с обеспечением его качественных характеристик (по уровню образования, состояния здоровья и культуры).

Актуальность обращения к данной проблематике, посвященной поддержке и помощи семье со стороны государства, связана с необходимостью усовершенствования мер государственной семейной политики как на федеральном, так и на региональном уровнях. С этой целью в работе осуществлен комплексный анализ государственного программного подхода поддержки семьи.

Вопросы демографического развития являются приоритетными в деятельности Правительства Российской Федерации и Республики Татарстан. Улучшение демографической ситуации и положительные демографические тренды последних лет – результат последовательной реализации активной демографической политики государства.

В последние годы, благодаря Концепции демографической политики РФ, Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года, Комплексной программе демографического развития Республики Татарстан до 2010 года и на перспективу до 2030 года, Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года происходят положительные тенденции семейно-демографических процессов в РТ.

Так, в 2015 году в Республике Татарстан родилось 56 598 тысяч человек, что на 1 177 тыс. человек больше чем в 2012 году.¹ По основным соци-

¹ РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН, 2016, статистический справочник. Татарстанстат, г. Казань, 2016 – 39 с.

ально-экономическим показателям Республики Татарстан естественный прирост населения в 2016 году составил 10 643 человека.

Для многих семейных пар в Республике Татарстан одним из сдерживающих факторов при обсуждении вопроса о рождении ребенка является нерешенность жилищного вопроса.

С целью выявления данной проблемы ученые Центра семьи и демографии АН РТ при анализе причин невступления в брак пришли к выводу о том, что 23,1% опрошенных респондентов не вступают в брак из-за жилищных проблем.²

Следующей региональной программой, способствующей разрешению жилищной проблемы, является Подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» рассчитанная на 2015–2020 годы. Данная программа реализуется в рамках Федеральной целевой программы «Жилище». Также, в рамках Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период 2020 года» предоставляется реализация построенного жилья молодым специалистам на селе.

На основе изученного материала можно сделать вывод о том, что Федеральные и Региональные Законы ориентированы в сторону поддержки различных категорий семей и благодаря этому в последние годы наблюдается увеличение рождаемости вторых и последующих детей.

Анализируя основные социально-экономические показатели по Республике Татарстан можно утверждать, что задан положительный вектор на улучшение демографической ситуации.

В демографической ситуации республики в течение 2015 года сохранялась позитивная тенденция превышения рождаемости над уровнем смертности. Естественный прирост населения в 2015 году составил 10,4 тыс. человек. Коэффициент естественного прироста составил 2,7 на 1000 человек населения.

За 9 месяцев 2016 года органами, уполномоченными на государственную регистрацию актов гражданского состояния в Республике Татарстан, зарегистрировано 42984 акта о рождении, что на 260 актов больше соответствующего периода 2015 года.

Из общего числа детей, рождение которых зарегистрировано за 9 месяцев 2016 года, 17104 ребенка (40%) являются первенцами, 19274 (44,8%) – вторыми детьми, 5221 (12%) – третьими, 1385 (3,2%) – четвертыми и более.

В демографической ситуации республики в январе-сентябре 2016 г. число родившихся превысило число умерших. Естественный прирост населения составил 8673 человека, что на 1834 человека больше, чем за аналогичный период 2015 г.³ За 9 месяцев 2016 года по республике составлено 33932 акта о смерти, что на 4,3% ниже показателя этого же периода прошлого года.

² Ильдарханова Ф.А., Зарипова Э.А., Нурутдинова А.Н. Разводы в Татарстане (социологический анализ 2013 года) / Общ. ред. Ф.А. Ильдарханова – Казань: ИГМА-пресс, 2014. – 154 с.

³ Комплексный информационно-аналитический доклад. Демографическая ситуация. http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/statistics/population/. Дата обращения: 26.01.18.

За 2017 год по Республике Татарстан общее число рождений составило 48 596 человек, что на 13,8 % меньше к предыдущему периоду. Число зарегистрированных браков на 2017 год в республике составило 26 983, что на 4,7 % больше, в сравнении с 2016 годом.

Немаловажным показателем социальной жизни семьи является рождение вторых и последующих детей в семье. Это важный фактор стабилизации численности населения, формирующий перспективы для его дальнейшего роста.

Необходимо отметить, что за последние годы наблюдался рост числа рождений вторых и последующих детей. Однако, по итогам 2017 года в структуре рождаемости, в сравнении с прошлым годом, рождение вторых и последующих детей уменьшилось на 14% (в 2017 году – 29053; в 2016 году – 33870; в 2015 году – 33388). Четыре года подряд наблюдается уменьшение числа рождений первых детей: в 2014 году родилось 25539 первых детей, в 2015 – 24832, а в 2016 году – 22511, в 2017 году – 19543.

На преодоление указанных проблем направлены дополнительные меры по стимулированию рождаемости и социальной поддержке семей с детьми, принятые в конце 2017 года на федеральном и региональном уровнях. Так, российским семьям при рождении первого ребенка с 1 января 2018 года будет выплачиваться новое ежемесячное пособие в размере установленного в регионе прожиточного минимума для детей (в среднем по России в 2018 году на уровне около 10500 рублей). Новая ежемесячная денежная выплата (ЕДВ), которую в народе уже окрестили как «10,5 тысяч за первого ребенка», будет полагаться нуждающимся семьям до достижения 1.5 лет.

В рамках модернизации региональных систем дошкольного образования в республике в 2015 году создано 12 590 дошкольных мест: сдано 76 новых детских сада; под размещение детских садов капитально отремонтировано 16 объектов; открыто 42 дополнительные группы в 38 функционирующих детских садах.

Наиболее актуальным остается вопрос о предотвращении снижения уровня жизни с детьми от 1,5 до 3 лет. Необходимо создание разумных механизмов, которые бы позволили родителям заранее продумать источники и размеры доходов на период воспитания ребенка до 3-х лет. Необходимо предоставлять таким семьям материальные гарантии, что является одной из возможностей решения данной проблемы.

Рекомендуется принимать программы по увеличению мест в ДООУ в возрасте для детей от 1,5 до 3 лет. Следует повышать эффективность государственных программ, направленных на поддержку многодетной семье. Это окажет позитивное влияние на формирование адекватного отношения общества к феномену благополучия многодетности. Надлежит применять практические меры федерального уровня на уровне региональном. Только тогда они станут более эффективными. Здесь необходимо внедрение Программы регионального материнского капитала, который станет дополнительным стимулом к рождению детей и улучшению качества жизни семей с детьми. Профессиональная занятость женщин является не менее актуальной темой при анализе демографических тенденций.

В обществе нормального функционирования у женщины должна быть реальная возможность вернуться к производительному труду после рождения детей. В этой связи необходимо рассмотрение отдельных форм поддержки и защиты женщин, с одной стороны, а с другой, реальную возможность выхода женщиной на работу.

Следует отметить, что даже самые совершенные законы и миллиардные вложения будут неэффективными в том случае если не вернуть на должный уровень авторитет семьи. Необходимо пропагандировать семью, семейные ценности, создать в обществе культ семьи.

В исследованиях, проведенных Центром семьи и демографии АН РТ 10 лет тому назад на вопрос «на кого рассчитываете при создании семьи?», молодежь отвечала – «на государство». В исследованиях, проведенных 5–7 лет тому назад, молодежь отвечала – «на родителей», сегодня молодежь отвечает, что «при создании семьи рассчитывает на себя». Семья должна быть самодостаточной.

Грамотная государственная семейная политика является важнейшим инструментом, координирующим главнейшие процессы современного общества, а также стратегически важным орудием сохранения человеческого потенциала, национальной безопасности и принципа самодостаточности семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ильдарханова Ф.А., Зарипова Э.А., Нурутдинова А.Н. Разводы в Татарстане (социологический анализ 2013 года) / Общ. ред. Ф.А. Ильдарханова – Казань: ИГМА-пресс, 2014. – 154 с.

2. Ильдарханова Ф.А., Ильдарханова Ч.И., Шелуханова Л.В. Демографическая результативность федеральных и региональных программ помощи семьям с детьми (2006–2016 гг.). Научно-аналитический доклад. – Казань: Изд-во АН РТ, 2016. – 231 с.

3. Ильдарханова Ф.А. Семья в турбулентном обществе (региональный аспект): монография. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2015. – 170 с.

4. Семья в социологическом измерении. Региональный аспект / отв. ред. Ильдарханова Ф. А. – Казань: Издательство Академии наук, 2016. – 64 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН, 2016, статистический справочник. Татарстанстат, г. Казань, 2016 – 39 с.

² Город Казань. Официальный портал города. Управление ЗАГС. Информация о деятельности за 2015 год. <http://www.kzn.ru/old/page10422.htm>. Дата обращения: 25.01.18.

³ Комплексный информационно-аналитический доклад. Демографическая ситуация. http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/statistics/population/. Дата обращения: 26.01.18.

REFERENCES AND SOURCES

1. Ildarhanova F. A., E. A. Zaripova, A. N. Nurutdinova. Divorces in Tatarstan (sociological analysis 2013) / General. edited by F. A. Ildarhanova – Kazan: igma-press, 2014. – 154 p.
2. Ildarhanova F. A., Eldarhanov H I., Seluanov L. V. Demographic performance of Federal and regional programs of assistance to families with children (2006–2016.). Scientific and analytical report. – Kazan: publishing house of Academy of Sciences of RT, 2016. – 231 p.
3. Ildarhanova F. A. Family in a turbulent society (regional aspect): monograph. – Kazan: publishing House of the Academy of Sciences, 2015. – 170 p.
4. Family in the sociological dimension. Regional dimension / resp. ed Ildarhanova F. A. – Kazan: Publishing house of Academy of Sciences, 2016. – 64 p.

NOTES

¹ Republic of TATARSTAN, 2016, statistical reference book. Tatarstanstat data there were commissioned, Kazan, 2016 – p. 39

² The City Of Kazan. The official portal of the city. The control of the Registrar. Information on the activities for 2015 год. <http://www.kzn.ru/old/page10422.htm>. Date of access: 25.01.18.

³ complex informational and analytical report. Demographic situation. http://tatstat.gks.ru / wps/wcm/connect/ rosstat_ts/tatstat/EN/statistics/population/. Date of access: 26.01.18.

РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ НА МЕЖДУНАРОДНОМ БРАЧНОМ РЫНКЕ¹

Рязанцев С.В., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, врио директора ИСПИ РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ, г. Москва, Россия

Сивоплясова С.Ю., кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, г. Москва, Россия

Ключевые слова: международная миграция, российские женщины, брачный рынок, брачная эмиграция.

Аннотация. Масштабы миграционных потоков в современной России значительно увеличились после распада Советского Союза. В это время большое число людей приняли решение о переезде в другую страну. Международная миграция осуществлялась в различных формах: как трудовая миграция, образовательная, миграция с целью воссоединения семьи и других. Огромное число женщин были вовлечены в особый, характерный именно для «прекрасного пола» вид миграции – брачную миграцию. Большие масштабы брачной миграции из страны были обусловлены, прежде всего, тем, что это самый простой способ переезда в другую страну.

Причины брачной эмиграции из страны различны. В настоящее время приоритетными являются психологические причины: женщины желают найти надёжного, любящего мужчину. Однако, за последние 26 лет причины брачной эмиграции претерпевали существенные изменения. Каждый этап характеризовался особым отношением к «русским женам» за рубежом. И это, в свою очередь, порождало специфические трудности в адаптации и интеграции российских женщин в принимающем обществе. В настоящее время сформировалось несколько устойчивых направлений брачной эмиграции из России: Северо-Американское, Ближне-Восточное, Европейское, и Азиатское.

Настоящее исследование посвящено анализу масштабов брачной эмиграции из России, определению ее основных направлений и причин. Кроме того, будут рассмотрены вопросы адаптации и интеграции российских женщин в принимающем обществе. Целью настоящего исследования является определение места и роли российских женщин на международном брачном рынке.

RUSSIAN WOMEN AT THE INTERNATIONAL MARRIAGE MARKET²

Ryazantsev S. V., corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Sociology and Demography), Doctor of Economics (Demography), Professor, Director of Institute Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Demographic and Migration Policy of MGIMO (University) of the Ministry Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Sivopljassova S. J., PhD in Economics, Associate Professor, leading researcher, Center of Social Demography, Institute of Socio-Political Research RAS

¹ (Исследование проведено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект № МК-2984.2017.6)

² The study was conducted with support from Presidential Grants Council, project № МК-2984.2017.6

Abstract: Migration flows in modern Russia became widespread after the collapse of the Soviet Union. At that time, a multitude of people began consider of moving to another country. International migration took various shapes, such as labour migration, educational migration, family reunification etc. Numerous Russian women were involved in marriage migration that became one of the most characteristic features of the post-Soviet era. At first, the high volume of marriage migration was stipulated by the fact that it was regarded as the simplest way of emigration from the country. Nowadays the reasons for moving are different. Women tend to move to their husband-foreigner for love, for inability to create a family in their country and so on. As a whole, over the last 26 years, marriage migration from Russia has seen various reasons that formed several stages. Each of the stages is characterised by a particular attitude to Russian wives abroad. In this regard, there seemed to appear the specific difficulties in adaptation and integration of Russian women in a foreign society. Up to now, several sustainable directions of marriage emigration from Russia have been formed: North-American, Near East, European, and Asian. This research is to be empirical. It will be devoted to analysing the scales of the marriage migration from Russia, defining its stages, examining basic directions, revealing the reasons for the marriage migration. It also focuses on detecting the main issues of adaptation and integration of women in a receiving society based on cases-studies. Thus, the research is aimed at outlining a quite full picture of the place and role of Russian women at the international marriage market

The term “marriage market” appeared relatively recently, in the 1970s. It was understood as a system of ratios of the numbers of different groups of the marriageable population [1, 2, 3]. Today, this term is used to characterize the entire set of potential brides and grooms in the population, as well as the entire system of their mutual claims and requirements for future spouses [4].

In foreign theory and practice, matrimonial market is often regarded as an economic category. Thus, Becker understands marriage market as the search for the best partner by a person (in terms of benefits from marriage), taking into account market restrictions [5]. Bergstrom regards the marriage market as the space of potential partners – men on the one hand and women on the other, between whom a match (i.e. marriage) must be established [6].

Thus, marriage market is a special type of market in which buyers and sellers (grooms and brides) interact, forming demand and supply. A distinctive feature of this type of market is that the buyers are simultaneously sellers, and vice versa.

Marriage market of a nation is formed from the number of unmarried men and women of marriageable age, both citizens of that country and non-citizens. The second case, most often, is typical for women. Moving to another country to create a family, people form a special type of migration – marriage migration. Accordingly, the greater part of this migration is made by women.

Currently, the scale of marriage migration in the world is quite large. At the same time, it is almost impossible to reliably estimate it, since other forms of migration, for example, labor, education, etc., can ultimately become marital.

According to their role in marriage migration, the countries of the world can be conditionally divided into “host countries” and “exporters”. Russia can be referred to the second group. After the collapse of the USSR and the opening of bor-

ders, many girls and women went abroad to look for “their woman’s happiness.” To date, this migration channel remains active.

Analyzing marriage migration from Russia, several distinct directions can be identified: European, North American, Middle Eastern, Asian. Recently, the latter has received a new impulse of development.

China, Japan and Korea, as countries of destination, have a special place among the Asian nations. They are marked by a high level of socio-economic development and proximity to the borders of Russia. In addition, there is an increased interest in Oriental cultures in Russia. All this contributes not only to the preservation, but also to the increase in the flow of women intending to get married to these countries.

Among the three mentioned countries, China is the most desirable destination for emigration from Russia in general, and for marriage emigration in particular. Until 2015, the number of migrants who applied for both temporary and permanent residence in the country was increasing. Now this flow has somewhat decreased. At present, there are over fifteen thousand Russians in China.

Marriage migration from Russia to China is a popular way of moving to the country. According to immigration rules, foreign spouses of Chinese citizens have the right to become permanent residents of the country one year after the official marriage; after five years they can apply for citizenship. Thus, this is one of the fastest ways to become a citizen of China.

The attractiveness of Chinese men to Russian women from the point of view of creating a family is formed, as a rule, by contrast to Russian young people. Women expect the grooms from the Middle Kingdom (as well as foreign suitors in general) to be caring, attentive, financially solvent, not addicted to alcohol, etc. As a rule, their expectations come true. Chinese men turn out to be loving, attentive husbands, and caring fathers.

Polls show that among women who married a Chinese, 70% are happy in their marriage (twenty-seven percent of them said that the Chinese husband is definitely better than the Russian), 13% of respondents did not see a difference, and 16% were disappointed and blamed themselves for deciding to marry a Chinese [7].

At the same time, such international families face a number of difficulties. First, there is a language barrier. The Chinese rarely speak Russian, while Russian women’s knowledge of Chinese is rather limited; most often, they do not speak any Chinese at all. English does not often help, because there is a similar situation with this language as well. As noted by Russian women, their foreign language vocabulary is often large enough to solve household issues, but it is difficult to talk with the husband “heart to heart”.

Secondly, women often mention different mentality, culture and national traditions. This is what surprises them most, is often annoying and hampers family happiness. This is what needs to be learned before making a decision about moving.

In general, Russian women are very much in demand in the marriage market of China. First, a sharp gender imbalance has developed because of the demographic policy pursued by China in the late XX century. Since families were al-

lowed to have only one child, parents wanted it to be a boy, because they saw him as a continuer of the family name and a supporter in old age. Therefore, if during the wife's pregnancy the couple learned that a girl was expected, the pregnancy was terminated. This resulted in the 120 boys born for every 100 girls. Therefore, the competition between young men who reached the age of marriage became very strong. Some of them began to look for brides in other countries.

Secondly, in China to have a wife of Slavic appearance is very prestigious. This, in a way, is the status of a man, an indicator of his wealth. The Russian wife is an object of pride for the Chinese men and the envy of their neighbors.

Unfortunately, there is no exact data on the number of Russian women who are married to Chinese citizens. Presumably, they make about 5–8% of the total number of immigrants [8], or 1–1,5 thousand people.

The situation is different in Korea. The share of foreigners in the country's marriage market is high. About 10% of all marriages are between citizens of Korea and foreigners. In the 1990s, this share was even higher – 30–40%. At the same time, the overwhelming majority of international marriages are with the citizens of China and Vietnam. To put it even more accurately, these are marriages between Korean men and Chinese and Vietnamese women. In general, three quarters of interethnic marriages are the ones where the foreigner is the bride.

As a rule, in such marriages the husband is much older than his wife is. In the mid-2000's a study of international marriage couples was conducted in Korea, which showed that the average age of the grooms was 41, while the brides' average age was 34 years old [9]. At the same time, marriages in which the difference in the age of the bride and groom is even greater are not uncommon, for example, the case of marriage between the 56-year-old bachelor from Korea and a 27-year-old Moroccan woman is known [10].

Foreigners often marry residents of rural areas. The fact is that many Korean women move from rural areas to cities and find their husbands there, while men remain, seeking a wife among the immigrants.

People actively migrate from Russia to Korea. The largest number of migrants was recorded in the first half of the 2000s (the peak was observed in 2003 – 9,300 people). By 2012, their number declined noticeably to 2,700 people, 40% of whom (1,080) were women [11]. Obviously, not all of them married in Korea. Thus, there are not so many Russian wives in Korea. The low demand for Russian women in the Korean marriage market is explained by the fact that they have rather high demands, are representatives of another culture and have little knowledge (if any) of the language. Therefore, despite the fact that women with Slavic appearance are very attractive for Asian men, few of the latter take the risk and bind themselves by marriage with Russian women.

The marriage market of Japan is marked by high homogeneity in terms of national composition. About 99% of marriages are between Japanese citizens. In general, this corresponds to the national composition of the population of the country, where 99% are Japanese. In addition, the low level of international marriages in the country is explained by strict rules of the law, designed to exclude fictitious marriages in order to obtain Japanese citizenship.

Among those Japanese citizens who marry representatives of other countries, the overwhelming majority are men. That is, there are many more foreign-born brides in the country than there are foreign grooms. The data shows that in almost 90% of cases they are marriages with women – representatives of Asian countries, primarily with Chinese women (more than 30% of international marriages).

Marriages with Russian women in Japan are not numerous. According to the 1990 Census, in the country there were 576 married couples, in which the husband was Japanese, and his wife was Russian, and 123 pairs, in which the husband was Russian while his wife was Japanese. [12]

In general, Russian wives are in high demand with the Japanese men. They find their Caucasian appearance attractive, while at the same time, Russians women are less emancipated than their European and American counterparts, and are more willing to assume the traditional role of the wife. However, the language barrier, as well as administrative barriers to immigration and significant differences in national traditions restrain marriage migration from Russia to Japan.

Thus, the Asian direction of marriage migration from Russia is quite popular and the number of marriage migrants is growing. Russian women are very popular with Asian men. However, linguistic and mental barriers in some cases restrict the extent of marriage migration. In addition, according to Russian women who married Asian men, they are always perceived as “strangers”, perhaps, just as their husbands, who are likely to remain to be seen as “strangers” in Russia.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Бинур А. Замуж за южного корейца: плюсы и минусы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istory.kz/17100/zamuzh-za-yuzhnogo-korejtsa-plyusy-i-minusy>. Дата обращения: 17.08.2017
2. Брак и семья [Текст]: Демогр. аспект : [Сб. статей] : Пер. с англ., франц., чеш. / Под ред. и с предисл. А.Г. Волкова и Л.Е. Дарского. – Москва: Статистика, 1975. – 224 с. : ил.; 20 см. – (Новое в зарубежной демографии / НИИ ЦСУ СССР; Сб. 8).
3. Браки и разводы. Демографическое исследование на примере УССР / Чуйко Л.В. – М.: Статистика, 1975. – 175 с.
4. Выйти замуж за китайца: плюсы и минусы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://china-times.ru/vyiyti-zamuzh-za-kitaytsa-plyusyi-i-minusyi-2013-08-19>. Дата обращения: 18.08.2017
5. Вишневский А.Г. (ред.) Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сборник статей. – М.: Статистика, 1977. – 250 с.
6. Грибин С. Русские в Китае. Какая она, русская диаспора Харбина? [Электронный ресурс] // Школа жизни.ру. Познавательные журнал. – Режим доступа: <https://shkolazhizni.ru/world/articles/67220/>. – Дата обращения: 17.08.2017
7. Гуенков В. Мифы об интернациональных браках в Корее развеяны [Электронный ресурс] // Сеульский вестник. – Режим доступа: <http://vestnik.kr/society/909.html>. – Дата обращения: 17.08.2017
8. Синельников А. Брачный рынок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/termin/brachnyi-rynok.html>. Дата обращения: 13.08.2017

9. Becker G. A Theory of Marriage // Economics of the Family. Marriage, Children and Human Capital / Ed. by Th.W. Shultz. Chicago: The University of Chicago Press, 1974. P. 300.
10. Bergstrom T.C. A Survey of Theories of the Family // Handbook of Population and Family Economics / Ed. by M. Rosenzweig, O. Stark. Amsterdam: Elsevier Science, 1997. Vol. 1. P. 1.
11. International Migration Outlook 2016, OECD Publishing, Paris. http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook-2016-en. Дата обращения: 10.08.2017
12. 1990 Population Census of Japan. Volume 8 / Statistics Bureau, Management and Coordination Agency.

REFERENCES AND SOURCES

1. Binur A. Married to a South Korean: pros and cons [Electronic resource]. – Mode of access: <http://istory.kz/17100/zamuzh-za-yuzhnogo-korejtsa-plyusy-i-minusy>. Date of access: 17.08.2017
2. Marriage and family [Text]: Demogr. aspect [Coll. articles] : Per. from English., Franz., chesh. / Ed. and Foreword. A. G. Volkov and L. E. Darskogo. – Moscow: Statistics, 1975. – 224 p.: ill.; 20 cm. – (New in foreign demography / research Institute of the USSR CSO; Sat. 8).
3. Marriages and divorces. Demographic study on the example of the USSR / Chuiko L. V. – M.: Statistics, 1975. – 175 c.
4. Marry a Chinese: pros and cons [Electronic resource]. – Mode of access: <http://china-times.ru/vyyiti-zamuzh-za-kitaytsa-plyusyi-i-minusyi-2013-08-19>. Date of access: 18.08.2017
5. Vishnevsky A. G. (ed.) Marriage, birth, death in Russia and in the USSR. Collected papers. – Moscow: Statistics, 1977. – 250 p.
6. Gribin, S. Russian in China. What is the Russian Diaspora in Harbin? [Electronic resource] / / School of life.ru. Educational magazine. – Mode of access: <https://shkolazhizni.ru/world/articles/67220/>. – Date of access: 17.08.2017
7. Guenkov V. Myths about international marriages in Korea dispelled [Electronic resource] // Seoul Bulletin. – Mode of access: <http://vestnik.kr/society/909.html>. – Date of access: 17.08.2017
8. Sinelnikov A. Marriage market [Electronic resource]. – Mode of access: <http://voluntary.ru/termin/brachnyi-rynok.html>. Date of access: 13.08.2017
9. Becker G. A Theory of Marriage // Economics of the Family. Marriage, Children and Human Capital / Ed. by Th.W. Shultz. Chicago: The University of Chicago Press, 1974. P. 300.
10. Bergstrom T.C. A Survey of Theories of the Family // Handbook of Population and Family Economics / Ed. by M. Rosenzweig, O. Stark. Amsterdam: Elsevier Science, 1997. Vol. 1. P. 1.
11. International Migration Outlook 2016, OECD Publishing, Paris. http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook-2016-en. Дата обращения: 10.08.2017
12. 1990 Population Census of Japan. Volume 8 / Statistics Bureau, Management and Coordination Agency.

ПРИНЯТИЕ РЕБЕНКА В СЕМЬЮ: ОЖИДАНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИНИМАЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ

Захаркина Т.Н., кандидат социологических наук, Национальный исследовательский, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ключевые слова: принимающие родители, школа принимающих родителей, ожидания потенциальных замещающих родителей, страхи потенциальных замещающих родителей, формы семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Аннотация. В статье описаны результаты исследования «На пути принятия ребенка в семью», посвященного изучению ожиданий и представлений потенциальных замещающих родителей. Исследование проводилось на базе Школ принимающих родителей г. Н. Новгорода, на первых ознакомительных занятиях. В частности, исследовались страхи потенциальных замещающих родителей, характер информации и их осведомленность в целом об особенностях форм семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения, и воспитании приемных детей; представления о потенциальном проявлении мер наказания по отношению к приемному ребенку и необходимости поддержки специалиста на начальном этапе жизнедеятельности замещающей семьи. Отмечено, что представления потенциальных замещающих родителей коррелируют с их половой принадлежностью.

ACCEPTING THE CHILD IN THE FAMILY: EXPECTATIONS OF POTENTIAL SUBSTITUTE PARENTS

Zakharkina T.N. , Ph.D, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, N. Novgorod, Russia

Key words: potential substitute parents, a school of foster parents, expectations of potential substitute parents, fears of potential substitute parents, forms of welfare of orphans and children without parental care.

Abstract: The article describes the results of the survey "On the Way of Adoption of the Child in the Family", devoted to the study of the expectations and representations of potential substitute parents. The study was conducted on the basis of the Schools of foster parents in N. Novgorod, at the introductory classes. In particular, it was studied the fears of potential substitute parents, the nature of the information and their awareness in general about the peculiarities of the forms of welfare for orphans and children without care, and the upbringing of foster children; also the idea of a potential manifestation of penalties in relation to a foster child and the need to support of specialist at the initial stage of substitute family life. It is noted that the views of potential substitute parents correlate with their gender.

В 2016 г. автором было проведено исследование «На пути принятия ребенка в семью», в рамках которого были опрошены кандидаты, желающие принять на воспитание ребенка, начавшие посещать курсы Школ принимаю-

щих родителей – далее ШПР. Целью исследования являлось изучение их ожиданий и представлений о замещающем родительстве, а также создание социального портрета потенциального замещающего родителя г. Н. Новгорода.

Около 50% кандидатов в замещающие родители хотели бы взять на воспитание девочку, что может быть связано с определенной категорией страхов относительно приемного ребенка и со стереотипами о более «легком» ее воспитании. Примерно для 26% потенциальных замещающих родителей пол ребенка не имеет значения. Рассматривая подобные родительские предпочтения с учетом гендерных различий, величина асимптотической значимости указывает на достоверность связи данных переменных (табл. 1). Так, для 44% мужчин пол приемного ребенка значения не имеет, и они приблизительно с одинаковым предпочтением взяли бы на воспитание как девочку, так и мальчика. В отличие от этого, большая часть женщин имеют четкое представление о желаемом поле приемного ребенка: около 63% хотели бы принять в семью девочку, а 23% – мальчика.

Таблица 1

**Представления потенциальных замещающих родителей
о поле приемного ребенка**

Пол	Мужчины	Женщины	Всего
Девочка	8	27	35
	29%	63%	50%
Мальчик	7	10	17
	26%	23%	24%
Пол ребенка не имеет значения	12	6	18
	45%	14%	26%
Всего	27	43	70
	100%	100%	100%

Примерно 59% кандидатов в замещающие родители предполагают взять новорожденного ребенка либо ребенка в возрасте до трех лет (табл. 2). Данная возрастная категория является самой распространенной среди опрошенных кандидатов, которые хотят усыновить (удочерить) ребенка (83%), что обусловливается наиболее сензитивным периодом развития ребенка. Примерно 27% опрошенных хотели бы взять приемного ребенка в возрасте от трех до семи лет и около 14% – от семи лет и старше. Наблюдаемая взаимосвязь между желаемым возрастом приемного ребенка и формой семейного жизнеустройства показывает, что для значительной части потенциальных замещающих родителей, желающих воспитывать ребенка на основании договора о приемной семье, одинаково предпочтительным является возраст «от рождения до трех лет» и «от трех до семи лет» (примерно по 46%). 56% граждан, желающих принять ребенка под опеку или на попечение, отдают предпочтение школьной возрастной группе. Можно предположить, что данная тенденция связана с вынужденным формированием замещающей семьи, когда ребенок школьного возраста изымается из биологической семьи ввиду разного рода причин и оформляется под опеку близких родственников.

Таблица 2

Представления потенциальных замещающих родителей о возрасте приемного ребенка в зависимости от формы семейного устройства

Возраст	Усыновление (удочерение)	Приемная семья	Опека (попечительство)	Всего
От рождения до трех лет	34	6	1	41
	83%	46%	6%	59%
От трех до семи лет	7	6	6	19
	17%	46%	38%	27%
От семи и старше	0	1	9	10
	0%	8%	56%	14%
Всего	41	13	16	70
	100%	100%	100%	100%

Около 58% опрошенных хотели бы усыновить (удочерить) ребенка, 23% – взять под опеку или на попечение и около 18% – принять ребенка в соответствии с договором о приемной семье. Данный опрос проводился на первых ознакомительных занятиях ШПР, когда потенциальные замещающие родители еще не были глубоко осведомлены о юридических особенностях каждой из семейных форм жизнеустройства, о психолого-педагогических особенностях воспитания приемных детей, за каждым из которых кроется своя травматическая история попадания в категорию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В связи с этим их ожидания могут быть несколько завышенными, а представления о жизнедеятельности замещающей семьи согласно предпочитаемой семейной форме жизнеустройства могут базироваться на основе не совсем корректной информации. По этой причине кандидатам был задан вопрос, располагают ли они знаниями о воспитании приемного ребенка и каков характер и источник этой информации. Большинство женщин приходят к решению о создании замещающей семьи, обладая, по их мнению, необходимым уровнем информации о семейном устройстве, в то время как мужчины, имея намерения принять ребенка в семью, являются менее информационно подготовленными (женщины: 79% обладали информацией о воспитании приемного ребенка, 21% – нет; мужчины: 52% – обладали информацией, 48% – нет).

Если говорить о том, какой информацией располагали потенциальные замещающие родители к моменту принятия решения о приемном ребенке, в основном они владели знаниями психолого-педагогического характера (55%). Большинство было осведомлено о данной теме благодаря СМИ и Интернет (табл. 3).

Более распространённым этот источник информации оказался для мужчин (93%). Ни один респондент-мужчина не обращался к научным неперiodическим изданиям. Несмотря на то, что женщины также чаще всего черпали информацию о замещающем родительстве из СМИ и Интернет (85%), они обращались и к неперiodическим и перiodическим изданиям в поисках интересующей их информации (15% и 18% соответственно). Это говорит о том, что

потенциальные замещающие родители предпочитают пользоваться наиболее открытыми и легкодоступными источниками информации, не задумываясь об их достоверности, поэтому изучение проблемы осуществляется недостаточно углубленно, что может быть причиной формирования завышенных ожиданий и искаженных представлений о замещающем родительстве.

Таблица 3

**Источники информации кандидатов в замещающие родители
о воспитании приемного ребенка, %**

	Мужчины	Женщины
Научные публикации из неперIODических источников (книги, пособия, нормативные документы)	0	15
Научные публикации из периодических источников (статьи, журналы)	13	18
Средства массовой информации, Интернет	93	85

У подавляющего большинства респондентов старшее поколение в семье (61%) доброжелательно приняло их решение стать замещающими родителями (рис. 1).

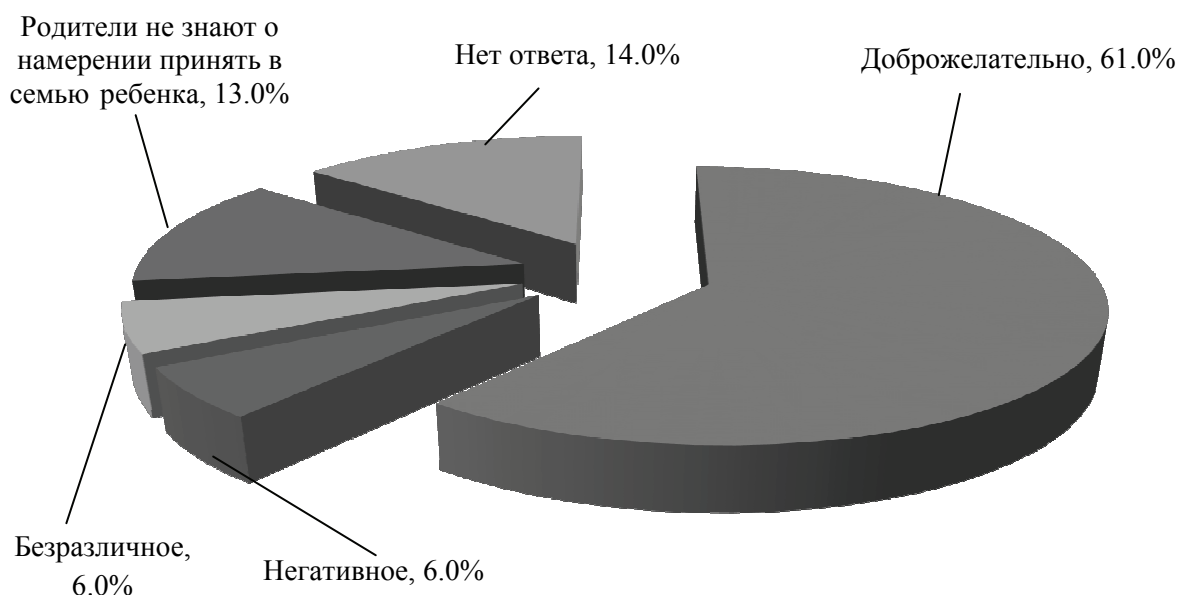

Рис. 1. Отношение родителей к решению кандидатов в замещающие родители о принятии ребенка в семью, %

Несмотря на это, примерно 88% будущих приемных родителей утверждают, что не зависят от мнения окружающих об их решении воспитывать приемного ребенка. Примерно 13% респондентов говорят, что родители не знают об их намерении стать замещающей семьей, а около 14% – не дали ответа вовсе, что, скорее всего, может быть связано как с отсутствием старшего поколения в силу старшей возрастной категории респондента или иных

социальных причин, так и с неопределенной позицией родителей. Несмотря на то, что наименьшей и одинаковый процент получили категории «негативно» и «безразлично» (по 5,7%), они указывают на то, что в этих случаях существует риск развития конфликтных взаимоотношений внутри расширенной семейной системы при принятии в нее ребенка. В разных семьях по-разному складываются отношения с родственниками, поэтому возможны несколько путей развития ситуации: самый спокойный и бесконфликтный из них будет при условии, что родственники одобрительно относятся к принятию чужого ребенка в семью. Однако, если родственники против и пытаются воздействовать на родителей с целью изменения решения взять приемного ребенка, данные обстоятельства могут привести к дезадаптации ребенка и его некомфортному ощущению себя в семье. Часто негативное отношение родственников связано с боязнью, что у приемного ребенка в будущем проявятся «дурные гены», всевозможных сложностей (психологических, физических, материальных и т.д.), пугает, что у ребенка могут быть сложные наследственные заболевания.

Большинство потенциальных замещающих родителей были знакомы с реальными историями замещающих родителей. По словам специалистов центра «Журавушка», в рамках Школы приемных родителей проходит знакомство замещающих родителей и кандидатов для дальнейшего общения и получения информации об особенностях функционирования замещающей семьи из первоисточника. На большинство респондентов истории замещающих родителей о реальной жизни с приемным ребенком имели благоприятное влияние. В большинстве случаев у одной части респондентов укрепилось мнение о замещающем родительстве (41%), а другую часть респондентов реальные истории о воспитании приемного ребенка заставили все взвесить и, тем не менее, не откладывать намерений принять ребенка на воспитание в семью (36%) (рис. 2).

Рис. 2. Принятие решения о создании замещающей семьи после знакомства с реальными историями о воспитании приемного ребенка

Между тем, если в целом после беседы с замещающими родителями у респондентов представление о воспитании приемного ребенка не изменилось, то, рассматривая данный вопрос в гендерном разрезе, можно заметить расхождение во мнениях мужчин и женщин (табл. 4). Ответы респондентов-женщин на вопрос, «Истории замещающих родителей изменили Ваши представления о реальной жизни с приемным ребенком?», распределились в соответствии с общей тенденцией.

Таблица 4

**Изменение представлений о реальной жизни с приемным ребенком
у кандидатов в замещающие родители после их знакомства
с реальными историями, %**

	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет
Мужчины	37	15	7	41
Женщины	9	30	7	54
Всего	20	24	7	49

Представления большинства женщин о замещающем родительстве и об особенностях воспитания приемного ребенка совпали полностью или частично с реальными практиками, о которых им было рассказано (ответы: «Нет» – 53%, «Скорее нет» – 7%). В отличие от этого, большинство респондентов-мужчин, возможно, не задумывались обо всех трудностях адаптации и социализации в семье приемного ребенка, поэтому истории замещающих родителей о жизнедеятельности принимающей семьи изменили их представление о реальной жизни с приемным ребенком (ответы: «Да» – 37%, «Скорее да» – 19%). Можно предположить, что подобная картина представлений о реальной жизни с приемным ребенком мужчин и женщин основана на более низкой информационной подготовленности первых и более высокой вторых.

С небольшой разницей разделились мнения респондентов относительно изменения требований к выбору приемного ребенка после знакомства с реальными историями замещающих родителей (47% – «Нет», 52% – «Да»). У респондентов, которые ответили положительно, мнение изменилось, прежде всего, в отношении возраста ребенка (мужчины – 45%, женщины – 50%) и состояния здоровья приемного ребенка (мужчины – 36%, женщины – 44%) (табл. 5).

Таблица 5

**Изменение требований к приемному ребенку кандидатов
в замещающие родители в зависимости от их пола, %**

	Мужчины	Женщины
Возраста ребенка	45	50
Пола ребенка	0	6
Состояния здоровья ребенка	36	44
Количества приемных детей	27	28

Чуть меньше респондентов пересмотрели свои взгляды по поводу количества приемных детей (27% мужчин, 27% женщин). Знакомство с реальными историями замещающих родителей не изменило первоначального мнения респондентов-мужчин, для которых пол ребенка не имеет значения, в то время как у небольшого количества респондентов-женщин (6%) изменились требования в отношении пола приемного ребенка.

Подавляющее большинство кандидатов в замещающие родители в явной или латентной форме испытывают беспокойство по поводу развития приемного ребенка. Страхи потенциальных замещающих родителей, в первую очередь, связаны с состоянием здоровья ребенка и наследственно генетическими факторами (51% и 44% соответственно), а во вторую очередь – с возможным асоциальным поведением приемного ребенка в будущем, а также возможным проявлением социальных болезней, например, алкогольная или наркотическая зависимость (23% и 32% соответственно).

Воспитание приемного ребенка требует гораздо больше внимания и усилий для его гармоничного развития и социализации, поэтому владение специфическими знаниями и навыками является значимым для замещающих родителей. Не менее важным является необходимость окружить ребенка заботой, теплом и любовью, чтобы он скорее пережил травматический опыт потери самых близких людей и перестал ощущать последствия своего сиротства. Однако здесь может встать вопрос, насколько приемлемы разные меры наказания в отношении приемного ребенка. По мнению 42% потенциальных замещающих родителей, в некоторых ситуациях уместно объяснять ребенку некорректность его поведения путем родительских запретов и ограничений. Между тем среди респондентов-мужчин 73% полагают, что иногда применять меры наказания к приемному ребенку приемлемо; большинство респондентов-женщин (62%) не разделяют данную позицию, полагая, что в процессе воспитания приемных детей это является недопустимым.

Распределение ответов респондентов-мужчин и женщин на вопрос, «в чем могут выражаться меры наказания приемного ребенка», имеет одинаковую тенденцию. Для опрашиваемых мужчин и женщин (94% и 58% соответственно) наиболее позвольительным оказалось экономическое воздействие на приемного ребенка, проявляющееся в ограничении игровой деятельности, запретах использования компьютера, просмотра телевизора. На втором месте оказалось слабое физическое воздействие, выражающееся в шлепках, щипании ребенка. С точки зрения гендерных различий, данная мера считается приемлемой больше среди женщин, чем мужчин (50% и 31% соответственно). Необходимо отметить, что мужчины считают недопустимым применение психологического воздействия на приемного ребенка. Подобная оценка приемлемости физических и психологических мер наказания приемного ребенка среди респондентов-женщин может обуславливаться тем, что по сравнению с мужчинами они являются более эмоциональными и временами несдержанными.

Интересны предположения потенциальных замещающих родителей относительно сроков адаптации приемного ребенка. Значительная часть опро-

шенных мужчин склонны полагать, что процесс адаптации приемного ребенка займет не более полугода (63%). В отличие от этого, 42% респондентов-женщин считают, что привыкание ребенка к новым условиям жизнедеятельности и новому социальному окружению займет более года. Женщины более реалистично оценивают сроки адаптации приемного ребенка, что, скорее всего, обусловлено их более широким представлением об особенностях замещающего родительства (табл. 6).

Таблица 6

Предполагаемый срок адаптации приемного ребенка, %

Срок адаптации	Мужчины	Женщины	Всего
до 6 месяцев	63	28	41
от 6 месяцев до 1 года	15	30	24
более года	22	42	35

Не каждая замещающая семья, столкнувшись с разного рода трудностями в процессе адаптации приемного ребенка к новым условиям, способна самостоятельно с ними справиться. В этой связи особую значимость приобретает поддержка специалиста, с помощью которой замещающие родители могут разрешить возникшие проблемы. По мнению потенциальных замещающих родителей, сопровождение специалиста на начальном этапе жизнедеятельности замещающей семьи является необходимой (67%). Среди выделяемых возрастных категорий значимой она представляется респондентам в возрасте от 45 до 55 лет (71%). Однако, необходимо заметить, что 24% респондентов в возрасте от 35 до 45 лет полагают, что замещающий родитель может самостоятельно справиться с адаптационными трудностями приемного ребенка.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ДОСТИЖЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ СЕМЬИ (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Ильдарханова Ч.И., доктор социологических наук, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

Ключевые слова: семья, государственная программа, Республика Татарстан, Центр семьи и демографии Академии наук РТ.

Аннотация. В статье изложен опыт Республики Татарстан по изучению, выявлению и практическому решению социально-демографических проблем региона. Представлена модель взаимодействия министерств, ведомств, общественных и научных организаций по реализации семейной и демографической политики.

INSTITUTIONAL RESOURCES OF FAMILY SUSTAINABILITY ATTAINMENT (CASE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Ildarhanova Ch.I., doctor of sociology, director of Family and demography center of Tatarstan academy of sciences, Kazan, Russia

Key words: family, state program, Republic of Tatarstan, Family and demography center, Tatarstan academy of sciences

Abstract: The article presents the experience of the Republic of Tatarstan on the study, revelation and practical solution of social and demographic problems of the region. The model of interaction of state departments, public and scientific organizations on fulfillment of family and demography policy is analyzed.

Процессы демографической нестабильности в современном российском обществе напрямую определяются местом семьи в структуре жизненных ценностей и стратегий населения. В Республике Татарстан сложилась система взаимодействия государственных профильных ведомств и академических структур по выявлению наиболее актуальных проблем института семьи и реализации семейной и демографической политики в регионе.

В первую очередь, это комплекс федеральных и региональных государственных программ, ориентированных на поддержку и развитие семьи в Татарстане, реализуемых Министерством труда, занятости и социальной защиты РТ, Министерством здравоохранения РТ, другими профильными ведомствами. Мониторингом результатов и промежуточной оценкой достигнутых результатов занимается Межведомственная рабочая группа по реализации государственной политики в области демографии и семейной политики на территории Республики Татарстан при Правительстве РТ.

Дополнительные инициативы по укреплению института семьи принимаются в рамках федерального партийного проекта Единой России

«Крепкая семья» в Республике Татарстан. Это комплекс информационных, медицинских, социально-реабилитационных, развивающих, образовательных, адаптационных, досуговых, научных и других мероприятий, направленных на активизацию взаимодействия между детьми и родителями различных категорий (особое внимание уделено целевым группам – семьи с детьми-инвалидами, молодые семьи, семьи с детьми, нуждающихся в социальной помощи, приемные и замещающие семьи и т.д.)¹.

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан входит в состав межведомственной рабочей группы. Результаты социологических исследований, проводимых научным коллективом Центра семьи и демографии АН РТ, внедряются в работу профильных ведомств.

В ситуации демографического риска в Российской Федерации в целом, в Республике Татарстан в том числе, с 2018 г. Центр семьи и демографии АН РТ скорректировал основные научные задачи, сосредоточив их на разработке и апробации конкретных мер по оптимизации усилий, прилагаемых Правительством для воспроизводства населения республики, достижения социально-экономической устойчивости семейно-родительских пар, регулирования репродуктивного поведения в Республике Татарстан. В научном анализе демографического развития республики Центр семьи и демографии учитывает совокупность влияния социальных, территориальных, расселенческих, экономических, исторических, культурных, национальных аспектов.

Социально-демографические исследования Центра семьи и демографии АН РТ выполняются с учетом глобальной тенденции увеличения продолжительности жизни населения, влияющей на существенную трансформацию жизненного цикла индивида, семьи, их жизненных траекторий. Коррекция возрастных границ социально-демографических групп детей, молодежи, людей среднего и зрелого возраста, пожилых и старых обуславливает разработку новых методологических подходов к изучению социальных проблем различных категорий населения.

Значимым достижением Центра семьи и демографии АН РТ стал анализ социально-демографических проблем сельских территорий региона. В ходе фундаментального исследования, полевых экспедиций в муниципальные районы, масштабных социологических исследований в селах РТ была разработана теоретическая модель и выделены объективные и субъективные индикаторы комплексного социологического исследования ресурсного потенциала модернизации села в современных российских условиях.

Оригинальная модель интегрирует анализ 3 уровней: 1) макроуровень (социальное пространство села в целом, включает следующие интегральные характеристики: региональные особенности, материально-технический уровень, демографический состав, развитость сельского производства, доступность государственных программ и грантов, доступность кредитов, развитость социальной инфраструктуры, уровень образования и профессионализм, здоровое социальное самочувствие, ориентации на жизнестойкость и креа-

¹ Официальный сайт федерального партийного проекта «Крепкая семья» в Республике Татарстан <http://tatarstan.er.ru/projects/federalnyj-proekt-krepkaya-semya/>

тивность жителей села), 2) мезоуровень (социальные институты, включают: материально-технический ресурс, научный, ведомственный, кадровый, солидаристский, ресурс контролинга), 3) микроуровень (сельские акторы (сельские семьи, социальные группы): межпоколенческий человеческий капитал, социальные сети и социальный капитал, коммуникативную и информационную базу домохозяйства, уровень материального и социального благополучия, инновационные ориентации и установки).

На основе достоверных эмпирических данных² были установлены определяющие факторы инновационного поведения семей Республики Татарстан на микроуровне – создание семейных ферм (моральная готовность семьи к фермерству, первоначальный капитал, грант, финансовая помощь муниципального органа, поддержка родственников, благожелательное отношение общества к выбору семей вида специализации семейной фермы) и проведена оценка веса факторов, влияющих на их дальнейшее функционирование (наличие сети кооперативов и их контакты с семейной фермой, организация сбыта своими силами, влияние хозяев фермы на жизнь села, повышение квалификации хозяев семейной фермы, поддержка в семье).

В 2018 г. Центр семьи и демографии АН РТ развивает демографическое направление, включающее в себя анализ воспроизводства и роста населения (рождаемости, смертности, брачности, разводимости и других демографических процессов) с помощью математических и статистических процедур, продольного и поперечного анализа, измеряющих изменения в населении и факторы этих изменений.

Опыт Республики Татарстан выявил эффективность реализации государственных программ и других инициатив по укреплению семьи в условиях активного взаимодействия управленческих, исполнительных, научных структур, объединенных общей целью – достижением устойчивости института семьи в обществе риска.

² Центром семьи и демографии АН РТ был проведен комплекс социологических исследований. 1) «Социальный капитал села Республики Татарстан» (выборка: 3798 чел.) – на основании ответов сельских жителей представлена субъективная оценка динамики человеческих, бытовых, инфраструктурных, сельскохозяйственных, социальных ресурсов современного села. 2) «Образовательная мобильность сельской семьи» (выборка: 5869 чел.) – анализ изменения уровня образования и ориентации на его дальнейшее повышение и интеграции полученных знаний внутри или за пределами села в рамках четырех поколений сельской семьи свидетельствует о потенциале образовательного ресурса в процессе модернизации жизненного пространства села. 3) «Этнокультурные ценности семьи» (выборка – 830 чел., 2014 г.) – выявил гибкость этнокультурной идентичности жителей в мультикультурном сельском пространстве. 4) Кейс-стади «Семейная ферма как фактор стабилизации социально-демографической ситуации на селе» (2012–2014 гг., 57 кейсов) – анализ семейных высокотехнологичных ферм в перспективе закрепления членов семьи-работников фермы на селе и передачи семейного дела как ценности демонстрирует реальную модернизацию малого сектора агро-сферы при сохранении традиционных ценностей сельского труда. 5) Экспертный опрос глав сельских поселений «Повышение деловой активности сельского населения по производству и реализации продукции в личных подсобных хозяйствах граждан» по итогам достижений в сфере сельского хозяйства в районе (2012–2014 гг., главы 93 сельских поселений.). 6) «Демографическое поведение мужчин сельских территорий Республики Татарстан» (целевая выборка – 1300 респондентов, 2016 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Демографическая результативность федеральных, региональных программ помощи семьям с детьми (2006–2016 гг.) Информационно-аналитический материал. – Казань, Изд-во Академии наук РТ, 2016. – 198 с.
2. Ильдарханова Ф.А. Семья в турбулентном обществе (региональный аспект): *монография*. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2015. – 170 с.
3. Ильдарханова Ч.И. Методологические альтернативы исследования образовательного капитала семьи // Знание. Понимание. Умение. – 2012, №3. – с. 64–69.
4. Ильдарханова Ч.И., Ильдарханова Ф.А., Зарипова Э.А., Нурутдинова А.Н. Разводы в Татарстане // СОЦИС. – 2011, №3. – с. 95–102.
5. Ильдарханова Ч.И. Аграрная активность сельских семей Республики Татарстан: муниципальное измерение // Вестник КГАУ. – 2014, №3. – с. 30–36.
6. Ильдарханова Ч.И. Семейная ферма как социальный феномен: *монография*. – Казань: Отечество, 2014. – 140 с.
7. Семья в социологическом измерении. Региональный аспект / Под ред. Ф.А. Ильдархановой – Казань: Изд-во Академии наук, 2016.

REFERENCES AND SOURCES

1. Demographic effectiveness of Federal and regional programs of assistance to families with children (2006–2016) Informational and analytical material. – Kazan, Publishing house of Academy of Sciences RT, 2016. – 198 p.
2. Ildarhanova F. A. Family in a turbulent society (regional aspect): monograph. – Kazan: publishing House of the Academy of Sciences, 2015. – 170 p.
3. Ildarhanova Part I. Methodological alternatives to researching educational capital of the family // Knowledge. Understanding. Skill. – 2012, № 3. – S. 64–69.
4. Ildarhanova H I., Ildarhanova F. A., E. A. Zaripova, A. N. Nurutdinova. Divorces in Tatarstan // SOTSIS. – 2011, № 3. – pp. 95–102.
5. Ildarhanova H I. agricultural activity of rural families in the Republic of Tatarstan municipal dimension // journal of SFU. In 2014, №3. S. 30–36.
6. Ildarhanova H I. Family farm as a social phenomenon: monograph. – Kazan: Fatherland, 2014. – 140 p.
7. Family in the sociological dimension. Regional aspect / ed. by F. A. Ildarhanova – Kazan: publishing house of Academy of Sciences, 2016.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И «ДЕНЕЖНОЕ» ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

Коростелева Т.В., доктор педагогических наук, доцент ФГБОУ ВО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма», Москва, Россия

Ключевые слова: экономическое поведение, деньги как метафора сознания, тактика денежных трат, студенческая семья, предпринимательская активность молодежи.

Аннотация. В статье актуализируется проблема экономической активности студенческой молодежи, приводятся результаты эмпирического исследования социально-психологических особенностей восприятия денег молодыми людьми.

ECONOMIC AND "MONEY" BEHAVIOR STUDENT FAMILIES IN THE CONTEXT OF SOCIAL RISKS

Korosteleva T. V., doctor of pedagogical Sciences, associate Professor, Russian state University of physical culture, sport, youth and tourism, Moscow, Russia

Keywords: economic activity, money as consciousness metaphor, tactics of monetary expenditure, scale of values, enterprise activity of youth.

Abstract. In article the problem of economic activity of student's youth is satirized, results of research of social and psychological features of perception of money are given by young people.

Усиление социальных процессов в России стимулирует молодых людей к активности во всех сферах жизненной реализации, в том числе – экономической. Направляя финансовые, технологические, человеческие ресурсы для самостоятельного, своевременного решения жизненных задач, успешная молодежь, таким образом, защищает себя в настоящем и будущем от большинства социальных рисков.

Эффективное экономическое и денежное поведение минимизирует такие виды социальных рисков, как: демографические, физиологические, производственные, экономические. При этом анализировать рискованные угрозы возможно по показателям персональной эффективности, результативности и оптимальности: насколько соотносятся затраченные усилия личности для достижения цели и удовлетворенность полученным результатом, насколько согласованы цель и результаты, затраченное время и усилия на ее достижение. Способы использования ресурсов и составляют активность личности – целенаправленную внутреннюю программу взаимодействия человека с обществом.

Примет за основу утверждение о том, что молодой человек экономически активен, если проявляет себя в познавательной, преобразовательной, ценностно-ориентационной, коммуникативной реальностях. Реализуется его потребность в переживании результата, в любознательности, готовности к

позитивной деятельности через познание новых смыслов, неординарности, других проявлений человека в социуме. В некотором роде происходит построение образа мира посредством поисковой деятельности, где выбираются способы использования ограниченных ресурсов.

Рассмотрим случаи, когда ограниченными ресурсами выступают деньги.

Изучение аспектов экономического и «денежного» поведения проводилось автором методом опроса и фокус-групповых интервью в период 2014–2017 гг. Объектом исследования являлись члены студенческих семей НОУ ВПО «Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы», ФГБОУ ВО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма», НОУ ВО «Московский психолого-социальный университет», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет». Выборочная совокупность представлена 132 студенческими семьями, состоящими в зарегистрированных гражданских браках, в которых хотя бы один из супругов обучался в вузе на очной или заочной форме на момент исследования. Интерпретируем результаты.

Деньги выступают проективным тестом: говоря об их значении в жизни, молодой человек рассказывает о себе, собственных ценностях и приоритетах. Основные ассоциации, связанные с понятием «деньги» у респондентов, это: свобода, власть, безопасность, любовь. Они выражают для человека большинство главных ценностей. Фокус-групповые интервью выявили следующие ряды в восприятии денег. По кинестетическим образам – «смелость, сделка, добыча, необходимое зло, хватка». По визуальным образам: «зеленые, золото, пачка, красненькие, куча, залежи, толстый кошелек». По вкусовым образам: «сахар, мясо, мед, хлеб, капуста, лайм, лимон, орехи». Эти метафоры помогают рассматривать деньги как некий эквивалент эмоциональной части личности.

В структуре трат, в отношении к богатым людям, в эмоциональном отношении к деньгам четко проявляются социокультурные особенности молодых людей. В нашем исследовании положительное отношение к очень богатым людям («уважаю за их умение трудиться и зарабатывать деньги») высказали 38% респондентов. 28% имеют резко отрицательное отношение («считаю, что эти люди авантюристы») к очень богатым людям; смешанные чувства высказали 66% опрошенных.

Богатство как ценность принимает для себя, крайне ценят половина респондентов, даже в ущерб заботы о других людях и среде обитания. Богатство, наряду с личным успехом и властью, отнесено к ценностям самоутверждения.

Из числа респондентов с полученными деньгами расстаются легко – 33%; копят – 29%, боятся растратить, потерять – 9%. Мотив сбережения в этом случае – косвенный позитивный индикатор экономического сознания. Транжирство же, как и слишком ограничительное поведение, может коррелировать с низкой самооценкой и неудовлетворенностью жизнью. Безразличие к деньгам выразили 18% респондентов, это может объясняться несоответствием социальным стереотипам, какие бы причины за этим не стояли.

Фокус-групповые интервью позволили нам выделить тактические программы действий молодых семей по отношению к денежным тратам.

1. «Эмоциональная»: от траты денег молодые супруги испытывают разнообразные эмоциональные переживания. Деньги выступают защитным механизмом, терапевтическим эффектом, символом безопасности; при этом тратятся практически все доступные деньги. При тратах повышается самооценка, но это носит временный характер.

2. «Гедонистическая»: деньги идут на наслаждения, все траты – средство достижения комфорта и удовольствий, они, как правило, не афишируются.

3. «Гламурная»: траты как возможность презентовать свою семью среди сверстников, соответствовать более высокой социальной страте, часто безосновательно.

4. «Накопительная»: деньги – не средство, а цель. Деньги – неприкосновенны, они – источник силы, их молодые люди не тратят, а копят, часто не осознавая бессознательного страха перед ними.

5. «Деятельная»: супруги активно зарабатывают и тратят, деньги – инструмент, работающий на них, находящийся в движении.

Восприятие денег субъективно. В нашем исследовании 95% студентов показали осведомленность о наличии денег в кошельке в данный момент, причем 67% – с точностью до ста рублей, а 28% – с точностью до десяти рублей. Осведомленность о наличии денег в кошельке в сочетании с разумными тратами преобладающего большинства молодых супругов отнести данный факт к защитным приемам от социальных рисков.

Обратимся к поколенческому аспекту отношения к деньгам: деды – отцы, поколение сорокалетних россиян – двадцатилетние молодые люди. Поколение современных дедов экономны и бережливы, они были воспитаны в обществе экономного потребления, когда каждая вещь и предмет ценились не за дизайн, а за долговечность; в их памяти трудное послевоенное детство и юность. Поколение сорокалетних родителей – детей периода застойного благополучия согласно работать за небольшие деньги и где-то в глубине души презирает себя за это, но непроизвольно зарабатывает ровно столько, сколько необходимо для поддержания осовремененной иллюзии социалистического благополучия. В этой возрастной группе даже достигшие большого финансового успеха, в душе презирают денежную массу и часто в мыслях возвращаются в безденежное благополучие социалистической молодости. Поколение двадцатилетних выросло в атмосфере накопления и безусловного почитания денег. Молодые люди демонстрируют устойчивое желание работать только за большие деньги, не смотря на отсутствие профессиональной компетентности. Кроме того, желание купить «все сразу», без учета собственной покупательской способности, часто ведет их к нездоровым кредитным обязательствам и неопределенности [1].

По данным исследования, ежемесячно молодой семье из 2 человек для комфортной жизни нужно среднее от 90 тысяч рублей (крайние значения: 50, 220). При этом на сумму, официально признанную мировым сообществом чертой бедности – три доллара – в рублевом эквиваленте 1-2 дня могут прожить 34% опрошенных.

Структура опрошенных от размера их заработной платы (временное или постоянное трудоустройство, без учета повременной оплаты труда) сле-

дующая: относительное большинство молодых семей – немногим более трети (36,6%) – имеют месячный доход в размере 31 до 40 тысяч рублей.

Каждая пятая студенческая семья зарабатывает в размере от 40 до 50 тысяч рублей. Примерно каждая шестая семья (16,4%) имеет заработную плату в размере от 50 и более тысяч рублей. Экстраполируя запросы молодых семей в их ближайшую экономическую перспективу, нетрудно спрогнозировать разрыв в экономических ожиданиях, которые декларируют молодые семьи.

Оптимальным ресурсом для решения данной проблемы может стать развитие предпринимательской активности студенческой молодежи.

В связи с этим готовность к занятию предпринимательской деятельностью в ближайшие три года высказали – 52% респондентов («не собираются ничего предпринимать» – 48%). У 33% опрошенных есть готовые идеи для старта бизнеса, 62% студентов предпочли бы вести бизнес в команде. Из вспомогательных ресурсов для старта своего дела студенты называют: пользование готовым брендом (29%), бизнес-консультирование (25%), предоставление помещения (23%).

Солидаризуясь с Ростовской Т.К., отметим, что студенческая семья – особый тип молодой семьи, «в большинстве случаев демонстрирующий высокую степень сплоченности, общности интересов, групповым самосознанием, специфической субкультурой и образом жизни» [2, С. 11]. В силу этих особенностей такие семьи имеют большой ресурсный потенциал и мотивацию в сфере молодежного предпринимательства. Артикулируем задачу для вузов создания такой универсальной обучающей среды, где поэтапно наращиваются компетенции уверенного экономического поведения, качества личности, от которых в будущем зависит успех молодой семьи и государства в целом. Студенты, независимо от направления подготовки, должны обучаться основам бизнес-поведения, информационно-сетевым технологиям, проектному менеджменту, основам фандрайзинга, механизмам молодежного предпринимательства. Бизнес-инкубатор в вузе предоставит резидентам благоприятные условия для запуска проектов в кратчайшие сроки, экспертов, менторов, полезные площади, контролинг инкубируемых проектов.

Завершая краткий обзор проблемы статьи, признаем экономическую активность молодежи особой формой защиты молодых семей от социальных рисков. Научить молодых людей направлять материальный и человеческий капитал для решения жизненных задач – ключевая задача отечественного высшего образования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Коростелева, Т.В., Экономическая активность молодежи как социально-психологический феномен [Текст] / Т.В. Коростелева, Н.А. Курдюкова //Новое в психолого-педагогических исследованиях. – Москва: Изд-во московского психолого-социального университета, 2015, № 2(38). – С. 208–213.

2. Ростовская, Т.К. Методические рекомендации по поляризации традиционных семейных ценностей в студенческой среде [Текст] / Т.К. Ростовская. – М.: ОО «Союз женщин России», 2016. – 24 с.

ПОЖИЛАЯ СЕМЬЯ В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Старовойтова Л.И., доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы РГСУ, Москва, Россия

Ключевые слова: семья; пожилая семья; социальное обеспечение; социальная защита; функции пожилой семьи; проблемы; структура пожилой семьи.

Аннотация. В статье проанализированы понятия семьи пожилого человека, ее особенности, структура, функции, социальная политика в отношении пожилых людей, социальное обеспечение пожилых семей, проблемы пожилой семьи и их социальная защита.

OLDER FAMILY IN THE STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIETY

Starovoytova L.I., doctor of history, Professor, Department of social work, RSSU, Moscow, Russia

Key words: family; family of the elderly person; social security; social protection; functions of the elderly family; problems; structure of the elderly family.

Abstract: In the article author analyzes the scientific approaches to a family of the elderly person, its features, structure, functions, social policy concerning elderly people, social security of elderly families, actual problems of an elderly family and their social protection.

Сегодня, во всем мире наблюдается тенденция увеличения числа лиц пожилого возраста. По методике ООН страна считается старовозрастной, если доля проживающих на ее территории лиц старше 65 лет составляет 7%. В соответствии с классификацией, принятой ВОЗ и геронтологической ассоциацией, к пожилым относятся люди в возрасте 60–74 лет, к старикам – 75–90 лет, к долгожителям – старше 90 лет. По данным среднего варианта прогноза Федеральной службы государственной статистики, доля граждан старше трудоспособного возраста в Российской Федерации увеличится с 2016 года по 2025 год с 24,6 процента до 27 процентов и составит 39,9 млн. человек.

Пожилой возраст – это период жизни человека, заслуживающий к себе особого отношения и защиты со стороны государства, а также внимания со стороны специалистов психологических, медицинских и социальных служб. Пожилые пенсионеры и семьи пожилых людей – самый уязвимый и незащищенный слой нашего общества. Отношение общества к пожилым людям отражает уровень цивилизованности этого общества, несущего ответственность за социальное, психологическое и материальное положение людей пожилого и преклонного возраста. Геронтологи единодушно подтверждают гипотезу о

связи долгожительства с высоким уважением к человеку преклонного возраста в семье и обществе. На сегодняшний день – задача общества и системы социальной работы сделать все возможное, чтобы продлить жизнь пожилых людей окружить их вниманием и заботой, сделать процесс старения менее стрессовым и более «комфортным». Отношение к пожилым людям и проблемам пожилых семей, заинтересованность в их судьбах, общественная государственная забота о них служит критерием оценки нравственности и зрелости любой страны.

В пожилом возрасте наиболее актуальными проблемами становятся:

1. Сохранение здоровья, которое оценивается пожилыми как основная ценность и создает мотивацию по его поддержанию, сохранению, обереганию;

2. Материальная обеспеченность — в связи с низким размером пенсии, является основным стимулом, для того чтобы пенсионеры продолжали работать;

3. Проблема одиночества, которая возникает в связи с разрушением деловых связей, смерти близких людей и указывает на недостаточную адаптированность пожилых людей в обществе.

В ценностной структуре представителей старшего поколения одно из первых мест занимает семья. Превалирующей ценностью становится само наличие близкого человека, возможность совместного с ним проживания, вовлеченность в общую деятельность.

Пожилая семья – это зрелая супружеская пара, живущая со своими детьми, внуками, и другими родственниками или автономно. Это этап выхода супругов на пенсию, когда пожилая семья обязана приспособливаться к новым жизненным условиям (перемена образа жизни, общественного статуса, графика работы и социального окружения, и т.д.). Данный период свойственен для одних семей активизацией трудовой деятельности, как дома, так и в обществе (участие в воспитании внуков, общественная работа), для других – забвением и самореализацией в своем микроокружении.

Организация жизнедеятельности пожилой семьи достаточно сложна. Особые проблемы появляются, если она живет отдельно от своих детей, с присущей ей затяжной адаптацией, к своему микроокружению, так и к социальному окружению: появляется выраженная поляризованность настроений и ультимативность суждений – от чрезвычайно стрессовых до эгоцентрических. И именно поэтому, пожилые семьи нуждаются во многих видах помощи: социальной, психологической, медицинской, материальной и т.д.

В нашей стране уже много сделано в попытках приблизиться к европейскому уровню и повышения качества жизни данной категории людей. В рамках системы комплексной помощи пожилым семьям действуют дома-интернаты, семейные дома ветеранов войны и труда, центры социального обслуживания и отделения социальной помощи на дому. Пожилым семьям оказывается общественная, добровольная, благотворительная, гериатрическая помощь. Но сегодня становится особенно очевидно, что данных мер недостаточно, тем более что на первый план выходят вопросы ухода, что фор-

мирует образ семьи пожилых людей как пассивной и беспомощной. С нашей точки зрения – это исключает многие аспекты жизнедеятельности семьи и обесценивает значение пожилой семьи в жизни общества. Неправоммерно связывать с периодом старости только регрессивные явления. Известны факты высокой творческой активности и продуктивности ученых, представителей искусства и других профессий не только в пожилом, но и в старческом возрасте. Подтверждением этого являются слова В. Франкла: «Человек, ведущий плодотворную жизнь, не становится дряхлым стариком, напротив, умственные и эмоциональные качества, развитые им в процессе жизни, сохраняются, хотя физическая сила слабеет».

Эффективным механизмом поддержки социальной активности граждан старшего поколения является их включение в образовательный процесс, учитывающий роль лиц старшего поколения в процессе образования в качестве как обучаемых, так и обучающихся. В среднем формальным и неформальным образованием охвачены 30 процентов взрослого населения страны (в странах с самыми высокими значениями этого показателя доля обучающегося взрослого населения достигает 70–80 процентов). Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» впервые нормативно закреплено понятие непрерывного образования, которое обеспечивает возможность реализации права граждан на образование в течение всей жизни. Увеличение доли граждан старшего поколения, участвующих в различных формах и видах образовательной деятельности, приводит к минимизации издержек, связанных с наступлением «третьего возраста» человека, обеспечивая ему здоровую и активную жизнь в период старения.

Необходимо признать, что пожилые семьи занимают свою особую нишу. Она становится уникальным местом удовлетворения фундаментальных человеческих потребностей, сферой, в которой осуществляется основная деятельность, досуговая составляющая, реализуются практики взаимной поддержки, в чем и проявляется своеобразие пожилых семей.

Можно выделить две характерные черты стиля жизни пожилых и престарелых людей: гипертрофированность событий и своеобразное ощущение времени. Немногочисленные события заполняют собой все его индивидуальное пространство и время и становятся делом целого дня. Например, разговор по телефону, встреча с другими людьми, соседями, приход социального работника. Кроме этого, пожилой человек всегда живет в настоящем. Его прошлое также присутствует в настоящем – отсюда запасливость, бережливость пожилых людей. Они как бы консервируются в сиюминутности, причем такому сохранению подвергается и духовный мир, его ценности. Воспоминания наполняют всю его жизнь. Геронтологи убеждены, что воспоминания создают эмоциональный и интеллектуальный комфорт для пожилого человека, являются своеобразным видом творчества, они изгоняют апатию, вселяют бодрость.

Социальная работа с семьей пожилых супругов опирается в первую очередь на принципы ООН в отношении пожилых людей:

1. Принцип «независимость» – доступ к основным благам, обслуживанию, работе и т. д., пока это возможно.

II. Принцип «участие» – вовлеченность пожилых людей в жизнь общества, возможность создавать движения или ассоциации пожилых людей и т. д.

III. Принцип «реализация внутреннего потенциала» – организация всесторонних возможностей, доступ к общественным ценностям в области культуры, духовной жизни и т. д.

IV. Принцип «уход» – обеспечение уходом, защитой, медицинским обслуживанием и т. д. со стороны семьи и общества.

V. Принцип «достоинство» – недопущение эксплуатации, насилия, обеспечение права на справедливое обращение и т. д.

Социальный работник в своей практике может встретиться с несколькими типами жизненной позиции пожилого человека:

– *«Конструктивная» позиция.* Люди с такой позицией, как правило, были спокойными, довольными и веселыми. Они сохраняют эти черты и в старости, радостно относятся к жизни, активны, стремятся помогать друг другу. Из своей старости и немоганий не делают трагедий, ищут развлечений и контактов с другими людьми, т. е. обычно благополучно переживают свой «третий возраст».

– *«Защитная» позиция.* Формируется у людей, которые как бы «покрыты броней». Они не стремятся к сближению с другими людьми, не желают получать от кого бы то ни было помощь, держатся замкнуто, отгораживаются от людей, скрывают свои чувства. Старость они ненавидят, так как она вынуждает их быть зависимыми, отказываться от работы и активности.

– *«Зависимая» позиция.* Она присуща людям, которые всю жизнь не очень доверяли даже себе, были слабовольными, уступчивыми, пассивными. Старея, они с еще большим усердием ищут помощи, признания, а не получая их, чувствуют себя несчастными и обиженными.

– *«Позиция враждебности к миру».* Характерна для людей, обвиняющих окружающих и общество во всех поражениях и неудачах, которые они потерпели в жизни. Люди этого типа подозрительны и агрессивны, никому не верят, не хотят ни от кого зависеть, испытывают отвращение к старости, цепляются за работу как за спасательный круг.

– *«Позиция враждебности к себе и своей жизни».* Люди с этой позицией пассивны, склонны к депрессии и фатализму, у них отсутствуют интересы и инициативы. Они чувствуют себя одинокими и ненужными, к смерти относятся без боязни, как к избавлению от несчастного существования.

В целях решения проблем пожилых граждан и их семей в РФ предложена Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. Одной из ключевых задач Стратегии становится создание общества для всех возрастов, включая формирование условий для использования знаний, опыта, потенциала граждан старшего поколения, проявление заботы о таких гражданах и оказание им необходимой помощи. Итогом реализации Стратегии станет сформированная система мер, направленных на повышение благосостояния и социально-культурного развития граждан старшего поколения, укрепление их здоровья, повышение продолжительности жизни и активного долголетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Хубиев Б.Б. Семья в постиндустриальном обществе: российская особенность. // Социальные процессы и социальные отношения в современной России: тезисы выступлений 25–26 ноября 2004 года. IV Международный социальный конгресс. / В 2-х т. / Под ред. Г.И. Осадчей. – М.: Изд-во РГСУ, 2004. – Т. 1, с. 192.
2. Верещагина А.В. Трансформация института семьи и демографические процессы в современной России: монография. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. – 264 с.
3. Репина Т.А. Кризис современной семьи: причины, особенности, последствия. // Вестник ТГУ. – 2008. – Вып. 6 (62). – С. 315–316.
4. Семенцова Л. И. Пожилая семья: автономия и своеобразие в контексте социальной работы// ВЕСТНИК ЮРГТУ (НПИ). 2012. – № 6,- С.296–305
5. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года// <https://starikam.org/poleznaya-informaciya/zakonodatelstvo/proekt-strategii-dejstvij-v-interesax-grazhdan-pozhilogo-vozrasta-do-2025-goda/>

REFERENCES AND SOURCES

1. Hubiev B. B., the Family in post-industrial society: Russian peculiarity. // Social processes and social relations in modern Russia: theses of speeches of November 25–26, 2004. IV International people's social Congress. / In 2 volumes / Under the editorship of G. I. Osadchaya. – Moscow: Publishing house of RSSU, 2004. – Vol. 1, p. 192.
2. Vereshchagina A.V. Transformation of the Institute of family and demographic processes in modern Russia: monograph. — Rostov n/D: Izd-vo yufu, 2009. – 264 p.
3. Repina T. A. Crisis of modern family: causes, features, consequences. // Vestnik TSU. – 2008. – Vol. 6 (62). – S. 315–316.
4. Sementsova L. I. Elderly family: autonomy and originality in the context of social work// VESTNIK yurgtu (NPI). 2012. – №6, – Pp. 296–305
5. Strategy of actions in interests of citizens of the senior generation in the Russian Federation till 2025// <https://starikam.org/poleznaya-informaciya/zakonodatelstvo/proekt-strategii-dejstvij-v-interesax-grazhdan-pozhilogo-vozrasta-do-2025-goda/>

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ПОЖИЛОЙ СЕМЬЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Козловская С.Н., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва, Россия

Козловская Д.И., студентка 4 курса факультета государственного управления и финансового контроля ФГБОУ ВО «Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации», г.Москва, Россия

Ключевые слова: технологии социальной работы, социальная адаптация, пожилая семья, геронтологические проблемы.

Аннотация. В статье описаны современные технологии социальной работы с пожилой семьей в России. *Предмет исследования:* особенности применения современных технологий социальной работы с пожилой семьей в России *Цель работы:* анализ использования социальных технологий в работе с пожилой семьей. *Сделан вывод* о том, что для успешной социальной адаптации важна семейная политика государства, направленная на улучшение положения пожилых семей и их адаптацию в обществе, создание благоприятных условий для жизнедеятельности пожилой семьи. Использование современных социальных технологий предполагает процесс мобилизации пожилой семьи, её потенциала и активности.

MODERN TECHNOLOGIES OF SOCIAL WORK OLDEST FAMILY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kozlovskaya S.N. candidate of psychological Sciences, associate Professor, Department of social work, FGBOU VO « Russian state social University», Moscow, Russia

Kozlovskaya D.I., student at 4th course Faculty of public management and financial control, FGIBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation», Moscow, Russia

Key words: technologies of social work, social adaptation, elderly family, gerontological problems.

Abstract: The article describes modern technologies of social work with an elderly family in Russia. Subject of the research: peculiarities of application of modern technologies of social work with an elderly family in Russia Purpose: analysis of the use of social technologies in work with an elderly family. It is concluded that the family policy of the state aimed at improving the situation of elderly families and their adaptation in society, creating favorable conditions for the life of the elderly family is important for successful social adaptation. The use of modern social technologies implies the mobilization of the elderly family, its potential and activity.

В современных условиях социально-экономической трансформации, происходящей в России изменяются все стороны общества, которые в первую очередь включают институт семьи и отношения между супругами. При этом процессы, происходящие в обществе не всегда прямо и непосредственно влия-

ют на семейную жизнь, а преломляются через индивидуально-психологические особенности всех членов семьи, а также специфику их взаимоотношений. Следует отметить, что психологические факторы становятся определяющими среди других факторов в пожилой семье и влияют на удовлетворенность супружескими отношениями, устойчивость брака пожилых людей.

Супружеские взаимоотношения постоянно меняются и претерпевают индивидуальные особенности развития, так в отношениях супругов могут возникать непредвиденные изменения, которые касаются как внутрисемейных отношений, так и отношений с детьми и внуками. Существуют ряд закономерных изменений, которые являются типичными для развития брака во времени: романтические отношения, молодожество, зрелый брак, которые приводит к реалистическому пониманию брака. Однако на развитие брака оказывают влияние второстепенные факторы, которые могут менять идеальные представления о браке и проводить к развитию конфронтации, выяснению отношений между супругами «по мелочам» особенно это характерно для людей пожилого возраста. Возникающие трудности в браке сопровождают семью на всех этапах ее развития от создания семьи, воспитания детей и их отделения и ухода от родителей. В отечественной и зарубежной литературе такие периоды принято называть трудными или «кризисными периодами развития семьи». Кризисные ситуации, возникающие в семьях пожилых людей, имеют определенные закономерности, которые лежащие в основах их супружеских отношений. При этом для эффективного решения возникающих проблем не следует искать вину лишь в поведении одного из супругов.

Развитие семьи в пожилом возрасте продолжает претерпевать проблемы, которые связаны с нормативными кризисами. Многие в отношении пожилых супругов зависит от межличностных отношений супругов, их способности к пересматриванию своих ошибочных взглядов, признание своей неправоты в отношениях. В семье пожилых людей преобладает стремление к поддержанию благополучия, здоровых отношений с другими членами семьи.

Анализируя поставленную проблему в статье, следует отметить. Что в России имеется опыт социальной работы с пожилыми людьми, однако и проблем в решения еще достаточно. Проблемами пожилых людей в настоящее время занимаются социальные институты. На сегодняшний день существуют новые подходы к организации работы с семьями пожилых людей. Принимаются меры по внедрению таких новых форм [2]:

«Дома совместного проживания». Их суть сводится к тому, что двое-трое престарелых соседей, семейных пожилых пар поселяются в одном из имеющихся домов они ведут общий бюджет, который расходуется на коммунальные услуги, питание, одежду. Проживающие в таких домах находятся под патронатом социальных работников территориального центра социального обслуживания населения. Как показывает практика данную форму можно рассматривать, как экономически выгодную для жизнеустройства пожилых людей не требующей дополнительных затрат.

«Дома самостоятельного проживания». Пустующий в сельской местности жилой дом (помещение пригодное под жилье) приводится в нормаль-

ное техническое состояние, в него заселяются нетрудоспособные люди, не имеющие жилья или оказавшиеся в трудной жизненной ситуации. За ними закрепляется работник центра социального обслуживания населения, а при необходимости к этой работе подключаются и другие службы района (правоохранительные органы, медицинские учреждения и т.д.). Здесь также формируют общий бюджет, из которого оплачивают коммунальные и прочие услуги, питание. Такие дома, как правило, сезонного проживания – зимой «Дома зимовки» в летний период «Социальная дача» – это возможность для людей пожить вдалеке от города и пожить вместе, ведь они приезжают из разных уголков. Это реализация их досуговой деятельности и расширение социальных контактов. Они имеют возможность пообщаться, получить какую-то дополнительную информацию и в «социальной даче» они проживают, как группа взаимопомощи. Они помогают друг другу в быту, помогают приготовить еду, вместе ходят на прогулки, вместе ходят купаться, в лес»» [3].

Предлагаются гражданам и такие формы [2]:

«"Гостевая семья", предусматривает прием на проживание в семью стариков.

"Приемные семьи", в которых социальный работник берет к себе обслуживаемого человека и обеспечивает надлежащий уход за ним.

Форма социального обслуживания, основанная на рентных отношениях или договоре. Аналогично такие договоры могут заключаться между гражданами и с домами-интернатами. Однако это не означает, что не будут развиваться ставшие уже традиционными формы социальной работы: стационарные дома-интернаты, социальное обслуживание на дому.

Курсы компьютерной грамотности для граждан пожилого возраста и инвалидов остаются одним из самых востребованных направлений, пожилые люди приходят семьями, хотят идти «в ногу со временем». Пожилые люди обучаются компьютерной грамотности, при этом происходит изменение интереса к жизни, что дает им возможность быть активным членом информационного общества. В социальных сетях пожилые люди имеют свои странички и обмениваются знаниями и информацией, активно общаются. Происходит постоянное расширение круга общения и взаимодействия с супругом, детьми и внуками.

Обучение компьютерной грамотности для старшего поколения позволяет расширить возможности пожилых людей. Занятия проводятся с учетом возрастных и физиологических возможностей пожилых людей. Обучение рассчитано с использованием комплекса упражнений для глаз и кистей рук. Не всем дается сразу справиться с использованием техники, так как у пожилых людей могут быть нарушена работа суставов. А, по большому счету, рассказывают преподаватели, сложностей не возникает, обучение цифровым технологиям подвластно всем возрастам.

«Школа здоровья» для граждан пожилого возраста, где люди обучаются различным методикам оздоровления: дыхательной гимнастике по А.А. Стрельниковой, гимнастике для рук с использованием Мудр, программе по восстановлению зрения по В.Г. Жданову. Для них могут организовываться лыжные

прогулки и спортивные занятия, скандинавская ходьба, посещение бассейна, сауны, в зависимости от индивидуального состояния здоровья. Также пожилые люди могут принимать активное участие в городских спартакиадах среди ветеранов.

«Школа обучения для родственников по уходу за пожилыми людьми» дает возможность обучиться основам организации ухода за пожилыми людьми, при этом занятия могут проводиться медицинскими сестрами и психологом учреждения.

«Школа безопасности» направлена на информирование граждан пожилого возраста по вопросам безопасности в разных сферах жизни. Занятия проводятся специалистами учреждения с привлечением сотрудников учреждений здравоохранения, органов полиции, МЧС.

Психологический клуб "островок моей души" для достижения гармонии души.

Методы и формы работы в клубе (арт-терапия, сказкотерапия, терапия поэзией, психологический тренинг и другое).

Фотостудия «Стоп-кадр» где пожилые люди осваивают современную фототехнику и учатся делать красивые, качественные снимки, используют различные способы обработки фотографий на компьютере, участвуют в фотосессиях, выступая не только в роли фотографа, но и в роли фотомодели. Представляя результаты своего творчества, делиться своими успехами и достижениями пенсионеры могут с помощью организации фотовыставок. Следовательно, посещение фотостудии позволяет пожилым людям получать новые знания, осваивать новый вид искусства, реализовывать свой творческий потенциал.

Среди пожилых людей становятся востребованными современные социальные технологии: университет третьего возраста, школа психологической устойчивости, школа безопасности. Например, университете третьего возраста. Наиболее востребованными оказались факультеты имеющие следующие направления; «Правовая грамотность», «Информационные технологии», «Психология», «Творческое развитие». По окончании соответствующего факультета слушатель получает диплом.

Не менее эффективно используются различные, традиционные методы: трудотерапия, библиотерапия, музыкотерапия.

Трудотерапия – это активный метод восстановления и компенсации нарушенных функций пожилых людей с использованием работы, направленной на создание полезного продукта.

Библиотерапия – это метод, который с помощью прочтения книг, литературных дискуссий и вечеров у пожилых людей расширяет компенсаторные возможности.

Музыкотерапия – это метод социокультурной реабилитации. В данном методе используются музыкальные средства.

Таким образом, современные технологии социальной работы с пожилыми семьями в России направлены на увеличение продолжительности жизни пожилого человека. В последнее десятилетие возрос интерес к геронто-

логическим проблемам и в частности к проблемам пожилой семьи, что связано с необходимостью сохранения активной жизни в пожилом возрасте.

Пожилые супруги, вступившие в «третий возраст», переходят в качественно новый этап своей жизни, и в этом плане большое значение имеет успех или неуспех адаптации в обществе. Изменение российского общества приводит к необходимости изменения и применения адаптационных стратегий, в первую очередь – деятельностных и коммуникативных, связанных с трудовой деятельностью, активностью, творчеством, семейной адаптацией, в ходе которой возникают новые статусы и социальные роли.

Для успешной социальной адаптации важна семейная политика государства, направленная на улучшение положения пожилых семей и их адаптацию в обществе, создание благоприятных условий для жизнедеятельности пожилой семьи. Использование современных социальных технологий предполагает процесс мобилизации пожилой семьи, её потенциала и активности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Дашкина А.Н. Социальная работа //Научно-популярный журнал. – 2013. – №3. – С. 63–71.
2. О Государственной Программе «Социальная поддержка жителей города Москвы на 2012–2016 годы»: постановление Правительства Москвы от 06 сентября 2011года N420-1111 по состоянию на 29.07.2013 г. № 493-ПП [Электронный ресурс] //http: //www.consultant. ru
3. Мочкин И.А. Организация медицинской помощи лицам пожилого возраста //Главврач. 2006. № 12. С. 46–48.
4. Фирсов М.В., Наместникова И.В., Студёнова Е.Г. Философия социальной работы (для бакалавров) – КноРус 2012. – С. 185.

REFERENCES AND SOURCES

1. Dashkina A. N. Social work / / popular Science magazine. – 2013. – No. 3. – Pp. 63–71.
2. About The State program "Social support of residents of the city of Moscow for 2012–2016": order of the Government of Moscow of September 06, 2011 N420-1111 as of July 29, 2013 No. 493-PP [Electronic resource] //http: //www.consultant. EN
3. Chuckles I. A. Organization of medical care of the elderly //the Doctor. 2006. No. 12. С. 46–48.
4. Firsov M. V., I. V. Namestnikova, Studenova E. G. Philosophy of social work (bachelors) – Cambridge University press 2012. – P. 185.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ СЕМЬИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРУДА ВНЕШНИХ МИГРАНТОВ В ДОМАШНЕМ ХОЗЯЙСТВЕ

Письменная Е.Е., доктор социологических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Семенцова К.Р., студентка 4 курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ключевые слова: семья, домашнее хозяйство, внешние мигранты, социальные риски.

Аннотация. В статье рассматриваются социальные риски семьи при использовании труда внешних мигрантов в домашнем хозяйстве

SOCIAL RISKS OF THE FAMILY WHEN USING AN EXTERNAL MIGRANT IN THE HOUSEHOLD

Pismennaya E.E., doctor of sociological Sciences, associate Professor, Financial University under The Government Of The Russian Federation, Moscow, Russia

Sementsova K. R., 4th year student of the faculty of sociology and political science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Key words: family, household chores, external migrants, social risks.

Abstract: The article deals with the social risks of the family when using the labor of external migrants in the household

Домашний труд как научная категория является предметом изучения ряда наук: философии, права, истории, экономики, экономической и гендерной социологии, психологии, что определяет многообразие подходов к пониманию его сущности и их разноплановость. Так, в психологической энциклопедии домашний труд определяется, как «деятельность по поддержанию домашнего хозяйства (уборка, стирка, приготовление пищи и т.п.), которая не оплачивается, не имеет количественного эквивалента и социально признанной значимости. В основном выполняется женщинами» [4]. Однако данный подход говорит о домашнем труде исключительно в качестве самостоятельно выполняемой работе, что является верным только отчасти. Сегодня женщины все чаще ищут себе альтернативное применение, будь то карьера, хобби, общественная деятельность, и оставляют труд по дому наемным работникам – мигрантам [8]. Для мужчины-работодателя же наём домашних работников в семью воспринимается как проявление заботы о семье.

Так или иначе, «труд в частном домохозяйстве – это так называемый репродуктивный труд (труд по обслуживанию и в широком смысле репродукции человека в частной сфере), который традиционно был бесплатным и выполнялся женщинами. Печать второсортности лежит на этом виде труда и

сегодня из-за его приватности, низкого общественного статуса, непрестижности, низкой оплаты, поэтому этот сектор быстро превращается в нишу мигрантской занятости [6]. Тем самым, с помощью мигрантов консервируется низкий статус работы по дому. Сами мигранты подвержены нисходящей социальной мобильности: экс-педагоги и инженеры превращаются в нянь, сиделок и уборщиц. Возможно и совмещение разных обязанностей (сиделка убирает дом, готовит и пр.) [8].

Наряду с этим, в некоторых семьях найм домашних работников является своеобразным «демонстративным потреблением», попыткой закрепить (подтвердить) свой статус «зажиточных людей», стоящих на высоких ступенях стратификационной лестницы. Можно сказать, что наличие домашних работников в домохозяйстве подтверждает статус домохозяйства и нанимателя/нанимательницы [6].

По данным опросов Superjob, в 2016 году по сравнению с 2012 годом спрос на домашних работников, несмотря на кризис, увеличился в среднем в 1,5 раза, более всего спрос увеличился на такой вид деятельности, как домашний уход за больными, престарелыми людьми – в 2,5 раза [1]. Довольно парадоксальна сама ситуация на рынке труда, так как именно кризис стимулирует рост сектора «домашнего труда» и спрос на данную сферу, как со стороны работодателей, так и со стороны работников. Кризис увеличивает число тех, кто сам готов стать домработницей или сиделкой. Популярность такого вида занятости также возросла за счет появления специализированных сервис-агентств.

Существует ряд социально-экономических проблем на данном виде рынка труда в России как для государства, так и для самих участников, которые определяются процессом его организации с самого начала: взаимоотношение работодателя и работника – подбор, легальность трудоустройства, определения статуса и социальные гарантии. Сегодня существует два пути найма работников для себя: официальный путь – через обращение в специализированные агентства и неофициальный – социальный капитал (через знакомства). Именно непрозрачность второго пути, то есть то, когда работодатели используют неформальные каналы трудоустройства, а именно, личные связи – является одной из основных проблем для государства, так как формируют теневую экономику. Работодатель чаще использует данные источники, потому что обращение даже в специализированное агентство, с одной стороны, не дает ему гарантии и уверенности в случайном человеке, а с другой стороны – позволяет существенно сэкономить на данной услуге.

При этом существует «черный список» соискателей, как для работодателей, так и для агентств. Именно поэтому в агентствах возрастает популярность кратковременных (разовых) услуг, то есть уборка в доме, «няня на час» и т.п. При обращении в агентство работодатель заполняет заявку, указывая предпочитаемые характеристики, по которым в дальнейшем будут подобраны и предложены максимально соответствующие кандидаты из базы агентства. Добросовестные агентства перед занесением кандидатов в персональную базу данных проводят поэтапную проверку в отношении каждого

соискателя: предоставленных документов, рекомендаций, данных о состоянии здоровья.

Однако работодатели при использовании труда мигрантов в домашнем хозяйстве подвержены большим социальным рискам. Например, трагическая ситуация, которая произошла в конце февраля 2016 года в Москве, когда 38-летняя гражданка Узбекистана Г. Бобокулова «... по неустановленным причинам убила малолетнего ребенка, подожгла квартиру и покинула место происшествия», как говорится в сообщении Следственного комитета [7]. Родители убитой девочки рассказали журналистам, что Бобокулова проработала в их семье больше года и казалась им ответственной няней, хотя в последнее время она находилась во взвинченном состоянии. Московские миграционные власти заявили, что подозреваемая приехала в Россию законно, но работала нелегально, так как не приобрела трудового патента. Гражданка Узбекистана после приезда в Москву встала на миграционный учет, назвав целью въезда в Россию работу, но о том, что она работает и где находится не уведомила соответствующие органы [7]. Также по данным правоохранительных органов Узбекистана, Бобокулова страдает шизофренией и на родине неоднократно проходила лечение. В связи с этим по решению суда горе-няню отправили на принудительное лечение, освободив от уголовной ответственности за убийство четырехлетней девочки [3].

Другой инцидент произошел 19 мая 2016 года в городе Чехове Московской области: сиделка истязала и избивала 76-летнего пенсионера с болезнью Альцгеймера. При этом это был известный советский инженер-изобретатель, лауреат Государственной премии Владимир Брувер. Его дочь, сама проживавшая в Москве, наняла 36-летнюю сиделку, которая представилась Анной. В итоге выяснилось, что она вовсе не Анна, а гражданка Узбекистана Месимба Аджелаялова, а все ее документы и рекомендательные письма – подделки. За избиения, снятые на видеокамеру, следователи возбудили уголовное дело по пункту «г» части 2 статьи 117 УК РФ «Истязание» с лишением свободы сроком до 7 лет [2].

Еще один случай, вызвавший большой резонанс, связан с именем Анастасии Волочковой: ее ограбил водитель, который на протяжении долгого времени присваивали себе деньги балерины. По словам самой пострадавшей, она доверяла ему отвозить деньги за выступления в банк, но он вместо этого присваивал их себе, подсыпал ей в напитки неизвестные препараты, от которых она чувствовала себя плохо. Впервые Волочкова почувствовала, что А. Сиртач её обманывает, когда мужчина не довёз до адресатов новогодние подарки. После этого он выпросил у Волочковой 200 тысяч рублей на «похороны мамы», которая, как выяснилось позже, оказалась жива. Деньги предназначались на зарплату коллективу артистки [5].

Это только некоторые из негативных случаев с участием мигрантов на рынке домашнего труда. Именно поэтому можно утверждать, что если работодатели используют свои связи для поиска работника, то рынок остается нелегальным и теневым, а значит, есть двойной риск и вероятность подверженности подобным ситуациям.

Обратимся к некоторым результатам авторского пилотажного социологического исследования, одним из качественных методов которого было глубинное интервью с представителями десяти семейств, которые прибегают или прибегали к услугам мигрантов для выполнения работы по дому. Социально-демографический портрет работодателей выглядит следующим образом: в основном это женщины (71,4%) в возрасте от 36 до 45 лет, все состоят в зарегистрированном браке, размер домохозяйства колебался от 3 до 5 человек, все имеют детей, но больше половины из них имеют одного ребенка (57,1%), русские, православные, с высшим образованием. Больше половины опрошенных сказали, что доходы их домохозяйства составляют примерно 120 000 рублей в месяц, а у 28,6% – более 200 000 рублей в месяц. При этом 71,4% опрошенных могут позволить себе купить вещи длительного пользования, а крупные покупки им уже недоступны.

Всех респондентов можно было разделить на 2 группы: которые нанимали когда-то работника-мигранта (57,7%), либо у которых такой работник есть в найме и сейчас (42,9%). Из них 57,1% нашли работника при помощи личных связей и знакомым, что уже ставит работодателей под удар. Еще одна зона риска – оформление рабочих отношений: лишь 28,6% оформили официальный трудовой договор, который был составлен в соответствии с российским законодательством, а 42,9% не оформляли договора.

Риски, с которыми боятся столкнуться семьи при найме работника-мигранта, представлены на рисунке 1.

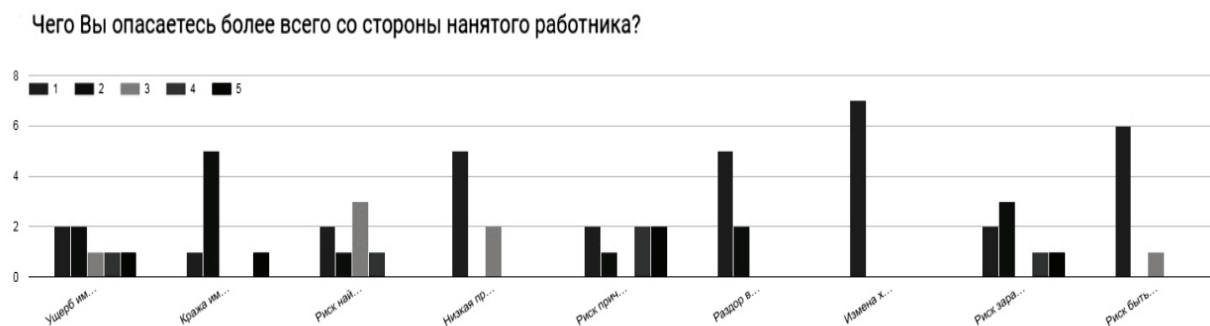

Рисунок 1. Чего опасаются семьи при найме мигранта для выполнения работы по дому

Источник: составлено авторами

По 5-балльной шкале опасений работодатели поставили максимум следующим рискам: ущерб имуществу, кража имущества, причинение вреда хозяину или членам его семьи, риск заразиться от мигрантов. Менее всего опасаются измены хозяина семьи – все респонденты ответили, что по 5-балльной шкале опасений выставили бы такому риску – 1 балл.

При этом сами респонденты сталкивались с такими рисками, как ущерб имущества и с отсутствием опыта работы у наемного мигранта по 28,6% соответственно. Некоторые еще добавляли, что сталкивались с плохим качеством

работы и с невыполнением работником обязательств без объяснения причин: «няня не вышла на работу, при этом даже не предупредила».

Работодатели опасаются того, что им придется искать нового работника в различных случаях, сами они сталкивались с этим, когда работник добровольно уезжал к себе на родину – 42,9%, получал травмы – 28,6%, у него менялась жизненная ситуация – 28,6%, либо его вовсе переманивали к себе соседи гораздо лучшими условиями – 14,3%.

Иногда у работодателей возникали конфликты с работниками по поводу соблюдения договоренностей, но это происходило лишь у 14,3% опрошенных, у остальных подобных конфликтов не возникало. Семья работодателя зачастую рада присутствию дополнительной помощи и конфликты возникают редко у 57,1% опрошенных.

За изменениями законов, регулирующих вопросы трудоустройства мигрантов в России, работодатели (57,2%) не следят вовсе по различным причинам, а 42,9% опрошенных признались, что у них возникали противоречия с законодательством, касательно найма мигранта, но эти нарушения не были замечены.

Чтобы улучшить положение работодателя по использованию труда мигрантов в сфере домашнего труда было предложено «упростить законодательную базу», облегчить возможность «отследить, что мигрант легален, дабы избежать проблем со стороны миграционных служб». Также были высказаны мысли о том, что «... в законодательстве и так все замечательно описано, но все это не подходит для непродолжительного найма или найма от случая к случаю, и все зависит от работодателя – если он ответственен, то никаких вопросов и не возникнет», было предложено «создать электронную базу данных по мигрантам, которые получили разрешение на работу, чтобы можно было проверить его подлинность не выходя из дома, например, через портал госуслуг».

Таким образом, можно сделать следующий вывод: использование мигрантов в сфере домашнего труда очень востребовано в московском регионе, спрос на данные услуги только возрастает, однако, данный вид занятости находится в тени и несет в себе определенные риски для нанимателей, что требует тщательной проработки данного вопроса на законодательном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Портнягина М. Кто в доме за хозяина? // Огонёк. – 2016. – № 4. – С. 26.
2. Фалалеев М. За гранью: Сиделка год издевалась над беспомощным стариком-ученым // Российская газета. – 2016. – №116 (6984).
3. Интерфакс: Убившая ребенка няня освобождена от уголовной ответственности. URL: <http://www.interfax.ru/moscow/538424> (дата обращения: 10.03.18).
4. Психологическая энциклопедия: Домашний труд. URL: <http://www.insai.ru/slovar/domashnii-trud-0> (дата обращения: 10.04.2018).
5. Рамблер: Волочкову ограбил ее собственный водитель. URL: https://news.rambler.ru/starlife/37138879/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.04.2018).

6. Семенова Л.А. Домашние работники в системе наемного труда. URL: <http://jour.isras.ru/upload/journals/4/articles/3218/submission/original/3218-5962-1-SM.pdf> (дата обращения: 11.04.2018).
7. BBC: В Москве расследуют обезглавливание четырехлетней девочки. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2016/02/160229_moscow_beheaded_child_nanny_wrap (дата обращения: 23.02.18).
8. IQ.HSE: Соболевская О.В. Женщины отдают мигрантам работу по дому. URL: <https://iq.hse.ru/news/177663978.html> (дата обращения: 11.04.2018).

REFERENCES AND SOURCES

1. Portnyagina M. Who is the host? // Twinkle. – 2016. – No. 4. – P. 26.
2. Falaleev M. Beyond: the Nurse year mocked the helpless old man-the scientist // the Russian newspaper. – 2016. – No. 116 (6984).
3. Interfax: the nanny who killed the Child is exempt from criminal liability. URL: <http://www.interfax.ru/moscow/538424> (date accessed: 10.03.18).
4. Psychological encyclopedia: Domestic labor. URL: <http://www.insai.ru/slovar/domashnii-trud-0> (circulation date: 10.04.2018).
5. Rambler: Volochkova was robbed by her own driver. URL: https://news.rambler.ru/starlife/37138879/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (circulation date: 12.04.2018).
6. Semenova L. A., domestic workers in the system of wage labor. URL: <http://jour.isras.ru/upload/journals/4/articles/3218/submission/original/3218-5962-1-SM.pdf> (circulation date: 11.04.2018).
7. BBC: Moscow is investigating the beheading of a four-year-old girl. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2016/02/160229_moscow_beheaded_child_nanny_wrap (date accessed: 23.02.18).
8. IQ.HSE: Sobolevskaya O. V. women give home work to migrants. URL: <https://iq.hse.ru/news/177663978.html> (circulation date: 11.04.2018).

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СЕМЬЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Азимов А.Д., доктор экономических наук, профессор, заведующей кафедрой «Экономической теории» Института Экономики и Торговли Таджикского Государственного Университета Коммерции, г. Худжанд, Таджикистан,

Акромов Ш.Ю., кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, г. Москва, Россия

Азимов А.А., магистр Института Экономики и Торговли Таджикского Государственного Университета Коммерции, г. Худжанд, Таджикистан

Ключевые слова: человеческий капитал, институт семьи, миграция, экономическая теория семьи, функции семьи, инновационная экономика.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли семьи и миграционные процессы в формировании человеческих ресурсов как основного фактора производства в инновационной экономике. Рассмотрено необходимость развития концептов экономической теории семьи в дискурсе роли человеческого капитала в инновационных процессах.

MIGRATION PROCESSES AND THE FAMILY IN THE FORMATION OF HUMAN CAPITAL IN AN INNOVATIVE ECONOMY

Azimov A.J., doctor economics, professor, head of department of economic theory, Institute of Economy and Trade of Tajik State University of Commerce, Khujand, Tajikistan

Akramov S.Y., candidate of sociological sciences, leading researcher, center for social demography and economic sociology, Institute for socio-political studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Azimov A.A., master of arts Institute of Economy and Trade of Tajik State University of Commerce, Khujand, Tajikistan

Keywords: human capital, family institute, migration, economic family theory, family functions, innovative economy.

Abstract: The article is devoted to the review of the role of the family and migration processes in the formation of human resources as the main factor of production in the innovation economy. The need to develop the concepts of the economic theory of the family in the discourse of the role of human capital in innovation processes is considered.

Мировая практика показывает, что международное движение рабочей силы занимает особое место как фактор роста экономики, как в странах въезда, так и странах выезда. Миграция и развитие стали тандемом, которые обеспечивают прогресс во многих государствах мира. Особую актуальность приобретает миграционное поведение и процессы из республики в страны ближнего

зарубежья. Особую актуальность приобретают институциональные основы миграции, которые можно исследовать через призму поведенческих аспектов и их влияние в семейно-брачных отношениях. В условиях инновационной экономики правительства и общественность многих стран волнует состояние не только «воспроизводящей» функции семьи и обеспечения экономики трудовыми ресурсами, но и его функции в формировании и развитии человеческого капитала, запасы которого накапливаются в семье в течение всех этапов её жизненного цикла. Семья определяет развитие личности в единстве всех её аспектов – физического, интеллектуального, духовно-нравственного – и создаёт основу для деятельности других институтов, формирующих человека и человеческий потенциал.

В условиях рыночной экономики главной из характеристик современной цивилизации является развитие инновационных процессов в экономической сфере общественной жизни.

В Республике Таджикистан особенностью инновации и его отличительной чертой является определяющая роль человеческих ресурсов, их опережающее развитие. Трансформация роли человеческих ресурсов в основной фактор производства в инновационном обществе повышает значение отдельной человеческой личности, что заставляет при исследовании человеческого фактора всё больше переходить от статистики, оперирующей тысячами и даже миллионами человек, к изучению индивидуального взятого человека, свойств его личности, его мотивации и других сугубо его особенностей, начиная с семейного воспитания и ценностных установок, заканчивая способностью воспроизводить новую генерацию рабочей силы. [5, с. 13].

В условиях инновации основанием системы человеческих ресурсов служит семья. Воспитание детей, образовательного, культурного уровня всех членов семьи, сохранение здоровья и формирование качеств, повышающих их конкурентоспособность на рынке труда, – эти основные функции семьи одновременно могут рассматриваться и как механизм формирования трудовых ресурсов. Вложения капитала в человека стали в настоящее время несопоставимо больше, чем в советские времена. Это связано с изменением качества внутри-семейного труда, который определяется как свободный, добровольный труд.

Новое качество культура быта вырабатывает новые интересы и потребности семьи, тем самым формируя новый спрос, новые рынки, что в свою очередь способствует преодолению кризиса и подъёму экономики.

Объектом внимания учёных экономистов сегодня в семейных отношениях уделяется внимание. Существенный вклад в развитие экономической науки в контексте человеческого капитала принадлежит Г. Беккеру. Беккер исследовал семью как социальный институт, который ранее почти полностью игнорировался экономической теорией. Создатели классической теории рыночной экономики выводили институт семьи за рамки рыночных отношений, ибо в то время его жизнедеятельность регулировалась религиозными нормами, традициями. А. Смит в своей работе «Теория нравственных чувств» подчеркивал важность этических отношений, строящихся на понимании личных интересов других людей, и существование в душе каждого индивидуума «внутреннего судьи», ради

которого мужественно сдерживаются собственные эгоистические побуждения. Семья, по Смиту, – место наиболее интенсивного проявления нравственного чувства, а не низкоэффективное предприятие, производящее малорентабельный продукт – детей. Беккеровская трактовка семьи расходилась со старой концепцией семьи как единого субъекта потребления. Семья стала рассматриваться как производственная единица, принимающая решения и производящая «совместную полезность» с помощью ресурсов времени, умений и знаний разных членов семьи. Таким образом, основой и новой формой богатства общества эпохи инноваций является революция в сфере потребностей всей массы населения. Семья становится центром формирования новых потребностей и устремлений, для которого характерна динамичность развития. Формирующий личность добровольный и самоотверженный внутрисемейный труд любящей матери, учёба детей и молодёжи, труд врача, учителя и других всё это деятельность вне товарного производства, вне рыночных отношений, в которой исключительно велик элемент творческого созидания, преобразования человека в человека.

Таблица 1

Число разводов, зарегистрированных в органах загс по Республики Таджикистан (в тыс. человек)¹

	1989	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всего											
Разводы всего	7576	7409	2373	2885	6019	6762	7417	7920	9037	8346	8845
Без детей	3312	3186	1149	1426	3745	4384	4959	5944	6566	6328	6850
С одним ребенком	2494	2451	522	655	1177	1225	1297	1090	1295	1034	1087
С двумя детьми и более	1770	1772	702	804	1101	1153	1161	886	1176	984	908
Всего общих детей при разводе	4460	4521	2386	2723	3937	2834	2959	2188	4226	3462	1995

Особенности деятельности семьи в качестве первичной экономической единицы общества нуждаются в более глубоком анализе, учитывая их глобальные изменения в условиях формирования инновационной экономики. Экономическая теория семьи переносит узкий неоклассический взгляд с таких экономических субъектов, как фирма и домохозяйство, на семью, что позволяет реализовать те возможности, которые предоставляет новый теоретический подход к семье, не только как к «воспроизводящей» и потребляющей, но и как производственной единице. Социокультурное развитие семьи, выработка новых потребностей даже при низком уровне доходов образуют динамичные, всё более сложные рынки. Именно динамичное расширение рынков всё более технологически сложной продукции даёт простор количественного и, что ещё важнее, качественного развития экономики. Семью можно считать начальной

¹ Демографический ежегодник РТ. – г. Душанбе: 2017.- С. 20–40.

формой групповой жизни людей, так как именно здесь закладывается и формируется умение жить в обществе. Поэтому любая деформация родительской семьи и его участие в миграционных процессах как с социальной так и с правовых аспектов приводит к отрицательным последствиям личности особенно в развитии ребенка. Воспитательно-экономические ресурсы современной семьи, мало изучены, а на повестке дня остро стоит вопрос о модернизации всех ресурсов и потенциалов семьи применительно к инновационной экономике. Подготавливать и адаптировать к требованиям инновационной экономики необходимо не только подрастающее поколение, но и взрослых членов семьи. Огромный внутрисемейный труд часто ограничивает саморазвитие домохозяйки, а фетишизм материальных и социальных благ, социального статуса и семейных интересов, действительно, может деформировать жизнь людей, ограничить их интеллектуальные и духовные силы. Поэтому возрастание роли женщины в производственной сфере, изменение её положения в семье снизили статус традиционной брачно-семейной модели, появились иные новые формы организации частной жизни. В основе разрушения семьи лежат экономические причины. Современная женщина образованна, профессиональна, лучше мужчины приспособлена для рутинного монотонного труда. Доля работающих женщин увеличилась во всех возрастных группах. Коэффициенты трудового участия мужчин и женщин существенно сблизились. В результате при сравнении эффективности двух сфер – производственной и семейной – с точки зрения получения личного дохода выясняется, что вложения в собственное образование, здоровье, карьерный рост приносят в денежном эквиваленте гораздо больший доход, являются более выгодными инвестициями, чем затраты времени и средств на семью и детей. Инвесторы-родители оказываются в проигрыше как в краткосрочном, так и долгосрочном аспекте. На определенном этапе развития объективно меняется баланс социальных ролей женщины, соответственно меняется и место семьи в обществе. Семья уже не дает возможности полной самореализации. В этой ситуации женщина делает выбор в пользу производственной карьеры не только по материальным, но и по морально-психологическим соображениям. Новые формы организации частной жизни уже вполне приняты и в корпоративном секторе, и в обществе в целом. В то же время, как уже отмечалось выше, любое общество заинтересовано в том, чтобы семья, даже существенным образом изменившаяся, продолжала выполнять свою основную функцию – формирование и развитие человеческого капитала, главным образом через воспитание. Оптимальные условия для воспитания и образования детей может создать только полноценная семья, где каждый из родителей вносит свой вклад в развитие личности ребенка. Для создания оптимальных условий воспитания у правительств есть бюджетные, кредитные и налоговые рычаги которых можно их целесообразно использовать.

В европейских государствах существует комплексная семейная политика, содержащая разнообразные меры. Они могут помочь женщине сделать свободный выбор, дать возможность уделить больше времени семье, освободив от необходимости трудиться ради заработка. Широкое применение системы экономических рычагов позволяет влиять на такие параметры

функционирования домашних хозяйств, как уровень и динамика личного потребления. Эти показатели позволяют судить о состоянии трудовых ресурсов, которое зависит от качества потребления. Согласно принятой Всемирным банком методике стоимостного расчета национального богатства и человеческого капитала как одной из его частей, значительная часть потребительских расходов – текущие расходы семей – рассматриваются в качестве капитальных затрат. В целом спрос становится всё более наукоёмким: быстрее всего растут затраты на товары длительного пользования. Динамика расходов населения на оплату различного вида услуг подтверждает тенденцию роста «наукоёмкости» потребления, что положительно воздействует на экономику. Развивая идеи зарубежных и отечественных ученых об особенностях экономического поведения семьи, невозможно не учитывать определенные нюансы культуры семейных отношений. К важному психолого-экономическому ресурсу семьи следует отнести уровень гордости ее членов по отношению к своей родословной, талантам предков, заслугам членов семьи перед государством и обществом. Все это повышает мотивационные исполнительские и творческие потенциалы семьи, ее вклад в общественное производство, усиливает заботу о качестве своей работы.

Именно семья выполняет важнейшую общественную функцию – передачу от поколения к поколению основных культурных кодов, ценностей и установок. «Здесь закладываются те феномены развития социального человека, которые затем реализуются (или не реализуются) в высших достижениях мировой культуры, в достижениях наций и человечества, мировой экономики и международных отношений» [4, с. 53].

Итак, можно констатировать необходимость развития концептов экономической теории семьи в дискурсе роли человеческого капитала в инновационных процессах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Демографический ежегодник Республики Таджикистан. – г. Душанбе: 2017. – С. 20–40.

2. Письменная Е.Е., Азимов А. Дж., Акрамов Ш.Ю., Азимова З.А. Эволюция миграционного поведения населения и социально экономические последствия эмиграции из Таджикистана. Миграционные мосты в Евразии: Модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта (Москва, 28–29 ноября 2017 г.), с. 96–101

3. Азимов А. Дж. Трансформация миграционного поведения и процессов в трудоизбыточной стране теория и методология исследования (на примере Таджикистана) автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук, Худжанд 2016 с. 52 .

4. Васильчук Ю.А Социальное развитие человека. Фактора семьи // Общественные науки и современность. – 2008. № 3 – с. 53–63.

5. Рязанцев С.В, Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: Экономико-социологическое исследование. – М.: Научный мир, 2011.

REFERENCES AND SOURCES

1. Demographic Yearbook of the Republic of Tajikistan. – Dushanbe: 2017. – P. 20–40.
2. Written By E. E., A. J. Azimov., Akramov sh. Yu., Azimova Z. A. Evolution of migration behavior of the population and socio-economic consequences of emigration from Tajikistan. Migration bridges in Eurasia: models of effective migration management in the context of the development of the Eurasian integration project (Moscow, November 28–29, 2017), pp. 96–101
3. Asimov A. J. Transformation of migration behavior and processes in a labor-surplus country research theory and methodology (by the example of Tajikistan) thesis for the degree of doctor of economic Sciences, Khujand 2016 p .52.
4. Vasilchuk Yu. A Social human development. Family factors // Social Sciences and modernity. – 2008. Number 3 – p. 53–63.
5. Ryazantsev S. V., Horie N. Modeling of labor migration flows from Central Asian countries to Russia: Economic and sociological research. – Moscow: Scientific world, 2011.

РИСКИ ПРЕКАРИЗАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И БЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ

Файман Н.С., аспирантка ИСЭПН РАН, Москва, Россия

Ключевые слова: прекариат, риски прекаризации, семья, социология труда, занятость, экономика труда.

Аннотация. В статье рассмотрено влияние прекаризации рабочей силы на социально-экономическое положение семьи. Особое внимание уделено прекаризации в контексте логики развития капитала в современную глобализирующуюся эпоху с учетом факторов нового информационного общества и технологизации профессиональной деятельности. Автор анализирует возможные риски данного процесса для семьи: психическое и физическое здоровье, планирование семьи, финансовая стабильность.

THE RISKS OF THE PRECARIZATION OF LABOR AND THE WELFARE OF THE FAMILY

Fayman N. S., post-graduate student, isepn RAS, Moscow, Russia

Keywords: precariat, risks of precarization, family, sociology of labor, employment, labor economics

Abstract: The article considers the influence of labor precarization on the social and economic situation of the family. Particular attention is paid to precarization in the context of the logic of capital development in the modern globalizing era, taking into account the factors of the new information society and the technological development of professional activity. The author analyzes the possible risks of this process for the family: mental and physical health, family planning, financial stability.

Отмечаемая повсеместно тенденция прекаризации, усиление нестабильности найма имеет самые разнообразные последствия как для психики, так и для социально-экономического положения работников. Рассмотрим возможные риски, связанные с социально-экономическим положением семьи.

Прекариат – это, прежде всего, часть трудоспособного населения, занятое на временной работе¹. По разным оценкам, численность прекариата в России на 2015 год составляла по разным оценкам от 12.2% – отношения временного контрактного найма, и 60% имеют черты прекаризации (данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ)², 20.5% работники неформального сектора (оценка Росстата)³,

¹ Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13

² «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Универси-

67.7/70.2% имеют черты прекаризированной занятости в соответствии условиями найма или отсутствием такового с учетом субъективных характеристик (данные Российского научного фонда)⁴.

На Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2015 года так называемый “Достойный труд” (Decent work) и 4 основы Программы достойного труда – создание рабочих мест, социальная защита, права на рабочем месте и социальный диалог стали неотъемлемыми элементами новой Стратегии устойчивого развития – 2030⁵. Страны-участницы отметили готовность работать в данном направлении неслучайно. Тенденция прекаризации отмечается во всем мире. К ее опасным последствиям относят усиление зависимости работников от условий, предъявляемых им работодателями, ослабление договорных позиций профсоюзов, как следствие – ухудшение условий труда, снижение доходов работников, уменьшение сбережений прекаризованных работников, рост временных затрат на постоянный поиск нового места работы, усиление технологического контроля со стороны работодателей, рост безработицы и ограничение целой категории доступа к социальным гарантиям, системе медицинского страхования⁶.

В широко известном исследовании исследовании BBC в Великобритании «A New Model of Social Class»⁷ Н. Каннингхема, С. Фридмана и других, прекариат выделялся в терминах обладания капиталами. Авторы анализировали данные опроса общес проводившегося в Великобритании в 2011, и создали новую модель социального класса, разработанную на основе измерения социального, культурного и экономического капитала. В группу прекариата авторы отнесли людей с наиболее низким экономическим капиталом, самым низким количеством социальных контактов и самыми низкими показателями по всем остальным критериям, при этом группа составила 15% населения. Они описывают ее как самый бедный и незащищенный класс с процветающей безработицей, очень низким уровнем сбережений, с отсутствием собственного жилья, и проживанием в старых индустриальных зонах, часто вдали от городской среды. В числе прекариев оказалось больше женщин, чем муж-

тета Северной Каролины в Чепел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)».

³ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам Р13 выборочных обследований рабочей силы). 2016: Стат.сб./Росстат. М., 2016. 146 с. ISBN 978-5-89476-421-4

⁴ Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда [Текст] монография / гл. науч. ред. д.э.н., проф. В. Н. Бобков [и др.]. – М. : Изд-во РеалПринт, 2017. – С.221

⁵ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Текст] [Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года Семидесятая сессия Пункты 15 и 116 повестки дня] : офиц. текст URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&referer=/english/&Lang=R (дата обращения 10.04.2018)

⁶ Стэндинг, Гай Прекариат: новый опасный класс [Текст]: – М.: Ад Маргинем Пресс. 2014. – 328 с.

⁷ Savage M. [и др.]. A New Model of Social Class? Findings from the BBC’s Great British Class Survey Experiment // Sociology. 2013. № 2 (47). С. 219–250.

чин, меньше всего людей с высшим образованием, менеджеров и профессионалов, больше всего преобладали люди с профессиями «уборщик», «водитель», «сиделка», а также присутствовали плотники, строители, работники сферы отдыха и путешествий, кассиры и даже держатели магазинов.

По мнению П. Бурдьё, прекариат органически связан с глобализирующимся капиталом⁸. Эту связь также отмечали и Г. Стэндинг⁹, и Р. Кастель¹⁰ и иные исследователи. Именно незаинтересованность капитала в постоянно найтом, стабильном работнике и стабильной профессии формирует структуру рынка труда. В своей последней монографии А. Стихре видит проблемой сокращение среднего класса за счет замещения на аутсорс административных и экспертных функций, что приводит к существенному сокращению «синих» и «белых» воротничков. Однако дискретный, изолированный от семейных структур и не обремененный работник полезен: он гибок и способен расставаться с одним проектом ради другого, способен ждать и быть готовым к нестабильным доходам. Это создает определенные трудности для создания семьи, в основе которой привычны стабильные финансовые поступления.¹¹

Для отражения возможных рисков прекариатизации на благополучие семьи приемлем модель благополучной молодой семьи Т.К. Ростовской¹², которая отражает юридическую оформленность супружеских отношений, экономическую обеспеченность, полноту семьи (наличие обоих родителей и детей), возможности самореализации молодых супругов в различных сферах жизнедеятельности.

Показателями благополучия выступают:

- обеспечение воспроизводства физически здоровых детей;
- обеспечение воспитания и социализации детей;
- формирование у детей национальное самосознание, гражданственность и преемственность социокультурных ценностей;
- эмоциональная и психологическая устойчивость;
- обеспечение развития личности и самореализации членов семьи;
- обеспечение условия для укрепления здоровья и полноценного отдыха всех членов семьи;
- равномерность распределения семейных обязанностей между членами семьи.

В развитых странах масштабы временной занятости также возросли. Согласно последним статистическим данным, в 27 странах ЕС показатели

⁸ Bourdieu P. Counterfire: Against the Tyranny of the Market. London: VersoBooks, 2003.

⁹ Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс. [Текст]– М.: Ад Маргинем Пресс. 2014. – 328 с.

¹⁰ Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. [Текст] – СПб.: Алетейя, 2009. 574 с.

¹¹ Styhre A. Precarious professional work: entrepreneurialism, risk and economic compensation in the knowledge economy /Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan. 2017 – 254 p.

¹² Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Семья в системе социальных институтов общества. – М.: ВАКО, Галлея принт, 2015. – 372 с. – С. 136

временной занятости выросли с 11,2% в 2001 году до 12% в 2012¹³. Швеция, оплот социального государства и социальной защищенности, также не осталась в стороне от данного процесса, и аналогичные периоды были отмечены ростом нестабильности найма. Социологами было отмечено, что Швеция не стала исключением и по рискам, связываемыми работниками с нестабильностью своего найма: респонденты, чья занятость может быть отнесена к прекарной, отмечают, что они не готовы на данный момент планировать серьезные расходы, такие как приобретение дома, а семья и тем более дети – это отдаленная или невозможная перспектива. Для социально-психологического комфорта семьи также возрастают риски: респонденты отмечали, что не в состоянии провести со своей семьей столько времени, сколько хотелось бы, а также возникают трудности с планированием совместного отдыха. Из-за более высокого спроса на рабочую силу летом, прекаритизированные работники склонны отказываться от совместного отдыха с семьей в пользу заработка. Особенно большую проблему составляют графики работы: из-за постоянной фиксированной занятости проблематичным является планирование досуга в целом.¹⁴ Аналогичные данные были получены и в Канаде.

Нестабильность найма также негативно сказывается на здоровье работников, что подтверждено эмпирическими исследованиями в Италии¹⁵, Канаде¹⁶ и др. Их неблагоприятные перспективы в области здоровья сказываются на дальнейших доходах, и, в условиях их ослабевающей социальной защищенности, имеют весьма негативный эффект на дальнейшее благополучие всей семьи.

Психическое здоровье также зависит от формы занятости. Установлено, что изменение статуса занятости на неустойчивую и нестабильную является не только фактором стресса, но также выступает катализатором психических заболеваний.¹⁷

Что касается гендерного распределения, женщины больше подвержены прекаризации, нежели мужчины, их труд более нестабилен.¹⁸ Планирование детности, которое связано со стабильностью финансового положения семьи или женщины отдельно, затруднено в условиях нестабильной работы.

¹³ Eurofound: Recent developments in temporary employment: Employment growth, wages, and traditions. Publications Office of the European Union, Luxembourg. 2015

¹⁴ Macassa G. Bergström H. Malstam E. et al. Experiences of Employment Precariousness and Psychological Well-being in East Central Sweden. Health Sci J 2017. Vol.11 No.2 – P.2–7

¹⁵ Pirani, E. and Salvini, S. (2015). 'Is temporary employment damaging to health? A longitudinal study on Italian workers'. Social Science & Medicine. 124: 121-31. URL: <https://flore.unifi.it/retrieve/handle/2158/1001829/35082/1-s2.0-S0277953614007564-main.pdf>

¹⁶ Working without commitments: precarious employment and health. W Lewchuk, M Clarke, A De Wolff. Work, employment and society 22 (3). 2008 – P.387–406.

¹⁷ Yoo K Park E, Jang S, et al Association between employment status change and depression in Korean adults BMJ Open 2016. URL: <http://bmjopen.bmj.com/content/6/3/e008570> (дата обращения 10.04.2018)

¹⁸ Gender and the contours of precarious employment /F. Vosko. New York, NY : Routledge. 2009. – 280 p.

Так, любопытный данные дает Национальный институт трудовых исследований (2006)¹⁹:

- За последние десять лет постоянная работа на неполный рабочий день для женщин увеличилась на 75%;
- Случайные штатные рабочие места для женщин, без выплаты оплачиваемого отпуска, увеличились на 83% в последнее десятилетие, хотя и с низкой базы.

Подобные тенденции наблюдаются в Швеции, Испании, Канаде, Великобритании²⁰. Это влечет менее стабильное положение женщин, сложности планирование семьи, наряду с декларируемой феминизацией девальвация женского труда. Также отмечается, что наряду с недостатками прекарный труд для женщин имеет ряд преимуществ. Фриланс и гибкий график, с другой стороны, открывает возможности заработка не выходя из дома, таким образом позволяя не терять профессионализацию во время отпуска по уходу за детьми. Однако при этом женщины оказываются заложницами своего социального положения, что отражается в феминистском дискурсе, в добавлении гендерной диспропорции оплаты труда.

Таким образом, по результатам исследований можно выделить риски присущие нестабильности найма, влияющие на социальное благополучие семьи:

- ввиду подрыва экономической стабильности семьи обеспечение воспитания и социализации детей становится более затруднительным;
- формирование у детей национального самосознания, гражданственности и преемственности социокультурных ценностей может пострадать из-за уменьшения часов, проводимых с детьми;
- снижается эмоциональная и психологическая устойчивость семьи – усиливаются стрессы родителей, нестабильные условия найма стимулируют развитие психических отклонений;
- снижается возможность семьи обеспечить развитие личности и самореализации членов семьи, так как требования к профилю и характеру трудовой деятельности у прекаризованных работников существенно занижены, возможности карьерного роста в условиях постоянной смены мест работы практически отсутствуют, что негативно сказывается на самореализации членов семьи;
- снижение показателей здоровья членов семьи; сложности планирования досуга снижают возможности совместного отдыха из-за сознательного отказа работника от отпуска в летнее время для получения больших шансов на оплачиваемую работу в период отпусков. Преимущественно вечерняя работа также снижает возможность семейного досуга;

¹⁹ Women, Welfare and Low-Paid Work Return-to-work strategies for disadvantaged women Veronica Sheen and Jan Carter. – 2008. URL: <https://vsheen.files.wordpress.com/2013/09/women-welfare-and-low-paid-work.pdf> (дата обращения 10.04.2018)

²⁰ Gender and the contours of precarious employment /F. Vosko. New York, NY : Routledge. 2009. – 280 p.

- возникновение проблем с устойчивостью семейных обязанностей в связи с неравномерностью и непредсказуемостью рабочей нагрузки;
- ухудшение шансов на обеспечение воспроизводства физически здоровых детей и полнота семьи, так как возможности планирования детей и устойчивость супружеских отношений ввиду совокупных рисков снижены.

Все это позволяет утверждать, что нестабильный найм снижает шансы индивидов на создание устойчивой благополучной семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. [Текст]- СПб.: Алетейя, 2009. 574 с.
2. Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда [Текст] монография / гл. науч. ред. д.э.н., проф. В.Н. Бобков [и др.]. – М. : Изд-во РеалПринт, 2017. – С.221
3. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Семья в системе социальных институтов общества. – М.: ВАКО, Галлея принт, 2015. – 372 с.
4. Стэндинг, Гай Прекариат: новый опасный класс [Текст]: – М.: Ад Маргинем Пресс. 2014. – 328 с.
5. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13
6. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)».
7. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Текст] [Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года Семидесятая сессия Пункты 15 и 116 повестки дня] : офиц. текст URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&referer=/english/&Lang=R (дата обращения 10.04.2018)
8. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам P13 выборочных обследований рабочей силы). 2016: Стат.сб./Росстат. М., 2016. 146 с. ISBN 978-5-89476-421-4
9. Bourdieu P. Counterfire: Against the Tyranny of the Market. London: VersoBooks, 2003.
10. Gender and the contours of precarious employment /F. Vosko. New York, NY : Routledge. 2009. – 280 p.
11. Eurofound: Recent developments in temporary employment: Employment growth, wages, and traditions. Publications Office of the European Union, Luxembourg. 2015
12. Macassa G. Bergström H. Malstam E. et al. Experiences of Employment Precariousness and Psychological Well-being in East Central Sweden. Health Sci J 2017. Vol.11 No.2 – P.2–7
13. Pirani, E. and Salvini, S. (2015). 'Is temporary employment damaging to health? A longitudinal study on Italian workers'. Social Science & Medicine. 124: 121-

31. URL: <https://flore.unifi.it/retrieve/handle/2158/1001829/35082/1-s2.0-S0277953614007564-main.pdf>

14. Styhre A. Precarious professional work: entrepreneurialism, risk and economic compensation in the knowledge economy /Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan. 2017 – 254 p.

15. Women, Welfare and Low-Paid Work Return-to-work strategies for disadvantaged women Veronica Sheen and Jan Carter. – 2008. URL: <https://vsheen.files.wordpress.com/2013/09/women-welfare-and-low-paid-work.pdf> (дата обращения 10.04.2018)

16. Working without commitments: precarious employment and health. W Lewchuk, M Clarke, A De Wolff. Work, employment and society 22 (3). 2008 – P.387–406.

REFERENCES AND SOURCES

1. Castel P. Метаморфозы социального вопроса. Chronic труда имя. [Текст]-СПб.: 2009. 574 с.

2. Неустойчивость занятости: международный и российский контекста будущего сферы труда [Текст] монография / гл. науч. красный. д.э.н., Prof. В. Н. ВК [и др.]. – М. : Изд-во 2017 Reprint., – С.Двести двадцать один

3. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Семья в системе социальных института общества. – М.: VAC, Galle печати, 2015. – 372 с.

4. Стоит, парень Прекариат: новый ОПС класс [Текст]: – М.: Морской Ад Пресс. 2014. – 328 с.

5. Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13

6. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения U-ВШЭ (РМЭЗ-ВШЭ)», прод Национальным исследовательским университет "Высшая школа экономики" и ООО «Демос» при участии Центра Розен Университета Sever Carolina в Chapel Hill и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования РМЭЗ-ВШЭ: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> <http://www.hse.ru/rlms> и)».

7. Преобразование нашего мира: Pest дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Текст] [решительные, распечатать целом собрать 25 сентября 2015 года сторон сессии Пункты 15 и 116 pest дня] : офиц. текст URL-адрес: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&referer=/english/&Lang=R (дата обращения 10.04.2018)

8. Рабочая сила, Санто и безработица в России (по результатам выборочных P13 устаревших рабочей силы). 2016: Стат.сб./Rosstat. М., 2016. 146 с. ISBN 978-5-89476-421-4

9. Bourdieu P. Counterfire: против тирании рынка. London: VersoBooks, 2003.

10. Гендер и контуры неустойчивой занятости / Ф. Воско. Нью-Йорк, Нью-Йорк : Рутледж. 2009. – 280 с.

11. Eurofound: последние изменения во временной занятости: рост занятости, заработная плата и традиции. Издательство Европейского Союза, Люксембург. Две тысячи пятнадцать

12. Macassa г. Бергстрем Х. Malstam Е. и соавт. Опыт нестабильности занятости и психологического благополучия в Центрально-Восточной Швеции. Здоровье Sci J 2017. Том.11 Дело № 2 – С. 2–7

13. Pirani, E. and Salvini, S. (2015). "Вредит ли временная занятость здоровью? Продольное исследование итальянских рабочих. Социальные Науки И Медицина. 124: 121-31. URL-адрес: <https://flore.unifi.it/retrieve/handle/2158/1001829/35082/1-s2.0-S0277953614007564-main.pdf>

14. Styhre A. неустойчивая профессиональная работа: предпринимательство, риск и экономическая компенсация в экономике знаний / Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2017 – 254 с.

15. Женщины, Социальное обеспечение и низкооплачиваемая работа стратегии возвращения к работе для обездоленных женщин Вероника шин и Ян Картер. – 2008. URL-адрес: <https://vsheen.files.wordpress.com/2013/09/women-welfare-and-low-paid-work.pdf> (дата обращения 10.04.2018)

16. Работа без обязательств: нестабильная занятость и здоровье. W Левчук, M Кларк, A De Wolff. Работа, занятость и общество 22 (3). 2008 – С. 387–406.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вступительное слово</i>	11
 <i>Раздел I.</i>	
ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ИНТЕРЕСАХ СЕМЬИ	13
<i>Антонов А.И.</i> О стратегии и тактике семейно-демографической политики в связи с институциональным кризисом семейных функций и людских ресурсов	15
<i>Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г.</i> Сравнительная оценка влияния мер помощи семьям с детьми на принятие решения о рождении ребенка в зависимости от уровня жизни	21
<i>Кучмаева О.В., Ростовская Т.К.</i> Дискурс о модели современной российской семьи и стратегия семейной политики	33
<i>Левашов В. К., Шушпанова И.С., Новоженина О.П., Афанасьев В.А.</i> Семья в системе социально-политических отношений современного российского общества (по материалам Всероссийского мониторинга «Как живешь, Россия?»)	42
<i>Петрова Т.Э.</i> Качество жизни граждан Российской Федерации	64
<i>Саралиева З.Х.</i> Макроисследования современной семьи: межинституциональное взаимодействие	73
<i>Великая Н.М.</i> Семья и формирование гражданской идентичности в Крыму	82
<i>Мехди Афзали.</i> Особенности семейной и демографической политики Ирана	91
 <i>Раздел II.</i>	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ	101
<i>Зубок Ю.А., Чупров В.И.</i> Отношение молодежи к семье в изменяющейся социальной реальности	103
<i>Климантова Г.И.</i> Ценности семьи как гуманитарный ориентир России	109
<i>Mayu Michigami.</i> State Housing Policy for Young People: the Russo-Japanese Experience	115
<i>Егорычев А.М.</i> Русская культура и традиционная русская семья: возрождение или полная деградация?	121
<i>Мардахаев Л.В.</i> Социокультурная воспитательная среда семьи	130
<i>Ростовская Т.К., Егорычев А.М., Зубанкова А.М.</i> Отцовство в России: исторический социокультурный дискурс	137

Дзуцев Х.В. Эволюция воспитания в осетинской семье: этносоциологический анализ	146
Попова И.В., Храброва К.Г. Сравнительный анализ семейных ценностных установок молодежи поколений 80-х и современной российской молодежи	162
Черкашина Т.Т., Новикова Н.С. Базовые функции института семьи в контексте аксиологических трансформаций «новой культуры»	170
Тихонова Е.В. Кросскультурная семья в России XXI ВЕКА в восприятии студенческой молодежи	177
Безвербная Н.А. Многопоколенная семья России и США: сравнительный обзор	187

Раздел III.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ИНСТИТУТА СЕМЬИ	193
Каменева Т.Н. Трансформация семьи как процесс адаптации к новой социокультурной реальности	195
Шелуханова Л.В. Социологический анализ демографической результативности федеральных и региональных программ помощи семьям с детьми (2012–2017 гг.)	202
Рязанцев С.В., Сивоплясова С.Ю. Российские женщины на международном брачном рынке	208
Захаркина Т.Н. Принятие ребенка в семью: ожидания потенциальных принимающих родителей	214
Ильдарханова Ч.И. Институциональные ресурсы достижения устойчивости семьи (опыт Республики Татарстан)	222
Корыстылева Т.В. Экономическое и «денежное» поведение студенческих семей в контексте социальных рисков	226
Старовойтова Л.И. Пожилая семья в структуре российского общества	230
Козловская С.Н., Козловская Д.И. Современные технологии социальной работы с пожилой семьей в Российской Федерации	235
Письменная Е.Е., Семенцова К.Р. Социальные риски семьи при использовании труда внешних мигрантов в домашнем хозяйстве	240
Азимов А.Д., Акрамов Ш.Ю., Азимов А.А. Миграционные процессы и семья в формировании человеческого капитала в условиях инновационной экономики	246
Файман Н.С. Риски прекаризации рабочей силы и благополучие семьи	252

Для заметок

Для заметок

Научное издание

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 4, № 1

СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Подписано в печать 26.04.2018 г. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,5. Заказ 2958. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru